

Archeology

культура семантика историографи:

национальные языки лингвокультурология

национальные языки межкультурная коммуникация

образовательное пространство межкультурная коммуникация

лингвокультурология образовательное пространство

Psychology мотивация

дискурс образовательное пространство

концепт лингвистика

Linguistics tolerance

Literature studies адаптация

лингвистика адаптация

лингвокультурология билингвизм

лингвистика билингвизм

образовательное пространство билингвизм

поликультурное пространство билингвизм

поликультурное пространство билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 26 No 4
2024

СИБ Скрипт

ТОМ 26 № 4
2024

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

лингвистика билингвизм

Psychology туризм

Archeology мотивация

History туризм

History мотивация

History мотивация

History мотивация

Archeology мотивация

Archeology мотивация

Archeology мотивация

Archeology мотивация

Archeology мотивация

Linguistic Semantics

Linguistic Semantics

Linguistic Semantics

Linguistic Semantics

Linguistic Semantics

History Евразия

Лингвистика

Лингвистика

Лингвистика

Лингвистика

Лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Editorial board

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Язык является неотъемлемой частью культуры человека, его инструментом и орудием, посредством которого происходит эксплицирование мыслей, суждений и рефлексий личности. Интерес к языку, к формам его бытия и специфике функционирования возник давно, в отдаленном социальном прошлом. Следовательно, человек накопил много теоретических знаний о языке. Однако равносильно данному суждению и обратное: человек знает о языке мало. Иначе не существовало бы столько разнообразных научных попыток осмыслить вопросы теории и истории языка, характер взаимодействия одного языка с другим и мн. др. Иллюстрацией данного наблюдения является и тематическое разнообразие публикаций в актуальном номере, в центре которых – поиск новых методик, концепций изучения языка.

Проблеме интерпретационной лингвистики посвящена статья Е. Ю. Поздняковой и Н. Н. Шпильной. Авторы актуализируют концепцию интерпретационного потенциала слов с абстрактной и конкретной семантикой; акцентируют отличия интерпретаций у лексем, что в свою очередь дает представление о значимой роли субъекта интерпретационной деятельности и о сложной организованной семантической структуре анализируемых слов.

Традиционный раздел по когнитивным исследованиям представлен статьями, в которых осуществляется поиск эффективных научных подходов к процессу интерпретации средств и способов проявления когнитивной способности человека (Е. Н. Коваленко, Т. В. Ларионова); симбиоз сопоставительного и концептуального аспекта на материале анализа итальянского и английского языков (И. А. Савватеева).

Авторов раздела о междисциплинарных исследованиях языка объединяет интерес к новым аспектам его изучения, новым научным направлениям. Так, концепцию легкого языка рассматривают в своей публикации С. А. Осокина и Ж. Н. Михиенко. Данное направление в языкознании считается востребован-

ым, поскольку позволяет выработать лингвистическую методику / подход к составлению текстов для определенной целевой аудитории – людей с ограниченными возможностями – для успешной реализации их прав. В рамках активно развивающегося на сегодняшний день направления – искусственного интеллекта – авторы статьи изучают искусствоведческий дискурс (Н. А. Куракина и Д. С. Филиппова). В исследовании акцентирована значимая роль искусственного интеллекта, нейронных сетей для актуализации стилистической специфики текста и других его особенностей. М. М. Шарнин и С. С. Калинин описывают методы обработки естественного языка с целью прогнозирования перспективных направлений в биомедицине. Коллектив авторов (В. А. Каменева, Н. В. Рабкина, А. П. Картавцева, Н. И. Чепсаракова) дополняет научные сведения о ментальности шорцев – представителей малого коренного народа России, проживающих на юге Кемеровской области – Кузбасса.

Истории иероглифического знака посвящена статья П. П. Дашинимаевой и С. В. Дамбуевой, в которой иллюстрируется теория семиозиса в культурно-историческом контексте на материале китайского языка. В русле семиотической теории выполнено также исследование

Д. С. Лебедевой о иероглифической и гадательной системах Древнего Китая. В публикации представлен взгляд на эволюцию знаковых систем.

Корреляцию двух лингвистических терминосистем (русскую и французскую) описывает в своей статье Д. С. Золотухин. Исследование особо перспективно в аспекте описания систем жестовой коммуникации и эквивалентности терминологических расхождений в процессе перевода. Сравнительно-сопоставительный аспект представлен в статье, посвященной аксиологической специфике фразеологизмов в русском и персидском языках (С. А. Хаджи Мусаи и А. Мадаени Аввал).

Два последних тематических раздела посвящены изучению художественного произведения, теории литературы (Л. В. Дубаков, Ю. В. Маликова, Чжу Цзывэй, Е. Ю. Шестакова). Анализ литературного произведения, прояснение некоторых теоретических вопросов литературы по-прежнему остаются актуальными в контексте современных научных тенденций. Исследователи решают вопросы, связанные с философским авторским мировоззрением, обращаются к востребованным темам и художественным образам.

P.S.: Редакция журнала благодарит авторов за отправленные публикации. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии.

Dear readers and authors!

Language is an integral part of human culture. It is a tool that allows us to explicate ideas, opinions, and reflections. Human interest in language being as old as civilization itself, we have accumulated much theoretical knowledge about it yet we know so little. We are still trying to fathom how languages work, develop, and interact. This issue focuses on some new linguistic methods and concepts.

E. Yu. Pozdnyakova and N. N. Shpilnaya write about the interpretative potential of words with abstract and concrete semantics; the semantic differences highlight the role of the interpreter and the semantic complexity of the words under interpretation.

The cognitive section introduces E. N. Kovalenko and T. V. Larionova, who look for effective scientific approaches to human cognition. I. A. Savvateeva combines comparative and conceptual methods to analyze Italian and English.

The interdisciplinary section offers new linguistic aspects and directions. S. A. Osokina and Zh. N. Mihienko write about the so-called easy language that implements a linguistic method

of comprising easy-to-read texts for people with cognitive issues. N. A. Kurakina and D. S. Filippova apply the idea of artificial intelligence and neural networks to the stylistics of artistic discourse. M. M. Charnine and S. S. Kalinin describe the most relevant methods of natural language processing to predict promising directions in biomedicine.

V. A. Kameneva, N. V. Rabkina, A. P. Kartavtseva, and N. I. Chepsarakova use associative analysis to study the linguistic worldview of the Shorians, an indigenous people from the Kemerovo Region.

P. P. Dashinimaeva and S. V. Dambueva apply the theory of semiosis

to the system of Chinese hieroglyphs in cultural and historical contexts.

D. S. Lebedeva also used the semiotic theory to trace the evolution of Chinese writing back to the early mantic practices of Ancient China.

D. S. Zolotukhin compares Russian and French terms related to gestural communication. S. A. Haji Musaei and A. Madayeni Avval analyze the axiology of Russian and Persian idioms.

L. V. Dubakov, Yu. V. Malikova, Zhu Ziwei, and E. Yu. Shestakova study fiction, poetry, and literary theory. They write about authentic philosophical worldviews, popular motifs, and artistic images.

P.S.: We thank our authors for their scientific contribution and welcome new ones to publish their research results in philology and linguistics.

Актуальные проблемы лексикологии

Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных

Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. 503

Когнитивная лингвистика

Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи
(на материале английского языка)

Коваленко Е. Н., Ларионова Т. В. 515

Семантические особенности концепта *игра* в прагматическом, семиотическом и аксиологическом выражении
игровых поведенческих отношений

Савватеева И. А. 525

Междисциплинарные исследования языка

Ассоциативные поля культурно-маркированных лексем *Чыл-Пажы* и *чалама* в языковом сознании шорцев:
психолингвистический эксперимент

Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавцева А. П., Чепсаракова Н. И. 536

Искусственный интеллект и живопись в лингвопрагматическом аспекте: возможности и вызовы

Куракина Н. А., Филиппова Д. С. 548

Понятность слов как критерий разработки текстов на легком языке: экспериментальное исследование

Осокина С. А., Михиенко Ж. Н. 557

Применение методов обработки естественного языка для прогнозирования перспективных направлений
использования формальных онтологий в биомедицине

Шарнин М. М., Калинин С. С. 567

Семиотика

Семиотика китайского иероглифа: от иконического и индексального знака к символическому

Дашинимаева П. П., Дамбуева С. В. 576

Действие закона семиотического ослабления в иероглифической и гадательной системах Древнего Китая

Лебедева Д. С. 587

Сравнительно-сопоставительные исследования языка

Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских
и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций

Золотухин Д. С. 597

Аксиологическая составляющая фразеологических единиц с колоративом *красный* в русском
и персидском языках

Хаджи Мусаи С. А., Мадаени Аввал А. 607

Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты

Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц

Дубаков Л. В. 618

Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923)

Маликова Ю. В. 629

Призрачный поезд как интегральный образ в романе В. В. Набокова «Машенька» (1926)

Чжу Цзывэй 637

Теория литературы

Художественная модель мира как предмет научного исследования

Шестакова Е. Ю. 647

Lexicology

Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns

Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. 503

Cognitive Linguistics

Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech

Kovalenko E. N., Larionova T. V. 515

Caratteristiche Semantiche del Concetto di *Gioco* Nell'espressione Pragmatica, Semiotica e Assiologica delle Relazioni Comportamentali di Gioco

Savvateeva I. A. 525

Interdisciplinary Linguistics

Associative Fields of Culturally Marked Lexemes *Chyl-Pazhy* and *Chalama* in the Language Consciousness of Shorians: A Psycholinguistic Experiment

Kameneva V. A., Rabkina N. V., Kartavtseva A. P., Chepsarakova N. I. 536

Artificial Intelligence and Art: Opportunities and Challenges

Kurakina N. A., Filippova D. S. 548

Lexical Comprehensibility as a Criterion for Easy-to-Read Texts: An Experimental Study

Osokina S. A., Mihienko Zh. N. 557

Natural Language Processing Tools for Predictive Modeling of Advanced Trends in Formal Ontologies in Biomedical Sciences

Charnine M. M., Kalinin S. S. 567

Semiotics

Semiotics of the Chinese Hieroglyph: From Iconic and Indexical Sign to Symbolic

Dashinimaeva P. P., Dambueva S. V. 576

Semiotic Weakening Law in Ancient Chinese Writing System and Divinations

Lebedeva D. S. 587

Comparative Linguistics

Language of Signs vs. Sign Language: Equivalence Issues of French and Russian Terms in Metalanguage of Gestural Communication Systems

Zolotukhin D. S. 597

Color Name Red in Russian and Persian Phraseology: Axiological Aspect

Haji Musaei S. A., Madayeni Avval A. 607

Literary Aspects of Text Analysis

Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose

Dubakov L. V. 618

Love in Konstantin Paustovsky's *Romantics* (1923)

Malikova Yu. V. 629

Phantom Train as Integral Image in Vladimir Nabokov's *Mary* (1926)

Ziwei Zhu 637

Literary Theory

Artistic World Model as a Subject of Scientific Research

Shestakova E. Yu. 647

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fgitbq>

Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных

Позднякова Елена Юрьевна

Алтайский государственный технический университет

им. И. И. Ползунова, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна

Алтайский государственный педагогический университет,

Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Аннотация: Статья посвящена описанию интерпретационного потенциала абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. С позиций интерпретационной лингвистики любое слово оказывается встроенным в диалог, а семантика слова не является зафиксированной и навсегда застывшей. Цель статьи – выявить отличия в развертывании интерпретационного дискурса у абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. Для решения проблемы обусловленности интерпретационного потенциала слова типом его значения (абстрактное / конкретное) был предпринят лингвистический эксперимент, состоящий из 2-х этапов. Первый этап заключался в моделировании ассоциативного поля имен нарицательных, второй – во встраивании существительных в диалогические высказывания. Респондентами стали студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова в возрасте 18–22 лет: на первом этапе – 109 человек, на втором – 270. В качестве материала исследования послужили 5248 реакци-ассоциатов и 218 диалогических высказываний. В результате выяснилось, что интерпретационный потенциал слова обусловлен ассоциативно, а отдельные лексические единицы, образующие ассоциативный ряд, можно рассматривать как ключевые лексемы, по которым в дальнейшем оказывается возможно развертывание высказываний адресатом. Компоненты семантической структуры ассоциативного поля абстрактных и конкретных имен нарицательных могут порождать как синонимичные, так и антонимичные реакции, однако ассоциативное поле лексем с конкретным значением более разнообразно. На основе анализа ключевых ассоциатов были выделены референциальные области существительных. При этом референциальные области абстрактных и конкретных существительных связаны с зафиксированным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку большинство из них не коррелируют с описанием, данным в словаре. При развертывании диалогов с абстрактными именами существительными чаще всего не задействуются области, связанные с прямым (словарным) значением лексемы, в то время как при развертывании диалогов с конкретными именами существительными – области, связанные с интерпретационным и переносным значением.

Ключевые слова: интерпретационная лингвистика, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, имя нарицательное, текст, дискурс

Цитирование: Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 503–514. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-503-514>

Поступила в редакцию 15.05.2024. Принята после рецензирования 05.07.2024. Принята в печать 08.07.2024.

full article

Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Abstract: The article describes the interpretative potential of abstract and concrete common nouns. In interpretational linguistics, any word may become part of dialogue, which means that its semantics is not static. The research objective was to identify differences between abstract and concrete common nouns in interpretational discourse. The linguistic experiment consisted of two stages; its goal was to identify the effect of the word type (abstract / concrete) on its interpretative potential. The respondents were first- and second-year students of the Polzunov Altai State Technical University aged 18–22 y.o. The first stage (109 people) involved modeling the associative field of common nouns while the second one (270 people) featured their use in dialogue speech. The surveys yielded 5,248 associations and 218 dialogues. The interpretative orientation of a word was determined by association, and words that formed an associative chain could be considered as key lexemes used by the recipient to build their own discourse. The semantic components of the associative field of abstract and concrete common nouns generated both synonymous and antonymous reactions. However, the associative field of lexemes with a concrete semantics proved to be more diverse. The analysis of key associates made it possible to identify the referential areas of nouns of abstract and concrete nouns, which were not directly linked to the dictionary lexical meaning as most of them did not correspond with the dictionary definition. Dialogues with abstract nouns seldom included areas associated with their direct (dictionary) definition. Dialogues with concrete nouns hardly involved areas connected with interpretative and figurative meaning.

Keywords: interpretational linguistics, associative experiment, associative field, common noun, text, discourse

Citation: Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns. *SibScript*, 2024, 26(4): 503–514. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-503-514>

Received 15 May 2024. Accepted after peer review 5 Jul 2024. Accepted for publication 8 Jul 2024.

Введение

Статья выполнена в русле интерпретационной лингвистики, предметом изучения которой является интерпретационное функционирование языка. Лингвистический интерпретационизм – одно из активно развивающихся научных направлений, основной идеей которого считается интерпретируемость языковой единицы и положение о том, что «значение и смысл языковых выражений представляют собой результат интерпретирующей деятельности человека» [Ким 2012: 6]. Отдельные положения данного направления представлены в работах [Болотнова 2014; Боярская, Метелев 2024; Голев, Сергеев 2008; Демьянков 1996; 1999; Залевская 2018; Ким 2012; Ким, Беляева 2019; Ким, Голев 2008; Чернейко 2015; Шпилная 2013].

В данной статье мы рассматриваем имя нарицательное как компонент интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание¹. Обращение к проблеме обусловленности интерпретационного потенциала слова типом его значения (абстрактного / конкретного) и признание значимости роли интерпретирующего субъекта (адресата) в формировании семантики слова и восприятии речевого высказывания определяет актуальность работы.

Цель статьи – выявить отличия в разворачивании интерпретационного дискурса у абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. Задачи:

¹ Под интерпретационным речевым высказыванием понимается любое высказывание, появившееся в процессе восприятия слова и являющееся результатом интерпретационной деятельности адресата.

1. Разработать методику проведения лингвистического эксперимента, направленного на развертывание интерпретационного потенциала имен нарицательных.
2. Описать результаты проведенного эксперимента.
3. Выделить референциальные области абстрактных и конкретных имен существительных.
4. Провести сравнительный анализ разворачивания интерпретационного дискурса абстрактных и конкретных имен существительных.

Предпринятый сравнительный анализ интерпретационного потенциала конкретных и абстрактных нарицательных имен в их корреляции с референциальными областями позволяет выявить некоторые закономерности в их интерпретационном функционировании, что обуславливает новизну проведенного исследования.

В процессе коммуникации адресат воспринимает слово и актуализирует одно из его множественных значений, разворачивая свое речевое высказывание. Как отмечает Н. Н. Шпильная, «в процессе общения реализуется диалогическая языковая способность, при этом воспринимающий субъект – адресат находится в позиции отвечающего, осуществляющего языковую и речемыслительную деятельность в ситуации ответа – реплицирования» [Шпильная 2021: 7].

С позиций интерпретационной лингвистики любое слово оказывается встроенным в диалог, а семантика слова не является зафиксированной и навсегда застывшей: существует множественность интерпретаций, а лексема предстает как сгусток идей или «пучок смыслов», связанных с ее внешней оболочкой. По словам Е. С. Кубряковой, «речь рождается от слова или целых кусков (chunks) будущего высказывания» [Кубрякова 1986: 133]. Л. Г. Ким пишет о символической природе языковых знаков, «смысл которых не дан, а лишь задан намеком их внутренней формой, допускающей неоднозначную интерпретацию и бесконечно порождающей новые смыслы» [Ким 2012: 17]. Слово обладает определенным коммуникативным потенциалом, который позволяет лексеме участвовать в общении в качестве элемента высказывания – «носителя определенного "кванта" знания и прагматического заряда» [Болотнова 2014: 231]. Благодаря «коммуникативным свойствам лексических единиц в сознании автора и адресата рождаются соответствующие (не идентичные из-за разного знания о мире) микросмыслы, значимые для последующего обобщения в процессе смыслового развертывания текста и его понимания адресатом» [Там же]. Речь говорящего зависит не только от ситуации, но и от того, как говорящий

представляет себе адресата, его образ: «это конкретный собеседник, а также реальная или потенциальная аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать» [Чернейко 2005: 53], однако не менее важную роль в восприятии высказывания играет адресат, поскольку именно он осуществляет интерпретацию полученного сообщения и порождает ответное высказывание.

Развивая мысль Н. С. Болотновой о том, что коммуникативный потенциал слова реализуется не только в ситуации порождения, но и восприятия высказывания, мы полагаем, что одним из аспектов коммуникативного функционирования слова является интерпретационный аспект, соотносимый с интерпретационным функционированием слова. Интерпретационный потенциал слова обычно связывают с анализом прагматически маркированного слова [Булыгина, Трипольская 2015]. Актуальным для нас является положение, согласно которому в структуре языкового знака выделяется интерпретанта, определяющая восприятие знака адресатом (Ч. Пирс). «Именно интерпретанта определяет знаковый характер в отношениях между отправителем и получателем в процессе коммуникации» [Лукьянова 2012: 237]. Иными словами, одним из свойств языкового знака, в том числе и нарицательного имени, является интерпретируемость. Интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий [Демьянков 1996: 31], в свою очередь, смысл выражения представляет собой «актуализированное речевое значение в рамках сиюминутной ситуации интерпретирования» [Демьянков 1999: 11]. Как следствие, имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, способно наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса адресата.

Еще в трудах А. А. Потебни находим мысль о том, что «собственное значение слова не есть полное содержание мысли, связанной со словом, а только один признак, символически обозначающий эту мысль, что слово есть представление мысли» [Потебня 2000: 323]. Ученый различает *ближайшее* и *дальнейшее* значение слова, первое понятно всем говорящим, второе – включает в себя все сведения и ассоциации, которые могут быть у индивидуума по поводу данного слова. «В процессе общения слово связывается говорящими с новыми ассоциациями и реалиями, что приводит к появлению смыслов как личностно актуальных компонентов значения» [по: Рудакова 2023: 12]. Учение А. А. Потебни основано на выделении в слове внешней

формы, содержания, объективируемого посредством звука, и внутренней формы или ближайшего этимологического значения слова [Потебня 1989: 160]. Мы полагаем, что внутренняя форма имени актуализирует интерпретационный дискурс воспринимающего субъекта и «дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова» [Там же: 166].

В современных исследованиях доказываем, что слово задает направление репрезентации смысла, «это и инструмент мыслительной деятельности человека, и зафиксированные структуры знания, и реальное представление актуальных смыслов, и указатель пути приобретения этого знания» [Пищальникова, Степыкин 2023: 42]. Л. О. Чернейко утверждает, что реакция воспринимающего субъекта – адресата – «зависит не только от "базы данных" последнего (от типа языковой личности, от ее перцептивного словаря, от настроения и т. д.), но и от структуры языкового знака – его неоднозначности» [Чернейко 2015: 109]. Как отмечает А. В. Рудакова, «в процессе употребления в динамичной семантической структуре слова каждый индивид выделяет актуальные для него компоненты, что постепенно ведет к изменению познавательной структуры, обозначенной прежним словом, т. е., по сути, к медленному, но неуклонному изменению его значения» [Рудакова 2023: 12]. Таким образом, семантика слова изменчива, в процессе восприятия адресат интерпретирует полученное сообщение и «пропускает» его через собственные личностные смыслы, и лишь совпадение языковой картины мира говорящего и слушающего делает возможным понимание высказывания и его дальнейшее развертывание.

Методы и материалы

Для доказательства гипотезы о том, что имя нарицательное выступает компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание, нами был предпринят лингвистический эксперимент.

Проведенный эксперимент включал в себя несколько этапов: 1 этап – моделирование ассоциативного поля имени нарицательного; 2 этап – встраивание имени нарицательного в диалогические высказывания.

На 1 этапе эксперимента в качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным (17 лексических единиц (ЛЕ)) и конкретным значением (23 ЛЕ), всего 40 ЛЕ. В анкеты были также включены

названия коммерческих объектов (имена собственные), однако без указания на специфику именуемого объекта. Актуализация дискурса имени собственного подробно рассматривается в научной статье одного из авторов (см. [Позднякова 2023]). Респондентами стали студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова ($n = 109$) в возрасте 18–22 лет. Испытуемым предлагалось записать ассоциации, возникшие при восприятии слов. Всего было получено 5248 реакций, в 88 случаях отмечено отсутствие ассоциаций. Полученные ассоциации рассматриваются нами как ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного. Совокупность ассоциатов, относящихся к конкретной лексеме, формирует ее ассоциативное поле, в результате моделирования которого можно говорить о «доминировании тех или иных типов ментальных опор, содержащих информацию о языковых и энциклопедических знаниях, эмоционально-оценочных переживаниях индивида и нормах и оценках, выработанных социумом» [Степыкин 2024: 90]. Результаты исследования интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой описаны в статье [Позднякова, Шпилная 2024].

2 этап эксперимента представлял собой моделирование диалогических высказываний с именем нарицательным. В диалогах, целью которых была актуализация дискурса имени нарицательного, были использованы существительные с конкретным и абстрактным значением. В результате было получено 218 диалогов. В качестве респондентов выступили студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова ($n = 270$) в возрасте 18–22 лет (информанты участвовали в эксперименте добровольно).

Результаты

Первый этап экспериментального исследования представлял собой свободный ассоциативный эксперимент, в котором имена нарицательные выступали в качестве стимула. Полученные ассоциаты мы рассматриваем как ключевые слова, формирующие ассоциативное поле лексемы, по которым возможно дальнейшее развертывание высказываний носителей языка [Караулов 2010; Сахарный и др. 1984]. Мы исходим из мысли, согласно которой интерпретационная ориентация слова обусловлена ассоциативно. Иными словами, мы считаем, что ассоциативное поле лексемы фиксирует ее интерпретационный потенциал.

При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную

модель разворачивания дискурса, актуализирующего концептную семантику существительных или коммуникативные фрагменты.

В качестве примеров возьмем лексемы с абстрактной (*радость*) и конкретной (*сова*) семантикой и проанализируем потенциал интерпретационного развертывания имен нарицательных адресатом.

Лексема с абстрактной семантикой

В ходе ассоциативного эксперимента были получены следующие реакции на стимул **радость**: смех (12) / смех людей, улыбка (10) / улыбки (2), счастье (10), детство (5), веселье (4), друзья (4), лето (4), семья (4), автомат (2) / автомат по вышмату (3), дом (2), еда (2), легкость (2), подарки (2), праздник (2), удовольствие (2), эмоции (2), близкие люди / близкие, сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана и др. (всего 135 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциации; в 3 случаях ассоциаций нет).

Отдельные лексемы, образующие ассоциативный ряд, можно расценивать как ряд ключевых слов, своеобразные точки компрессии смысла, которые подлежат интерпретации и последующему развертыванию адресатами в процессе создания диалогических или монологических высказываний. На дотекстовом этапе большое значение имеют личностные смыслы воспринимающего субъекта, поскольку именно они порождают низкочастотные, субъективно-окрашенные ассоциации, кроме этого, именно они связаны с интерпретационной деятельностью адресата.

Имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, позволяет наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса, связанные с личностными смыслами адресата.

Итак, в словарной статье зафиксировано следующее определение лексемы *радость*: 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье. 3. (обычно со сл. *моя*). Разг. Ласковое, нежное обращение².

Ключевые ассоциаты лексемы *радость* включают в себя следующие компоненты значения, назовем эти компоненты *интерпретантами* (вслед за Ч. Пирсом):

- эмоции: *веселье, восторг, любовь, радость, счастье, горе, горечь, печаль*;

- состояния: *легкость, моменты, свобода, спокойствие, стремительность, подъем, удовлетворенность*;
- еда: *еда, леденец, обед, поесть, семечки*;
- общение: *встреча, друзья, компания, увидеться с девушкой*;
- работа / учеба: *автомат, автомат по вышмату, выполненная работа, любимое дело, сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана, сессия на отлично*;
- деньги: *деньги, доллар по 30 руб., стипендия*;
- семья: *близкие люди / близкие, детство, дом, кот, мама, папа, поддержка, рядом с близкими, семья*;
- смех: *смайл фейс, смех, смех людей, улыбка/и*;
- погода: *лето, солнце, погода*;
- достижения: *исполнения желаний, победа, удача*;
- приятные занятия / события: *вождение, игра, музыка, подарки, праздник, покурить, приключение*;
- атрибуты радости: *в мелочах, непостоянна, щенячья*.

Сравним полученные ассоциаты с ключевыми компонентами значения данного имени нарицательного. Выделенные референциальные области связаны с описанным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку лишь две области – **эмоции** и **состояния** – коррелируют с определением, данным в словаре. Отметим, что компонент семантической структуры ассоциативного поля, объединяющий названия эмоций, порождает как синонимичные, так и антонимичные номинации, последние в лексическом значении лексемы *радость* не могут быть зафиксированы.

Интерпретация адресатом предполагает конкретизацию и развертывание дискурса имени нарицательного в языковом сознании реципиента. Появляющиеся индивидуальные реакции, напрямую не связанные с семантикой слова, свидетельствуют о «прохождении» лексемы через личностные смыслы адресата и актуализации тех прагматических, субъективно окрашенных ассоциаций, которые обладают психологической релевантностью для воспринимающего субъекта в данный момент в конкретной ситуации. В то время как процесс образования интерпретационного (субъективного или непрямого) значения можно представить как «процесс осмысления различных феноменов, событий и ситуаций действительности, называемых словом» [Бубнова 2010: 30].

² Радость. *Большой толковый словарь русского языка*, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=Радость&mode=slovarei&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=Радость&mode=slovarei&dicts[]=42) (дата обращения: 20.04.2024).

Соотношение прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения можно представить в виде схем (рис. 1).

На втором этапе экспериментального исследования испытуемым предлагалось продолжить в свободной форме незаконченную фразу участника диалога. Диалог был построен следующим образом:

- Привет!
- Привет!
- У меня сегодня радость!
- Какая радость, расскажи...

Варианты развертывания диалогов чаще всего демонстрируют стереотипные реакции воспринимающего субъекта. При этом задействуются референциальные области, актуализированные в ходе ассоциативного

эксперимента. Длина достроенного высказывания варьируется от одного слова-реплики до нескольких полноценных речевых актов. Полученные диалоги можно расценивать как реакции на ключевое слово *радость*. В качестве примера приведем ключевые ассоциаты лексемы *радость* и варианты развертывания соответствующих им референциальных областей в репликах испытуемых.

Еда: Я покушал / Я поел / Я выспался и поел.

Работа / учеба: Мне удалось устроиться на работу в компанию моей мечты / Меня сегодня повысили в должности / Будь добр. – Я со стипендии не слетел! Теперь впереди его один благополучный семестр / Что у тебя? – Учебный год наконец-то закончился! / Я сдал все экзамены / Мне интересно. – Я закрыл сес-

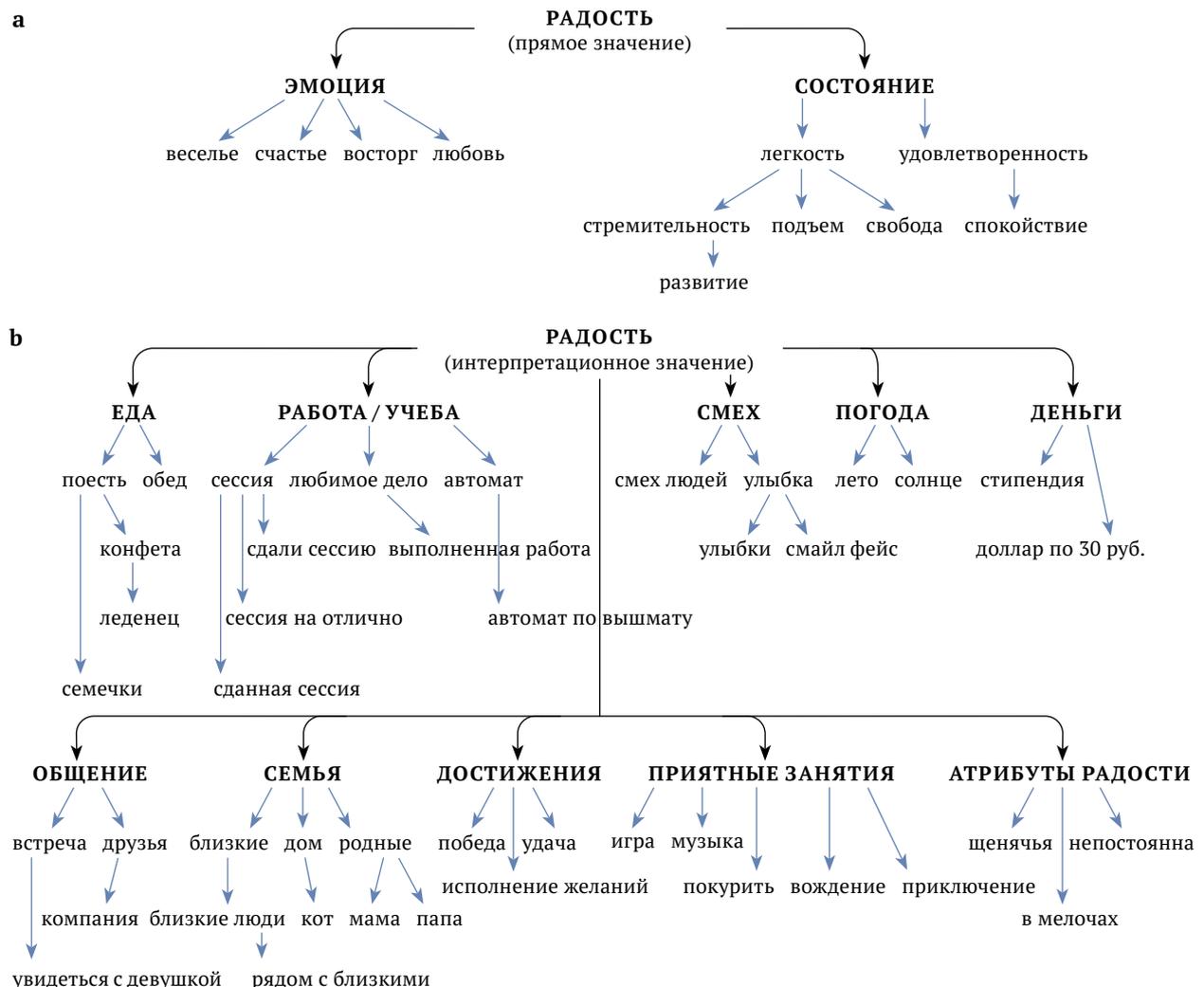

Рис. 1. Схема прямого (а) и интерпретационного (б) развертывания семантики имени нарицательного с абстрактным значением

Fig. 1. Direct (a) and interpretational (b) deployment of semantics for an abstract common noun

сию досрочно и могу ехать домой / У меня 100 баллов за экзамен / Я смог защитить лабораторную по физике на 60 баллов / Кончилась учеба, и стало больше свободного времени / Рома не опоздал на пары / Мне. – Я поступила! / А я послушаю и оценю. – Все экзамены закрыты автоматом, как и зачеты / Что у тебя случилось. – Меня приняли на работу в мою любимую компанию / Закончил учебу без долгов.

Деньги: Стипендия пришла! / Я заработал свой первый миллион на криптобирже / Я получил зарплату / Мне. – Хорошая, я нашел кошелек.

Семья: Родилась дочь / Моя собака родила семейных щенят / Сегодня мой сын сказал первое слово, и представляешь, он сказал «Папа»!!! / У меня родилась сестра / Сын родился! / Ну? К нам сын летит / Подробнее. – Сегодня я смогу поехать домой к родителям.

Погода: Лето через несколько недель.

Достижения: Я машину купил – фуру / Я купил машину! / Сегодня я купил себе велосипед:) / Я сегодня выиграла сет роллов в конкурсе репостов / Что произошло. Сегодня я сдал экзамен в автошколе / Мне купили новую машину / Мне купили айфон 15 про макс ультра, а у тебя Сяоми / Я лотерею выиграл / Я сегодня закрыл ипотеку / Мне интересно. – Наконец доделал поделку своими руками / Что хорошее произошло? – Отремонтировал свой автомобиль / Мне о ней! – Я машину продал / Мне. – Я купил кроссовки по скидке, которые давно хотел купить.

Приятные занятия / события: Мы сегодня собираемся за грибами в лес / Выходной / Пару отменили / Я наконец-то погладил енота / Мне провели ринопластику и удалили в носу горбинку / Пожалуйста. – Сегодня мне исполнилось 18 лет.

Атрибуты радости: Что случилось? – Счастливая / Нереальная.

При достраивании диалогов речемыслительная деятельность индивида сводится к развертыванию и интерпретации ключевых реакций на слово-стимул. «В диалоге в механизм текстопорождения встраивается позиция слушающего, активность которой задается его ассоциативной реакцией на сам знак – на его понимание, а точнее, на недопонимание или непонимание» [Чернейко 2015: 109]. Адресат интерпретирует ключевую лексему, актуализируя определенные референциальные области случайным и часто стереотипным путем. Этим объясняется большое количество повторяющихся однотипных реплик в полученных диалогах. В достроенных диалогах интерпретирующий субъект актуализирует свои личностные смыслы,

озвучивая те его компоненты, которые обладают релевантностью для него в данный момент. Согласно утверждению Е. С. Кубряковой, «мысль формируется из этих смыслов, она как бы кристаллизуется в процессе столкновения образов и схем, смутных представлений, в поисках связи и отношений между ними, в выборе из всех возникающих ассоциаций наиболее важной для данной ситуации» [Кубрякова 1986: 67]. Происходит актуализация латентных установок адресата, озвучивается именно то, что больше всего соответствует его жизненным установкам и имеет для него исключительную ценность.

Отметим, что при достраивании диалогов с лексемой *радость* довольно часто встречаются неинформативные речевые акты, которые включают в себя:

- а) формулы речевого этикета: *пожалуйста* (встречается в 8 диалогах);
- б) формулы, показывающие заинтересованность в общении: *я весьма заинтересован / мне очень интересно*;
- в) этикетные фразы, вызывающие собеседника на откровенную беседу: *если не секрет / если тебе будет не сложно / мне по секрету / как дела на работе и дома*;
- г) фразы, позволяющие получить подробную информацию у собеседника: *подробнее / в подробностях / про свою радость / что тебя заставило радоваться?*;
- д) фразы, включающие указание на адресата: *Ты / Мне / Мне об этом / Мне эту радость*.

В описанных диалогах происходит развертывание интерпретационного дискурса лексемы *радость*, причем «сгустками идей», получающими интерпретацию в ходе достраивания реплик, становятся референциальные области, выделенные в ходе ассоциативного эксперимента. Интересно, что прямое значение слова в речевых высказываниях не задействовано, из этого можно сделать вывод о том, что для интерпретирующего субъекта, достраивающего диалог, наиболее важным оказывается интерпретационное значение, связанное с его личностными смыслами.

Лексема с конкретной семантикой

Проанализируем интерпретационный дискурс имени нарицательного с конкретной семантикой на примере лексемы *сова*.

Словарная статья дает следующие определения:

1. Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом, ведущая сумеречный образ жизни.
2. только мн.: совы, сов. Отряд птиц, к которому относится сова,

филин, сыч и т. п., ведущие сумеречный образ жизни. 3. Психол. Организация психики человека, период активности которого приходится на ночное время; человек такого типа (противоп.: жаворонок)³.

При проведении ассоциативного эксперимента были получены следующие ассоциации на стимул сова: *ночь (23), птица (11) / птичка, лес (8), глаза (6), мышь (4), перо (2) / перья (2), сон (4), хищник (4), камера (3), охота (3), филин (3), бар-кафе (2), Гарри Поттер (2), голова (2), снег (2), у-у (2), 360 (2), а я думал сова, аномалия, белая птица, бесшумная / бесшумность, большие глаза / глаза большие, ведьма, ветка, внимательность, дерево / деревья, дупло, жаворонок, звук, зима, картина с совами, книга, кошмар, любимое животное, мем / мемчик, мем про сову, милая, мистер Сова, мох, мудрость, ночная прогулка, ночной хищник, обучающая дошкольников (мультимедиа), подозрительная сова, поздно встает, Пух, Смешарики, спит, студенты, сыч, темно, тишина, ушки, фамилия коллеги по работе, фотокамера, Хогвартс, ху-ху, чайник, шея, я, 2*2 (всего 134 ассоциации, из них 50 единичных).*

В ассоциативном поле лексемы сова можно выделить следующие ключевые компоненты смысла:

- птица: *белая птица, любимое животное, птица / птичка, сыч, филин;*
- хищник: *мышь, ночной хищник, охота, хищник;*
- внешний вид: *большие глаза, глаза, голова, перо / перья, ушки, шея, 360;*
- ночь: *кошмар, ночь, ночная прогулка, сон, спит, темно;*
- лес: *ветка, дерево / деревья, дупло, лес, мох;*
- звук: *бесшумная / бесшумность, звук, тишина, у-у, ху-ху;*
- качества: *аномалия, внимательность, милая, мудрость;*
- зима: *зима, снег;*
- книга / мультфильм / картина: *Гарри Поттер, картина с совами, книга, мистер Сова, обучающая дошкольников (мультимедиа), подозрительная сова, Пух, Смешарики, Хогвартс;*
- мем: *а я думал сова, камера, мем / мемчик, мем про сову, фотокамера;*
- человек: *ведьма, жаворонок, поздно встает, студенты, я;*
- имена собственные (онимы): *бар-кафе, фамилия коллеги по работе.*

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы сова можно представить в виде схем (рис. 2).

Таким образом, представленные схемы наглядно демонстрируют усложнение семантики имени нарицательного в процессе интерпретационной деятельности реципиентов. Исходное значение дополняется и обогащается компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта. По утверждению А. А. Залевской, «человеку свойственно выходить на тот уровень "перевода знаков", поиска нужной "интерпретанты", который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов» [Залевская 2018: 22].

На втором этапе лингвистического эксперимента реципиентам предлагалось достроить следующий диалог с лексемой сова:

- *Привет!*
- *Привет!*
- *Ты знаешь, мы вчера ездили в лес.*
- *Зачем?*
- ...
- *Мы видели там сову.*
- *И что?*
- ...

Результатом стали достроенные диалоги, которые демонстрируют интерпретационную деятельность адресата. В процессе развертывания диалогического высказывания адресат актуализирует ключевые компоненты семантики имени нарицательного, лексема интерпретируется и становится неким стимулом для порождения высказывания. Те компоненты смысла, которые были зафиксированы в ходе ассоциативного эксперимента, являются точками, служащими основой для порождения дальнейшего высказывания.

Птица: *Часто увидишь такую птицу? / Привет! / Просто вспомнил, как мы тоже были в том лесу и увидели сову / А ничто, просто сова:) / Она улетела, увидев нас / Ты видел до этого сову? Я – нет.*

Хищник: *Она охотилась на мышью / Она украла кусок мяса! / Она что-то несла.*

Внешний вид: *Она была огромной / Она крупнее, чем мы думали / Красивая / Она была маленькой / Она может поворачивать голову почти на 360 / А ты никогда не видел их? Они невероятно красивы! /*

³ Сова. Большой толковый словарь русского языка, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=Сова&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=Сова&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.04.2024).

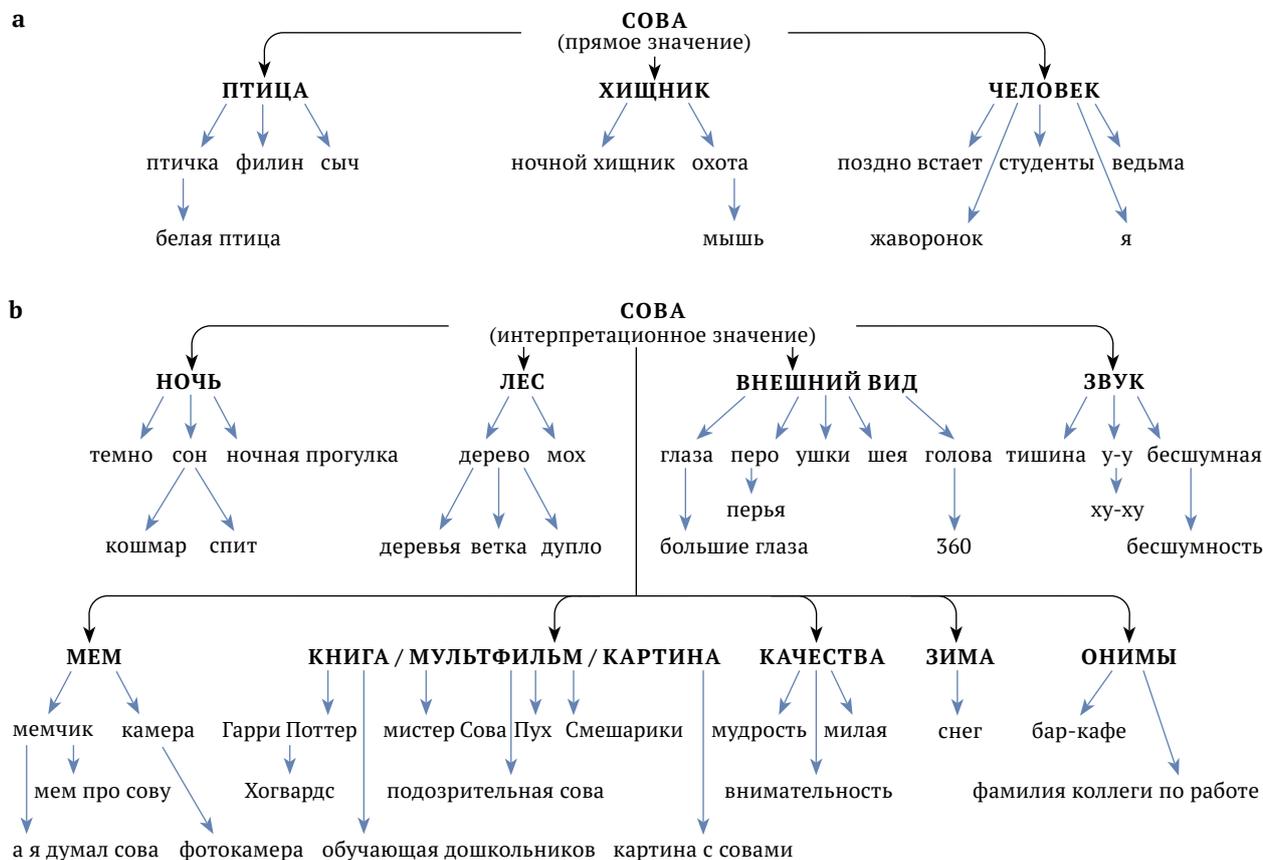

Рис. 2. Схема прямого (а) и интерпретационного (б) развертывания семантики имени нарицательного с конкретным значением

Fig. 2. Direct (a) and interpretational (b) deployment of semantics for a concrete common noun

Она была очень страшной формы / Она оказалась альбиносом / Она была без крыла / Понравилась, большая / Красивая, с большими глазами / Мы ее сфотографировали. Она была искусственной / У нее были большие глаза / У нее такие красивые глаза, прям звездное небо! / Она смотрела на нас...

Ночь: – Мы видели там сову. – И что? – Днем!!! / Она днем не спала.

Лес: Она спала в дупле.

Звук: Она была большой и издавала звуки, как в фильмах / Она так кричала, что мы испугались.

Качества: Она была такая забавная / Она такая милая.

Мем: А это оказалась камера / А мы думали камера.

Отметим, что отдельные референциальные области не были задействованы при достраивании диалогов. Например, не получили развертывания такие области, как **зима, книга / мультфильм / картина, человек,**

не встречаются также диалоги с областью **имена собственные.**

С другой стороны, в диалогах встречаются референциальные области, которые не зафиксированы среди ассоциаций, например:

Охота / добыча: Убили / Она мертва / Ты сову ловил? / Мы съели ее / Ее съел дятел.

Испуг: Сбежали / Мы испугались, она чуть не врезалась в одного из нас / Она нас напугала / Нам было очень страшно.

Предсказание: И она насчитала мне 30 лет / 5 лет осталось мне жить.

Редкость: Она занесена в Красную книгу. Я расскажу о вас Роспотребнадзору / Ничего, просто это редкость / Я впервые в жизни увидел ее.

Подобно развертыванию диалогов с именами нарицательными, имеющими абстрактное значение, в диалогах с существительными, имеющими конкретное значение, были актуализированы неинформативные

высказывания адресата. Среди них можно выделить следующие:

- а) высказывания, направленные на прекращение коммуникации: *И всё / Ничего / И то / Ничто, имбицил тупой / Иди ты нафиг, недовольный какой-то / Да так, просто сказал / Забудь / Нормально общайся / Я просто решил поделиться этим с тобой.*
- б) оценочные высказывания: *Мне она не понравилась / Прикольно просто / Ну, это ведь здорово / Это круто / Это было интересно / Это лучше, чем медведь.*

Заключение

В статье мы исходили из предположения, что имя нарицательное имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников. В процессе актуализации того или иного компонента значения ведущая роль принадлежит интерпретационной деятельности воспринимающего субъекта.

Сравнительный анализ интерпретационного потенциала существительных с абстрактным и конкретным значением позволил выявить следующие закономерности:

1. Выделенные референциальные области абстрактных и конкретных существительных связаны с зафиксированным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку большинство из них не коррелируют с описанием, данным в словаре.
2. Компоненты семантической структуры ассоциативного поля абстрактных и конкретных имен нарицательных могут порождать как синонимичные, так и антонимичные реакции.
3. Ассоциативное поле существительных с конкретным значением более разнообразно, однако повторяющиеся реакции встречаются чаще, чем у существительных с абстрактной семантикой.

Литература / References

- Болотнова Н. С. Коммуникативный потенциал слова. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)*, ред. А. П. Сквородников. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: СФУ, 2014. С. 231–232. [Bolotnova N. S. Communicative potential of the word. *Effective speech communication: basic competencies*, ed. Skovorodnikov A. P. 2nd ed. Krasnoyarsk: SFU, 2014, 231–232. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uqacin>
- Боярская Е. Л., Метелев М. В. Абстрактные существительные: когнитивный подход к проблеме описания значения. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 1. [Boyarskaya E. L., Metelev M. V. Abstract nouns: A cognitive approach to the problem of describing meaning. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2024, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.56>

4. Отдельные референциальные области не были актуализированы при достраивании диалогов. При развертывании диалогов с абстрактными именами существительными чаще всего не задействуются области, связанные с прямым (словарным) значением лексемы (например, *эмоции* и *состояние* у лексемы *радость*), в то время как при развертывании диалогов с конкретными именами существительными не задействуются области, связанные с интерпретационным значением (например, области *зима, книга / мультфильм / картина, имена собственные* у лексемы *сова*) и переносным значением (*человек*).

5. В диалогах с конкретными существительными встречаются референциальные области, которые не выявлены среди ассоциаций (например: *охота / добыча, испуг, предсказание, редкость*).

6. При развертывании диалогов могут актуализироваться неинформативные высказывания адресата.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Позднякова – разработка методики исследования, проведение лингвистического эксперимента, обработка и обобщение экспериментальных данных, подготовка статьи. Н. Н. Шпилная – общее научное руководство, разработка концепции, редактирование статьи.

Contribution: E. Yu. Pozdnyakova developed the research methodology, conducted the linguistic experiment, processed and generalized the experimental data, and drafted the manuscript. N. N. Shpilnaya provided scientific consultations, developed the research concept, and proofread the article.

- Бубнова И. А. Личностный смысл: результат познания или внешнего воздействия? *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, Н. В. Уфимцева. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 27–36. [Bubnova I. A. Personal meaning: The result of cognition or external influence? *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I., Ufimtseva N. V. Moscow: MAKS Press, 2010, iss. 40, 27–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ubjqyt>
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Интерпретационный потенциал прагматически маркированного слова: взаимодействие идеологического и оценочного компонентов. *Вестник НГПУ*. 2015. № 5. С. 8–22. [Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Interpretational potential pragmatically marked with the word: Interaction ideological and evaluative component. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (5): 8–22. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01>
- Голев Н. Д., Сергеев А. В. Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 4. С. 126–129. [Golev N. D., Sergeev A. V. Variability in the realization of the interpretative potential of the text: An experimental study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (4): 126–129. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ltxpal>
- Демьянков В. З. Интерпретация. In: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: МГУ, 1996. С. 31–33. [Demyankov V. Z. Interpretation. In: Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: MSU, 1996, 31–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/shrrfz>
- Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. *Вопросы филологии*. 1999. № 2. С. 5–13. [Demyankov V. Z. Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Voprosy filologii*, 1999, (2): 5–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sijpop>
- Залевская А. А. Вопросы естественного семиозиса. Тверь: ТвГУ, 2018. 160 с. [Zalevskaya A. A. *Issues of natural semiosis*. Tver: TverSU, 2018, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/youonpk>
- Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010. 328 с. [Karaulov Yu. N. *Associative grammar of the Russian language*. Moscow: LKI, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtdqnb>
- Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. 3-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2012. 272 с. [Kim L. G. *Variational-interpretational functioning of the text*. 3rd ed. Kemerovo: KemSU, 2012, 272. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/trjgzx>
- Ким Л. Г., Беляева Е. С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста. *Вестник ТГУ. Филология*. 2019. № 57. С. 48–62. [Kim L. G., Belyaeva E. S. The addressee's pre-textual expectations as a factor of variability in the interpretation of a political text. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2019, (57): 48–62. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/3>
- Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма. *Сибирский филологический журнал*. 2008. № 1. С. 144–153. [Kim L. G., Golev N. D. On the relationship of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2008, (1): 144–153. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvhuux>
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с. [Kubryakova E. S. *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: Nauka, 1986, 158. (In Russ.)]
- Лукиянова Н. А. Коммуникативные миры Ч. С. Пирса. *Terra Linguistica*. 2012. № 1. С. 235–243. [Lukianova N. A. Charles Pierce's communicative worlds. *Terra Linguistica*, 2012, (1): 235–243. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbphal>
- Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как реализация психологического значения (на материале ассоциативного поля лексемы гражданин). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 9. С. 41–48. [Pishchalnikova V. A., Stepykin N. I. Speech action as the realization of the psychological meaning (based on the associative field of the lexeme citizen). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, (9): 41–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bhfeyh>
- Позднякова Е. Ю. Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 6. С. 143–154. [Pozdnyakova E. Yu. Proper name discourse actualization (exemplified by linguistic experiment). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2023, 22(6): 143–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>

- Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента). *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 3. С. 54–71. [Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Actualization of interpretational potential of a common noun with abstract semantics (based on an material of an associative experiment). *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(3): 54–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71>
- Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с. [Potebnya A. A. *Symbol and myth in folk culture*. Moscow: Labirint, 2000, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylovjb>
- Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с. [Potebnya A. A. *Symbol and myth*. Moscow: Pravda, 1989, 623. (In Russ.)]
- Рудакова А. В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект. М.: Ритм, 2023. 348 с. [Rudakova A. V. *The meaning of the word as a phenomenon of linguistic consciousness: Psycholinguistic aspect*. Moscow: Ritm, 2023, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvuvuh>
- Сахарный Л. В., Сиротко-Сибирский С. А., Штерн А. С. Набор ключевых слов как текст. *Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста иностранных языков*: Республиканская науч.-техн. конф. (Пермь, 26–29 июня 1984 г.) Пермь: Перм. политехн. ин-т, 1984. С. 81–83. [Sakharnyy L. V., Sirotko-Sibirskyy S. A., Stern A. S. A set of keywords as a text. *Psychological, pedagogical, and linguistic issues of foreign text studies: Republican Sci.-Technical. Conf.*, Perm, 26–29 Jun 1984. Perm: Perm Polytechnic Institute, 1984, 81–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhmonx>
- Степыкин Н. И. Ассоциативное поле как модель ментальной репрезентации: когнитивный, эмотивный и языковой аспекты. *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2024. Т. 28. № 1. С. 88–99. [Stepykin N. I. Associative field as a model of mental representation: Cognitive, emotive and linguistic aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, 28(1): 88–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2024-28-1-88-99>
- Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43–73. [Cherneyko L. O. Basic concepts of cognitive linguistics in their correlation. *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2005, iss. 30, 43–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubcvbt>
- Чернейко Л. О. Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 25. С. 106–119. [Cherneyko L. O. Polymorphic linguistic sign as a psycholinguistic phenomenon. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (25): 106–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udlhet>
- Шпильная Н. Н. Внутренняя форма текста как деривационный феномен. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 44–50. [Shpilnaya N. N. Internal form of the text as a derivational phenomenon. *Tomsk State University Journal*, 2013, (373): 44–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qistxf>
- Шпильная Н. Н. Язык и диалог. Кодовая теория диалога. М.: Флинта, 2021. 80 с. [Shpilnaya N. N. *Language and dialogue: code theory of dialogue*. Moscow: Flinta, 2021, 80. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dxwpek>

Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи (на материале английского языка)

Коваленко Екатерина Николаевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 5299-4130

ekovalenkonk@mail.ru

Ларионова Татьяна Владимировна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7399-4630

Аннотация: Статья посвящена определению функциональной роли аллюзии в реализации распределенной когниции в языке и речи. Актуальность работы обусловлена поиском эффективных подходов к интерпретации эксплицитных и имплицитных средств проявления когнитивно-языковой способности человека. Научная новизна исследования заключается в том, что, основываясь на имеющихся данных о природе аллюзии, выявляется когнитивный потенциал данного лингвистического феномена. Цель – определить особенности функционирования аллюзии в аспекте теории распределенной когниции, что становится возможным благодаря решению таких задач, как уточнение основных понятий исследования, описание содержания аллюзии как когнитивного явления и определение ее роли в аспекте распределенной когниции. Применены методы концептуального и контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы на английском языке английских и американских авторов. Всего было выделено и проанализировано 43 примера сказочной аллюзии. Проанализирован интерактивный характер взаимодействия языка и человека в рамках лингвистической экосистемы, описано содержание понятий *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*, обосновано использование биологического подхода к изучению отдельных языковых явлений, в частности аллюзии. В результате анализа языкового материала выявлены основные функции аллюзии: конститутивная и верификационная. Конститутивная функция позволяет выстраивать дискурсивное пространство, соотнося имеющуюся у говорящих информацию с дополнительными смыслами, возникающими в процессе коммуникации. Верифицирующая функция обеспечивает корректность восприятия действительности. Описан механизм реализации распределенной когниции с использованием аллюзии, состоящий из трех основных этапов: оценивание фрагмента действительности, соотнесение семантики аллюзии с дискурсивным пространством, формирование интеракции человека и языка.

Ключевые слова: теория распределенной когниции, аллюзия, интеракция, биоллингвистика, лингвистическая экосистема, конститутивная функция, верификационная функция

Цитирование: Коваленко Е. Н., Ларионова Т. В. Функции аллюзии в аспекте теории распределенной когниции в языке и речи (на материале английского языка). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 515–524. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-515-524>

Поступила в редакцию 30.10.2023. Принята после рецензирования 23.01.2024. Принята в печать 29.01.2024.

full article

Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech

Ekaterina N. Kovalenko

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk
eLibrary Author SPIN: 5299-4130
ekovalenkonk@mail.ru

Tatiana V. Larionova

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk
eLibrary Author SPIN: 7399-4630

Abstract: Cognitive studies describe explicit and implicit means of revealing cognitive and linguistic skills. Allusions play a particular role in distributed cognition in language and speech. This research featured the cognitive potential of linguistic allusion in line with the theory of distributed cognition. The authors used the methods of conceptual and contextual analyses to clarify the main research concepts, describe allusion as a cognitive phenomenon, and define its functions. The article covers such issues as the interaction between the speaker and the language within the linguistic eco-system, the concepts of *linguistic ecology* and *ecological linguistics*, and the biological approach in linguistics. Allusion appeared to have constitutive and verifying functions. The constitutive function arranged discourse by correlating the information given by the respondent with the additional meanings that occur in the process of communication. The verifying function provided the accuracy of perception. These functions made it possible to use allusion to describe distributed cognition in speech as consisting of three stages: evaluation, correlation, and interaction.

Keywords: theory of distributed cognition, allusion, interaction, bio-linguistics, linguistic eco-system, constitutive function, verifying function

Citation: Kovalenko E. N., Larionova T. V. Allusion and Its Functions in Distributed Cognition Theory in the English Language and Speech. *SibScript*, 2024, 26(4): 515–524. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-515-524>

Received 30 Oct 2023. Accepted after peer review 23 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

Введение

Повышенное внимание лингвистов к языку как к живой системе, способной существовать, развиваться, адаптироваться к другим живым системам, в первую очередь к человеку – носителю языка [Кравченко 2022: 10], является закономерным результатом развития антропологической лингвистики и формирования традиции метапредметного подхода к изучению лингвистических явлений через призму изучения социума, отдельного индивида, иных знаковых систем [Брусенская, Куликова 2016: 6]. Характерной особенностью изучения языковых явлений в данном случае является признание того факта, что язык не только служит средством выражения когнитивной способности человека и общества, но и является механизмом формирования этой способности. Аллюзия как языковой и когнитивный феномен, с одной стороны, выступает результатом когнитивной способности человека, с другой – представляет собой динамическую структуру знаний. Данная способность аллюзии не может не вызывать интерес исследователей,

задающихся вопросами вербализации когниции и определения места явлениям, подобным аллюзии, в общей экосистеме существования человека и общества. Актуальность данного исследования определяется выбранным ракурсом изучения феномена аллюзии в рамках биологического подхода, а именно теории распределенной когниции.

Цель – определить особенности функционирования аллюзии в аспекте теории распределенной когниции. Задачи: уточнить характер взаимодействия языка и его носителя в лингвистической экосистеме с точки зрения теории распределенной когниции; описать функции аллюзии в процессе реализации когнитивной способности человека; обосновать моделирующий статус аллюзии в распределении когниции и языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные в нем теоретические обоснования и результаты анализа практического материала могут быть использованы в решении вопросов терминологической ясности метапредметных

областей изучения языка и когниции; в преподавании теоретических и прикладных языковедческих дисциплин, социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, а также в рамках преподавания практического курса английского языка при изучении вопросов семантики отдельных языковых единиц.

Методы и материалы

Для решения вопросов терминологической ясности метапредметных областей изучения языка и когниции используются теоретические методы исследования, позволяющие изучить историю вопроса и выявить содержание основных понятий, а именно анализ теоретических подходов к определению содержания эколлингвистики и лингвоэкологии. Аккумуляция и синтез накопленного теоретического материала необходим для исключения возможных противоречий интерпретации ключевых понятий.

Задачи определения сущности аллюзии как когнитивного феномена и выявления ее функций в аспекте теории распределенной когниции решаются посредством использования методов концептуального и контекстуального анализа.

В качестве единиц исследования в публикации представлены текстовые фрагменты употребления сказочной аллюзии в художественных произведениях. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы на английском языке английских и американских авторов. Всего было выделено и проанализировано 43 примера сказочной аллюзии. В содержание настоящей статьи были включены наиболее репрезентативные примеры, иллюстрирующие выдвигаемые положения. Обращение к сказкам как к источнику аллюзии вызвано значимостью данного текстового материала для формирования лингвокультурной среды, а соответственно, для определения основных векторов когнитивной способности членов данной среды. Являясь наиболее устойчивой формой культурной трансляции [Antanasievitch 2012], сказка содержит универсальные, закреплённые коллективным опытом нормы, образы, формирующие картину мира и правила существования в нем, что объясняет появление сказки еще на доречевом этапе развития ребенка. В период овладения речью сказка становится средством осознанного и рефлексивного отношения к миру, к себе и к языку.

В качестве справочного материала были использованы такие словари, как Longman Dictionary of English Language and Culture, The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms.

Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных и отечественных исследователей в области биологической природы когниции и языка [Кравченко 2022; Матурана, Варела 2019; Hutchins 1995], лингвистической экологии и эколлингвистики [Димитрова 2018; Колмогорова 2019; Сквородников 2013], а также исследования аллюзии [Белоножко 2023; Гарифуллина 2019].

Результаты

Важной характеристикой взаимодействия человека и языка является взаимная стимуляция изменения состояний, определяемых их структурами. Л. В. Щерба, рассматривая взаимодействие языка, речи и речевой деятельности, подчеркивал, что речевая деятельность является, во-первых, социальным продуктом, во-вторых, результатом когнитивной переработки отдельного индивида [Щерба 1974]. Таким образом, овладение родной и иноязычной речью предполагает осознанное применение основанных на личном опыте речевых практик, что и составляет содержание рефлексивного отношения к языку и к его изучению. Освоение речевых практик невозможно без понимания условий формирования речевой личности, владеющей необходимой системой лингвокультурных знаний. Взаимодействие языка, человека, говорящего на данном языке, и среды, обусловленной речевой культурой, является предметом изучения относительно новой области научных знаний – экологической лингвистики, которая активно изучает лингвистические проблемы формирования речевой культуры.

Введенный Э. Хаугеном термин *лингвистическая экология (linguistic ecology)* в настоящее время стал своеобразным терминологическим зонтиком для большого количества междисциплинарных исследований, занимающихся проблемами взаимодействия языка и среды общения человека, говорящего на данном языке. Само понятие экологии «расширило неимоверно свой объем и превратилось в название некой интегративной науки» [Димитрова 2018: 9]. Представители неопсихолингвистики и психолингвокультурологии, экологической коммуникации, экологической политики, когнитивной экологии, анализируя в целом проблему экологии общения, последовательно рассматривают вопросы культурной составляющей в системе *язык – человек* [Зыкова и др. 2017], влияние факторов глобализации на взаимодействие языка и человека [Дзялошинский 2019; Карасик, Слышкин 2021], воздействие человека на лингвистическую среду своего существования [Колмогорова 2019].

А. П. Сквородников, анализируя понятия *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*, рассматривает их в отношении третьего термина – *культуры речи*, т. к. они существуют в рамках одного предметного поля – нормы речи [Сквородников 2013].

Почти сразу исследователи-лингвисты обратили внимание на необходимость разграничения понятий *лингвистическая экология* и *экологическая лингвистика*. Лингвистическая экология не ограничивается исключительно поиском правил употребления языка, сохранением чистоты языка и речи. Для сторонников лингвистической экологии важным является изучение условий естественного развития и существования языка, когда любой, на первый взгляд отрицательный факт исчезновения слов, замены аутентичной лексики заимствованной и т. д. рассматривается не как пример языковой и речевой деградации, а как свидетельство того, что язык – это живой организм, напрямую зависящий от еще одного живого организма – человека [Бубнова 2019; Гриднева 2019].

Экологическая лингвистика, в свою очередь, в качестве объекта исследования выбирает человека, говорящего на языке [Коровушкин 2011]. Ее волнуют проблемы формирования когнитивного механизма человека в соответствии с языковой средой и ее влиянием на речевую культуру. Экологическая лингвистика в большей степени занимается изучением условий *здорового* существования человека в лингвокультурной среде, вопросами естественного включения его в данную среду посредством восприятия с раннего детства речевых практик. Данные выводы подтверждаются тезисами биологической теории языка и когниции. Использование для описания характера взаимодействия языка и человека соответствующих биологических терминов *живое тело*, *мембрана организма*, *нервные системы* неслучайно, т. к. это дает возможность понять зависимость каждого члена экосистемы *человек – язык – лингвокультурное общество* друг от друга и обозначить отношения внутри данной экосистемы как интеракцию. При этом термин *интеракция* следует понимать не только как совместный контакт двух и более субъектов для решения общих задач, важными характеристиками которого являются непрерывность и одновременное использование сразу нескольких каналов связи [Семенова, Рождественская 2020].

Согласно Э. Томпсону, «сознание отдельного человека не заключено в голове, оно простирается через

все живое тело и включает мир, находящийся по другую сторону биологической мембраны организма, в особенности межличностный, социальный мир себя и других»¹ [Thompson 2001: 2]. Таким образом, развитие языка и человека-носителя данного языка возможно благодаря интерактивному взаимодействию всех членов лингвистической экосистемы, которое осуществляется посредством «расширенного сознания» [Clark, Chalmers 1998], а также распределения когниции в культуре [Кравченко 2013: 7]. Кроме того, можно отметить, что «разумность не заключена исключительно в пределах телесной оболочки организма, ментальные процессы не ограничены исключительно пределами организма, а сознание познающего субъекта не локализовано исключительно в пределах мозга» [Калинин 2014: 146] Все вышеизложенное емко описывает основную идею теории распределенной когниции.

Следуя теоретическим построениям А. В. Кравченко, мы можем определить, что распределенная модель языка – это «модель, в которой язык, отнюдь не являясь однородным внутренним кодом, описывает разнородный набор артефактов и практик» [Кравченко 2013: 268]. Из данного утверждения естественным образом следует вывод о том, что когнитивное освоение окружающего мира может производиться как с помощью поликодовых систем языка, так и с помощью предметов и явлений окружающей действительности. Одним из языковых средств, являющихся эффективным инструментом именованья объектов окружающей действительности, является аллюзия. На примере обращения к аллюзии рассмотрим реализацию теории распределенной когниции.

Аллюзия обычно определяется как стилистический прием, являющийся краткой ссылкой на известное литературное, историческое, мифологическое, библейское, сказочное лицо, событие, факт. Существует ряд исследований, посвященных изучению роли и статуса аллюзии в речемыслительной деятельности человека. Например, работы, направленные на изучение существующих на данный момент подходов к исследованию аллюзии с точки зрения литературоведческого, лингвосомиотического, интертекстуального, когнитивного, когнитивно-дискурсивного, лингвистического и лингвокультурологического подходов [Султанов, Курбанова 2020; Massalskaya et al. 2020], на определение базисных характеристик стилистического приема аллюзии на основе описания

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен Е. Н. Коваленко.

ее главной функции – оценочно-характеризующей [Белоножко 2023], на выявление особенностей функционирования аллюзий, репрезентируемых посредством различных прецедентных феноменов [Каштанова и др. 2023]. Внимание ученых привлекла и культурная маркированность аллюзии в дискурсе литературных произведений [Гарифуллина 2019]. Интересным, на наш взгляд, представляется вопрос функций аллюзии в реализации когнитивной способности человека.

В литературоведении аллюзия изучается как словесный художественный образ. Однако, если рассматривать аллюзию с точки зрения когнитивной лингвистики, ее роль состоит в скрытом способе передачи информации. Одним из основных условий полного раскрытия аллюзии является ее узнаваемость. Использование аллюзий предполагает, что объект известен и говорящему, и реципиенту и не может затруднить процесс общения. Если аллюзия не несет никакой информации для реципиента, ее употребление теряет смысл. Аллюзия также может функционировать как средство расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании. В таком случае аллюзия не только восстанавливает хорошо известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию [Петроченко, Коваленко 2005]. На наш взгляд, данное свойство аллюзии отражает конститутивную когнитивную функцию, благодаря которой говорящий формирует дискурсивную реальность, т. е. говорящий с помощью аллюзии делает когнитивную выборку устоявшихся образов, соотнося их с действительностью, затем благодаря своему субъективному опыту наделяет эту действительность дополнительными смыслами. Данное предположение поддерживается мыслью о том, что дискурсивная реальность – сложная структура, совмещающая в себе реальную и квази-реальную действительность, которая, как правило, оторвана от реального времени и пространства [Борботько 2009].

Рассмотрим реализацию данной функции на примере:

If you said something which was not suitable to the mechanism, then it worked: if not, it did not work, it stood still... <...> They were like that door in the fairy

*story, which opened when you said Sesame*² – Если ты произносил что-то, не устраивающее машину, она срабатывала, если нет, – сохраняла неподвижность... <...> Эти машины были очень похожи на ту сказочную дверь, которая отворялась, когда ей скажешь **Сезам**.

Сезам – волшебное заклинание, которое использовали разбойники в сказке «Али-Баба и сорок разбойников» (из цикла сказок «Тысяча и одна ночь»), чтобы открыть потайную дверь в пещеру с сокровищами. На основе прецедентной информации лексема *Sesame* или фразеологизм *Open Sesame* приобретают значение *код, пароль, помогающий быстро получить желаемый результат*. В рассматриваемом примере аллюзия *that door in the fairy story, which opened when you said Sesame* представлена фразой. Фрагмент *that door in the fairy story, which opened* не является аллюзией сам по себе, в то время как информационную значимость имеет именно лексема *Sesame*. Люди-роботы показаны как некие механизмы, выполняющие действия при получении вербального сигнала-раздражителя. Они сравниваются с дверью в пещеру: начинают действовать и демонстрируют определенный результат только на основании парольного слова *Sesame*.

Помимо узнаваемого благодаря аллюзии образа, автором создается дополнительный смысл описываемой ситуации, уже обозначенный квазиреальный компонент, а именно ощущение сжатости, тесноты. Появление лексемы *сезам* в заклинании неслучайно, слово обозначает маленькую кунжутную коробочку, раскрывающуюся благодаря определенным механическим манипуляциям. Очевидно, многолетние наблюдения за природным явлением позволили сформировать своеобразный вербальный код и включить его в известную сказку, откуда через языковую аллюзию этот образ проник в когнитивное пространство соответствующего лингвокультурного сообщества. Данный пример демонстрирует распределение когниции между членами одного лингвокультурного сообщества, между отдельным индивидом и языком, используемым им в реальном времени и пространстве и во времени, т. к. прошлые события оказывают влияние на последующие [Hutchins 1995].

Еще одной функцией аллюзии в русле теории распределенной когниции является функция верификации – подтверждение соответствия корректному пониманию, восприятию действительности.

² White T. H. The Book of Merlin. Austin: University of Texas Press, 1977. P. 68.

Воспитательная функция сказки и сказочных образов проявляется в формировании у ребенка представления о правилах взаимодействия с окружающим миром: понимания своих границ, ответственности за действия и т. д. Развитие языка и лингвокультурной среды неизбежно приводит к появлению нового знания и трансформации всех участников лингвистической экосистемы. Во избежание потери информации, относящейся к кодовой, культурно значимой, в языке появляются своеобразные якоря, формирующие правильные ассоциации, к ним мы относим аллюзии. Рассмотрим пример:

*How could he feel normal with Mam and Dad not talking, and Mrs. Pascoe mad at him, and Jamie coming and going like the Cheshire cat*³ – Как вообще можно было быть спокойным в такой ситуации, ведь мама и папа не разговаривали друг с другом, Миссис Паско была жутко сердита на него, а Джейми, словно Чеширский кот, появлялся и исчезал без предупреждения.

Чеширский кот – один из наиболее запоминающихся персонажей произведения Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Этот персонаж обладает свойством внезапно появляться и исчезать, оставляя после себя широкую улыбку. Словарь Лонгмана приводит следующую дефиницию: "Cheshire cat has the power to disappear and appear very quickly. When Alice asks him to stop disappearing and appearing so quickly, the cat disappears very slowly until only its big smile is left. People sometimes say someone is "grinning like a Cheshire cat" to mean that they have a big and rather silly smile on their face"⁴ (Чеширский кот обладает способностью быстро появляться и исчезать. Когда Алиса просит его перестать появляться и исчезать так быстро, кот начинает растворяться в воздухе очень медленно до тех пор, пока от него не остается только широкая улыбка. Выражение «улыбка Чеширского кота» часто употребляется для обозначения широкой и довольно глупой улыбки).

Аллюзия *coming and going like the Cheshire cat* вызывает в сознании читателя ассоциации с непредсказуемыми и внезапными перемещениями Чеширского кота в пространстве, что очень не нравилось Алисе. Такое поведение свойственно и Джейми, который приходит и уходит в соответствии со своими желаниями.

Употребление данной аллюзии привносит в дискурс элемент оценочности: главный герой не доволен ситуацией, сложившейся в его семье, и постоянные исчезновения Джейми вызывают у него чувство раздражения. В данном случае значимым является не сам образ, стоящий за аллюзией, а отношение говорящего к этому образу и действительности. Семантика глаголов *go, come* усилена посредством аллюзии *like the Cheshire cat*.

Выделенные в результате анализа языкового материала функции аллюзии позволяют выдвинуть предположение о том, что должны существовать общие закономерности реализации данного лингвистического феномена как когнитивного механизма. Речь идет о моделирующем статусе аллюзии в лингвистической экосистеме. Иными словами, использование аллюзии предполагает набор универсальных когнитивных процедур, которые позволят реализовать распределенную когницию. Предположим, что данная модель может быть представлена следующим образом:

- эфферентное, т. е. идущее от центра когниции оценивание фрагмента реальной действительности на уровне образов, концептов, сценариев (установка *Я хочу назвать как можно точнее и понятнее то, что я вижу, слышу или чувствую* – проявление конститутивной функции);
- соотнесение семантической составляющей выбранной аллюзии с дискурсивным пространством (установка *Я должен быть уверен, что меня поймут правильно* – демонстрация верифицирующей функции);
- формирование интеракции человека и языка в рамках лингвистической экосистемы (установка *Я формирую новое знание для себя и других* – данная установка становится очевидной, когда лексема как знак-репрезентант аллюзии порождает соответствующие дериваты).

Рассмотрим лексему *Cinderella* в словосочетаниях *Cinderella moment, Cinderella fantasy / fantasies, Cinderella dream, Cinderella act*.

Лексема *moment* в сочетании с определением *Cinderella* приобретает категоризирующие черты, позволяющие рассматривать значение, реализуемое посредством данного словосочетания, как *звездный час, момент триумфа*. Следующий пример представлен отрывком из произведения К. Баркера «Каньон Холодных Сердец»:

³ Campbell E. Barra's Angel. L.: Fourth Estate, 1999. P. 114.

⁴ Longman Dictionary of English Language and Culture. Essex: Edinburgh Gate, 2002. P. 213.

*This was Tammy's Cinderella moment: her dream comes true. All right, perhaps all the details weren't perfect... But she was happy to take what fate was giving her: and fate was giving her a chance to walk into an A-list party on the arm of Todd Pickett*⁵ – **Она словно превратилась в Золушку** – ее заветная мечта сбылась. Ну, хорошо, возможно, не все было идеально... Но она была счастлива получить в подарок от судьбы такой шанс: прийти на эту звездную вечеринку под руку с самим Тоддом Пиккетом.

Данный отрывок построен на описании посещения Тамми (Tammy), обычной, небогатой девушки, привилегированной вечеринки с богатым и знаменитым кавалером. Данное событие становится для девушки ее звездным часом, *часом Золушки*. Находясь рядом с кинозвездой (Todd Pickett), Тамми автоматически попадает в круг его друзей и знакомых, что, по ее мнению, ставит ее на несколько ступеней выше, чем повседневное положение девушки в обществе.

Набор ассоциаций для лексем *fantasy / fantasies, dream* в данном дискурсе будет совпадать: мечтаемость, иллюзорность⁶. Очевидно, что употребление названных лексем с определением *Cinderella(-'s)* приводит к формированию значения *мечта о чуде / заветная мечта*. Необходимо отметить, что в качестве чуда может рассматриваться любое событие, описанное в прецедентном тексте: процесс дарения, появление нового окружения, встреча с Прекрасным принцем и т. д.

*She was invisible as far as these people were concerned... she was simply a non-presence. She could have been standing right in their line of vision and somehow their gaze would have slid off her and around her; <...> So much for the Cinderella fantasy. It was a nightmare*⁷ – Она была словно невидимкой для всех этих людей... ее просто не существовало. Она могла бы стоять прямо у них перед глазами, и все равно бы их взгляд был направлен куда угодно, но не на нее; <...> **Мечты Золушки** не сбылись. Они обернулись кошмаром.

Данный пример является продолжением рассмотренного выше отрывка, построенного на обращении к аллюзии *this was Tammy's Cinderella moment*.

Развитие сюжетного действия демонстрирует, что общество, в котором оказалась героиня произведения, не принимает ее. Явно проявляется разочарование Тамми в себе и своих мечтах, а также крушение надежд и ожиданий на возможность быть принятой в *избранное общество*. На смену ощущения эйфории приходит понимание того, что не стоит ожидать слишком многого. В данном случае формируется иронический подтекст: *слишком много для мечты о чуде*, т. е. чудес не бывает.

В рассматриваемом примере Чарльз просит прощения у Даниэли за то, что всегда воспринимал ее, как избалованного ребенка, живущего фантазиями. Здесь аллюзия *Cinderella fantasies* является средством представления таких установок, как мечта о красивой жизни, прекрасном принце и т. д.

Во всех рассмотренных примерах можно наблюдать трансформацию денотативного аспекта лексем, входящих в словосочетания со словом *Cinderella* (формирование нового знания о действительности).

Заключение

XX и XXI века ознаменовали собой не только смену научной парадигмы в области лингвистических исследований, поставив акцент на человеческом факторе в системе *язык и человек*, но и заложив фундамент для дальнейших исследований природы взаимодействия в данной системе. Признание доминирующего статуса человека в жизни и существовании языка привело в конечном итоге к пониманию того, что язык тоже способен на самопроизводство и саморазвитие. Эколингвистический подход характеризует систему *язык и человек* исключительно как интерактивное взаимодействие, для которого свойственны взаимонаправленность и постоянный поиск дополнительных каналов связи. Создавая языковую систему для реализации коммуникативной, когнитивной и других функций, человек формирует уникальную саморегулирующуюся платформу. На примере теории распределенной когниции можно убедиться, как человек познает окружающий мир через языковую систему, привлекая для этой цели все элементы окружающей экосистемы: предметы, других участников общения, а также аллюзивные средства, которые объединяют в одном коммуникативном пространстве иные дискурсивные фрагменты.

⁵ Barker C. Coldheart Canyon. L.: Harper Collins, 2002. P. 690.

⁶ PDESA: The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms, ed. R. Fergusson. L.: Penguin Books, 1992. P. 144.

⁷ Barker C. Coldheart Canyon. L.: Harper Collins, 2002. P. 693.

Аллюзия как лингвистический феномен предполагает расширенный перенос свойств известных всем коммуникантам объектов на предмет коммуникации, наполняя его денотативную составляющую дополнительными смыслами. Данное свойство аллюзии проявляется в конститутивной функции, благодаря которой участники коммуникации формируют общее дискурсивное пространство. Верифицирующая функция аллюзии направлена на соотнесение восприятия полученной информации с заложенными общей лингвокультурой когнитивными образами и установками.

Благодаря набору универсальных процедур аллюзия моделирует новое когнитивное пространство. Используя аллюзию, говорящий, во-первых, оценивает дискурсивную реальность, в рамках которой происходит коммуникация, на уровне образов, установок, во-вторых, расширяет данное пространство за счет новых образов и установок, понятных всем участникам общения, в-третьих, создает новую дискурсивную реальность, что проявляется в трансформации денотативного аспекта лексических единиц.

Таким образом, понимание аллюзии в качестве средства моделирования дискурсивного пространства и когнитивных установок говорящих за счет

ее конституционной и верифицирующей функций дает более глубокое и комплексное восприятие рассматриваемого лингвистического феномена, создает предпосылки для дальнейшего изучения отдельных языковых фактов в аспекте теории распределенной когниции.

В качестве перспектив дальнейшего исследования рассматривается в том числе возможность использования предложенного в публикации подхода к интерпретации аллюзии на материале нехудожественных произведений, в частности текстов СМИ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Белоножко Н. Д. Аллюзия как средство выражения многоуровневой имплицитной оценки. *Большая конференция МГПУ*. (Москва, 28–30 июня 2023 г.) М.: ПАРАДИГМА, 2023. Т. 3. С. 174–178. [Belonozhko N. D. Allusion as a means of revealing multi-layered implicit assessment. *Big Conference at Moscow City Pedagogical University, Moscow 28–30 Jun 2023*. Moscow: PARADIGMA, 2023, vol. 3, 174–178. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qjdblv>
- Борботко В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 286 с. [Borbotko V. G. *Discourse formation principles. From psycholinguistics to linguistic synergetics*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2009, 286. (In Russ.)]
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. М.: ФЛИНТА, 2016. 184 с. [Brusenskaya L.A., Kulikova A. G. *Ecological linguistics*. Moscow: FLINTA, 2016, 184. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtzwvb>
- Бубнова И. А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2019. № 17. С. 23–31. [Bubnova I. A. Functional illiteracy: Unforeseen risks or preplanned results? *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatelnosti*, 2019, (17): 23–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cuhkcn>
- Гарифуллина А. М. Культурологическая маркированность аллюзий в рамках художественного дискурса Д. Фаулза. 2-е изд., испр., доп. М.: ИНФРА-М, 2019, 120 с. [Garifullina A. M. *Cultural marking of allusions in the framework of J. Fowles' artistic discourse*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 120. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/monography_5c3c4cb22b7ea2.30369821
- Гриднева Т. В. Фразеология в зеркале эколлингвистики. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 9. С. 131–134. [Gridneva T. V. Phraseology in the mirror of ecolinguistics. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (9): 131–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kphaji>

- Дзялошинский И. М. Экология коммуникаций. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 443 с. [Dzyaloshinsky I. M. *Communication Ecology*. Saratov: Ai Pi Er Media, 2019, 443. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhemap>
- Димитрова С. Лингвистика и здравый смысл. *Русистика 2018*: Междунар. науч. симпозиум «Экология языка и современной коммуникации». (Шумен, Болгария, 26–29 апреля 2018 г.) Шумен: Химера, 2018. С. 9–16. [Dimitrova S. Linguistics and common sense. *Russian Studies 2018*: Proc. Intern. Sci. Symposium on Ecology of language and modern communication, Shumen, Bulgaria, 26–29 Apr 2018. Shumen: Chimera, 2018, 9–16. (In Russ.)]
- Зыкова И. В., Уфимцева Н. В., Красных В. В., Бубнова И. А. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. 392 с. [Zykova I. V., Ufimtseva N. V., Krasnykh V. V., Bubnova I. A. *(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: New studies of Homo Loquens*. Moscow: Gnozis, 2017, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yjusqf>
- Калинин С. С. О применении теории распределенной когниции для структурного анализа концептуальной образности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 6. С. 146–150. [Kalinin S. S. About the applying of the distributed cognition theory to analyze the structure of conceptual images. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (6): 146–150 (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snjbxp>
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 1. С. 14–31. [Karasick V. I., Slyshkin G. G. Modern discourse developmental trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, (1): 14–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>
- Каштанова И. И., Бирюкова О. А., Ветошкин А. А. Прецедентные феномены как основа аллюзий в англоязычном медиадискурсе. *Гуманитарные науки и образование*. 2023. Т. 14. № 3. С. 155–159. [Kashtanova I. I., Biryukova O. A., Vetoshkin A. A. Precedent phenomena as the basis for allusions in the English-language media discourse. *The Humanities and Education*, 2023, 14(3): 155–159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ezqshe>
- Колмогорова А. В. Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2019. № 3. С. 19–28. [Kolmogorova A. V. An ecological view on cognitive linguistics: Perspectives of applying the principles of cognitive ecology in linguistic researches. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2019, (3): 19–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17516/2311-3499-065>
- Коровушкин В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2011. № 1. С. 60–64. [Korovushkin V. P. Basic attributes of linguistic ecology as an autonomous branch of linguistics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2011, (1): 60–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ntsbmb>
- Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: ЯСК, 2013. 388 с. [Kravchenko A. V. *From language myth to biological reality: Rethinking the cognitive concepts of linguistics*. Moscow: IaSK, 2013, 388. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/raogwz>
- Кравченко А. В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок. In: Бакланова И. И., Басовская Е. Н., Башкова И. В., Борчиева Б. Т., Волкова Я. А., Горбунова Л. И. и др. *Лингвоэкология: проблемы и пути их решения*. Красноярск: СФУ, 2022. С. 10–27. [Kravchenko A. V. Ecological paradigm in language researches: Cognitive shift. In: Baklanova I. I., Basovskaya E. N., Bashkova I. V., Borchieva B. T., Volkova Ya. A., Gorbunova L. I. et al. *Linguistic ecology: Problems and solutions*. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 10–27. (In Russ.)]
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2019. 316 с. [Maturana H., Varela F. *Tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2019, 316. (In Russ.)]
- Петроченко Л. А., Коваленко Е. Н. К вопросу об ассоциативных основах метафоры. *XXIV Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков*: Междунар. конф. (Томск, 22–26 июня 2005 г.) Томск: ТГПУ, 2005. С. 132–134. [Petrochenko L. A., Kovalenko E. N. Associative basis of metaphor. *XXIV Dulzon Readings. Comparative, historical, and typological study of languages and cultures. Issues of teaching foreign and national languages*: Proc. Intern. Conf., Tomsk, 22–26 Jun 2005. Tomsk: TSPU, 2005, 132–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzktqt>

- Семенова В. В., Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2020. Т. 12. № 3. С. 92–105. [Semenova V. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation. *Interaction. Interview. Interpretation*, 2020, 12(3): 92–105. (In Russ.)] URL: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>
- Сковородников А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 194–222. [Skovorodnikov A. P. On the way ecolinguistics can be applied to the state of contemporary Russian language. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2013, (1): 194–222. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjmtth>
- Султанов К. Г., Курбанова Э. А. Аллюзия как вид интертекста в романе Дэниела Куинна «Измаил». *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2020. Т. 35. № 1. С. 69–74. [Sultanov K. G., Kurbanova E. A. Allusion as a form of intertext in Daniel Quinn's *Ishmael*. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2020, 35(1): 69–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2020-35-1-69-74>
- Шерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Языковая система и речевая деятельность*, ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 24–39. [Shcherba L. V. The triple aspect of language knowledge and the experiment in language study. *Language system and speech activity*, eds. Zinder L. R., Matusевич M. I. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-ie, 1974, 24–39. (In Russ.)]
- Antanasievitch I. Tale: The perception of the cultural code. *Tyumen State University Herald*, 2012, (1): 4–7. <https://www.elibrary.ru/qbarkp>
- Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*, 1998, 58(1): 7–19. <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>
- Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1995, 402.
- Massalskaya U. V., Ikhsanova L. I., Bezzemelnaya O. A. The concept of "Allusion" and approaches to its study. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, (4): 74–76. <https://www.elibrary.ru/nneeap>
- Thompson E. Empathy and consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2001, 8(5-7): 1–32.

articolo originale

<https://elibrary.ru/fyxtit>

Caratteristiche Semantiche del Concetto di *Gioco* Nell'espressione Pragmatica, Semiotica e Assiologica delle Relazioni Comportamentali di Gioco

Irina A. Savvateeva

Università Tecnica Nazionale di Ricerca di Irkutsk, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4215-9219

<https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

savvrina@mail.ru

Abstract: L'articolo offre un'analisi comparativa e definitoria dei concetti di comportamento e di gioco nelle immagini del mondo linguistico di lingue non imparentate. Il problema dello studio sta nel fatto che non tutte le componenti comportamentali della categoria di relazioni sono collegate al gioco. Tale connessione esiste ed è espressa in alcuni tipi di relazioni negli aspetti semiotici e assiologici. Lo scopo di studio è quello di determinare le somiglianze e le differenze tra i significati comportamentali del gioco in italiano e inglese. Gli obiettivi dello studio prevedono un'analisi linguistica delle relazioni comportamentali di gioco negli aspetti linguistico culturali e cognitivi. Nella presente analisi, viene introdotto il concetto di Osservatore per studiare frammenti di immagini del mondo linguistico italiano e inglese che esprimono il comportamento di gioco. Nell'articolo si applica il concetto di Osservatore come soggetto percettivo-cognitivo e interprete della categoria di relazioni. I risultati dello studio comparativo mettono in luce le somiglianze e le differenze tra i lessemi che implementano i concetti *il gioco* e *play* in senso comportamentale, e le peculiarità della loro rappresentazione nelle lingue non imparentate. La ricerca condotta ha mostrato che, in primo luogo, il comportamento di gioco può essere, in una certa misura, visto come una semiotica delle relazioni, cioè ha una segno, che può essere interpretata e valutata; in secondo luogo, la caratteristica assiologica della categoria delle relazioni di gioco ha un'ampia gradazione valutativa, da valutazioni positive a quelle negative. In generale, si sostiene che, in italiano e in inglese, ci siano più valutazioni negative che positive, ci sono differenze nelle interpretazioni riscontrate attraverso l'analisi definitoria, nonostante le caratteristiche positive di base delle relazioni di gioco in italiano e in inglese.

Parole chiave: categoria relazioni, gioco, comportamento, semiotica, assiologia, Osservatore

Citazione: Savvateeva I. A. Caratteristiche Semantiche del Concetto di *Gioco* Nell'espressione Pragmatica, Semiotica e Assiologica delle Relazioni Comportamentali di Gioco. *SibScript*, 2024, 26(4): 525–535. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-525-535>

Ricevuto il 19 febbraio 2024. Accettato dopo peer review il 8 maggio 2024. Accettato per la pubblicazione il 13 maggio 2024.

оригинальная статья

Семантические особенности концепта *игра* в прагматическом, семиотическом и аксиологическом выражении игровых поведенческих отношений

Савватеева Ирина Анатольевна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 4215-9219

<https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

savvrina@mail.ru

Аннотация: В статье предлагается сопоставительный и дефиниционный анализ понятий *поведение* и *игра* в языковых картинах мира неблизкородственных языков. Проблематика исследования состоит в том, что не все поведенческие компоненты категории отношения связаны с игрой. Вместе с тем такая связь существует и выражается в определенных типах отношений в семиотическом и аксиологическом аспектах. Цель – определить сходства и различия игровых поведенческих смыслов в итальянском и английском языках. Задачи исследования предполагают лингвистический анализ семантических условий прагматической реализации игровых поведенческих отношений в лингвокультурном и лингвокогнитивном аспектах. В рамках проводимого лингвистического анализа для изучения фрагментов итальянской и английской языковых картин мира, выражающих игру в поведении, вводится понятие *Наблюдатель*. В статье обосновывается применение понятия *Наблюдатель* как перцептивно-когнитивного субъекта и интерпретатора категории *отношения*. В результате сопоставительного исследования охарактеризованы сходства и различия между лексемами, реализующими концепты *il gioco* и *play*, в поведенческом смысле и особенности их репрезентации в сопоставляемых языках. Проведенное исследование показало, что, во-первых, игровое поведение может являться в определенной степени семиотикой отношений, то есть обладает знаковостью, которую можно интерпретировать и оценивать; во-вторых, аксиологическая характеристика категории игровых отношений имеет широкую оценочную градацию от положительных оценок до отрицательных. В целом в итальянском и английском языках отрицательных оценок игровых отношений гораздо больше, чем положительных, несмотря на базовые положительные характеристики игровых отношений в итальянском и английском языках и некоторые различия их интерпретаций, найденные при помощи дефиниционного анализа.

Ключевые слова: категория отношения, игра, поведение, семиотика, аксиология, Наблюдатель

Цитирование: Савватеева И. А. Семантические особенности концепта *игра* в прагматическом, семиотическом и аксиологическом выражении игровых поведенческих отношений. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 525–535. (In Ital.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-525-535>

Поступила в редакцию 19.02.2024. Принята после рецензирования 08.05.2024. Принята в печать 13.05.2024.

full article

Concept of *Play*: Semantic Features in Pragmatics, Semiotics, and Axiology of Ludic Behavior

Irina A. Savvateeva

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4215-9219

<https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

savvrina@mail.ru

Abstract: The author compared the concepts of *behavior* and *play* in the linguistic worldviews of non-related languages. Not all behavioral components of the category of relations are associated with play; however, this connection exists in some semiotic and axiological aspects. The research objective was to compare and contrast ludic behavioral meanings in Italian and English by analyzing the semantics of the pragmatic implementation of ludic behavior in linguistic, cultural, and cognitive aspects. The author introduced the concept of Observer to study the fragments of Italian and English linguistic worldviews that featured the concepts of *behavior* and *play* as part of the category of interpersonal relations. The Observer was defined as a perceptual-cognitive subject that interprets the category of relations. The comparative analysis revealed some similarities and differences between lexemes that implement the concepts of *play* and *il gioco* and their representations in a behavioral sense. Ludic behavior could express the semiotics of relations, which means that it has a signifier that can be interpreted and evaluated. The axiological characteristic of ludic relations demonstrated a wide evaluative gradation from positive to negative. In general, both languages appeared to be rather negative in their assessment of ludic relations despite the basic positive characteristics of ludic relations and some differences in their interpretations as revealed by the definitional analysis.

Keywords: category relations, play, behaviour, semiotics, axiology, observer

Citation: Savvateeva I. A. Concept of *Play*: Semantic Features in Pragmatics, Semiotics, and Axiology of Ludic Behavior. *SibScript*, 2024, 26(4): 525–535. (In Ital.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-525-535>

Received 19 Feb 2024. Accepted after peer review 8 May 2024. Accepted for publication 13 May 2024.

Introduzione

La *rilevanza* della presente ricerca è condizionata mancando di studi comparativi sulle relazioni comportamentali ludiche basati sui dati linguistici nelle lingue quali italiano e inglese, nonché, la mancata attenzione della comunità scientifica agli aspetti pragmatici, semantici e assiologici di questo problema nei moderni studi comparativi, ha suscitato un forte interesse necessaria e importante nelle contesto attuale di comunicazione interculturale.

L'articolo propone un nuovo approccio allo studio del gioco nelle relazioni comportamentali, basato sulla combinazione di analisi concettuale e comparativa della rappresentazione delle relazioni comportamentali ludiche in lingue non imparentate, dimostrandone la condizionalità culturale e l'essenza sociale sul materiale dell'italiano e dell'inglese.

La *novità scientifica* della ricerca è determinata dal tentativo di considerare le peculiarità del funzionamento dei concetti *il gioco* e *play* in lingue non imparentate sotto

l'aspetto comportamentale con il metodo dell'analisi comparativa, al fine di ottenere nuovi dati linguistici sulle relazioni comportamentali del gioco come fenomeno socio-segnico in diversi spazi linguistici.

La ricerca si svolge nell'ambito del paradigma linguistico-culturale, tenendo conto delle moderne tendenze della ricerca linguistico-cognitiva dei concetti fondamentali di base.

Lo *scopo principale* dello studio è la specificazione e la valutazione contrastiva del significante del lessema *gioco*, dei tipi di informazione che, in ultima analisi, formano la categoria di *relazioni* nel senso comportamentale del gioco da parte di parlanti di due lingue in esame.

L'*oggetto* del presente studio sono le modalità semantiche e pragmatiche di attuazione linguistica delle relazioni comportamentali ludiche negli spazi linguistici di lingue non imparentate. I dati linguistici su cui si basa la ricerca sono i lessemi che implementano i concetti di *play* e *il gioco*.

Lo studio si pone i seguenti punti interrogativi:

- sarà esplicitato che occorre considerare i fondamenti teorici generali per lo studio delle relazioni comportamentali del gioco;
- specificare le condizioni semantiche dell'implementazione pragmatica delle relazioni comportamentali del gioco negli aspetti linguistici;
- specificare le somiglianze e le differenze tra i lessemi, che realizzano i concetti di *play* e *il gioco* in senso comportamentale, e le peculiarità della loro rappresentazione nelle lingue in esame.

Fondamenti teorici generali degli approcci allo studio delle relazioni comportamentali del gioco.

Avendo svolto gli studi teorici sul fenomeno del gioco, possiamo affermare che, in un certo senso, il gioco è uno dei concetti fondamentali dell'attività della vita umana, sia dal punto di vista biologico che sociale. Come sostiene E. S. Nikitina "il gioco non ha altre possibilità di espressione che le sfere vitali dell'esistenza umana" [Nikitina 2004]. Il gioco è una metafora universale. L. Wittgenstein ha scritto che il *Gioco* si riferisce a concetti dai contorni sfumati [Wittgenstein 2009]. J. Huizinga, nella sua opera *Homo Ludens*, definisce il gioco come caratteristica del mondo che ci circonda [Huizinga 1992]. La cultura stessa ha un carattere ludico <...> la cultura nasce sotto forma di gioco, la cultura è inizialmente giocata [Gurevich 2001]. Umberto Eco ha studiato il gioco linguistico nella sua simbiosi con la semiotica e la cultura di massa [Eco 1985], dove considerava una componente necessaria del gioco la sua essenza crittografica, come un codice da svelare [Tsygankova 2023].

Gli studi teorici suggeriscono che esistono legami tra diverse sfere dell'attività umana. La categoria di relazioni appartiene a queste importanti sfere della vita. "I fenomeni precedenti, capaci di rappresentare gli atti, hanno attributi cognitivi generali-valutativi e particolari-valutativi fissati per loro nella coscienza nazionale" [Bushuyeva 2020: 808].

Le relazioni umane con l'ambiente socio-culturale circostante sono, in un certo senso, caratterizzate da qualcosa di ludico. "Diversi frammenti di realtà hanno una somiglianza oggettiva con giochi di ruolo e di scopo, che si riflette nei discorsi e negli stereotipi comportamentali" [Zimmerling 2006: 114].

Sembra che il paradigma filosofico del XXI secolo, facendo riferimento al concetto di *homo ludens* – *uomo che gioca* (si veda anche il concetto di *ludologia* introdotto da G. Frasca [Frasca 1999]), presupponga che il concetto di *gioco* entri nel campo delle relazioni interpersonali e sia direttamente collegato al comportamento. Tutto

ciò rende possibile utilizzare nel nostro studio delle relazioni di gioco la definizione di *ludologico* per indicare il comportamento di gioco [Savvateeva 2017].

La componente comportamentale della categoria di *relazione*, nel nostro studio appare come un insieme di azioni segniche e di stati mentali o emotivi e atteggiamenti ad esse sottesi, espressi da queste azioni, o a cui queste azioni rimandano con la presenza obbligatoria dell'Osservatore-soggetto della percezione / percettore (d'ora in poi Osservatore_p) [Savvateeva 2015; 2023; Verkhoturova 2008], come interprete di tali azioni.

Il comportamento è compreso dai parlanti delle lingue e culture inglese e italiana, innanzitutto, come un insieme di azioni con una certa sintomatologia segnica destinate a un *Osservatore* esterno (destinatario). Questo Osservatore esterno (*Osservatore_p*) deve essere situato nel campo percettivo del Soggetto del comportamento/ agente, che diventa quindi un *Osservatore_a*.

Riteniamo che alcuni comportamenti, che rientrano nel campo delle relazioni interpersonali, siano compresi nelle visioni del mondo inglese e italiana come ludici in presenza dell'*Osservatore*: il comportamento ludico dell'*Osservatore_a* è orientato verso l'*Osservatore_p*.

Nella nostra comprensione, l'*Osservatore* può servire come una sorta di chiave per sbloccare possibili aspetti cognitivi e linguistici: l'aspetto ludico nel comportamento è anche un'**interpretazione semiotica della categoria di relazioni**. "Tutto nel comportamento – i modi, le parole pronunciate – oltre al significato denotativo, possiede un significato connotativo aggiuntivo" [Kunitsyna 2009: 188].

Possiamo quindi formulare un'ipotesi sull'ovvia interrelazione dei concetti di *gioco* e di *comportamento*, ma non su qualsiasi espressione del fenomeno della categoria di *relazioni*. Questa ipotesi è confermata dalle ricerche di D. B. Elkonin, il quale afferma che un gioco non può essere considerato una qualsiasi ricreazione di un'attività umana, ma solo una ricreazione di relazioni tra persone che nascono nel processo di qualsiasi attività [Elkonin 1999].

Pertanto, le seguenti conclusioni teoriche sono importanti per noi:

1. L'attività si trasforma il gioco umano in un meccanismo di regolazione delle relazioni sociali e interpersonali, che è l'oggetto del nostro interesse scientifico.

2. L'oggetto dell'interpretazione assiologica di queste relazioni (*Osservatore_p*) è la componente semiotica del mondo interiore del soggetto, le sue motivazioni sotto forma di stati e relazioni mentali-affettive (*Osservatore_a*),

(il concetto stesso di Comportamento), che è anche l'oggetto del nostro interesse scientifico in termini di studio della categoria di *relazioni*.

Nel contesto della ricerca presentata sotto l'aspetto ludico, lo studio del significato semiotico delle relazioni comportamentali di gioco ci permette di capire come gli stati umani interni non osservati si riflettano sui legami sociali e sulle relazioni, sul suo comportamento.

La fonte teorica della nostra ipotesi è il modello di *sistema informativo* della comunicazione interculturale di E. T. Hall [Hall 1959], che presenta una tipologia generale di *sistemi di messaggi primari* antropologicamente fondati, che comprende anche il gioco e il comportamento di gruppo. Lo studioso suggerisce che gli studi delle sequenze di azioni all'interno di contesti situazionali (modelli comunicativi) aiutano a stabilire i modelli di significato degli individui nelle diverse culture [Hall 1959: 8; 1976]. In questo studio, per schemi semantici intendiamo le relazioni comportamentali di gioco considerate nella loro espressione pragmatica, tenendo conto delle peculiarità semantiche.

Materiali e metodi di ricerca

I dati empirici su cui si basa la ricerca, erano costituito da dati provenienti da dizionari esplicativi, dizionari dei sinonimi e thesauri di inglese e di italiano moderno, nonché da frasi campione e frammenti di testo offerti da dizionari e thesauri elettronici¹.

Nel presente elaborato, si è ritenuto opportuno adottare il **metodo** deduttivo-induttivo, i metodi di analisi concettuale e interpretativa, il metodo di analisi definitoria, il metodo descrittivo-comparativo e i metodi di analisi contestuale.

Risultati

Passiamo alla ricerca dell'influenza del concetto di *play* e *il gioco* sulla componente comportamentale della categoria di *relazioni*, dove il concetto di *gioco* è correlato al concetto di comportamento nella sfera delle relazioni interpersonali.

In inglese

L'analisi della definizione di *play*, sui dizionari lessicali della lingua inglese, include una componente di significato *behaviour* (behave / conduct) che indica, nel modo più esplicito possibile, la connessione del gioco con il comportamento:

- play: **behave** as though one were (a specified type of person) (OLD); to **conduct** oneself or act in a specified way play around; play around (informal) to **behave** in a playful or frivolous manner; fool around (Farlex).

In italiano

Lo studio del lessico di una lingua straniera è il primo passo verso la sua comprensione: ogni parola racconta i suoni, le immagini della lingua e della cultura di un popolo. Ad esempio, il verbo latino *agere*, che in italiano è uno dei componenti del lessema *Il gioco*, significa condurre, agire, impegnarsi, e un attore è in realtà qualcuno che agisce ed "esprime azioni del corpo, della voce, dell'animo" [Evandro 2021: 95].

L'analisi della definizione *giocare* in italiano include anche la componente del significato *comportamento* (agire / comportarsi), che indica anche il legame del gioco con il comportamento: **agire** in un certo modo, giocare sporco dire apertamente, e proprie intenzioni; **agire** con furbizia; **comportarsi** scorrettamente con qualcuno; comportarsi in modo scorretto con qualcuno (Farlex).

Il concetto di gioco entra quindi nella sfera delle relazioni interpersonali ed è direttamente collegato al comportamento. Sottolineiamo che non tutti i comportamenti sono esplicitamente legati al gioco.

In inglese

L'analisi della lessema *play* ha mostrato che i dizionari inglesi registrano prevalentemente connotazioni positive, nonché indica un atteggiamento poco serio e smalzato:

- play: stresses the opposition to earnest without implying any malice or mischief (MWD).

Si noti che le definizioni del dizionario dei lessemi relativi al gioco, nella maggior parte dei casi, contengono

¹ The American Heritage Dictionary of the English Language (AHD). URL: <https://www.ahdictionary.com/>; Britannica dictionary (BD). URL: <http://www.britannica.com>; Collins online dictionary (Collins). URL: <http://www.collinsdictionary.com>; Cambridge Dictionary: online version (CDO). URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>; dic.academic.ru (DA). URL: <http://www.dic.academic.ru>; dictionary.com (DC). URL: <http://www.dictionary.com>; Dizionario Italiano (DI). URL: <http://www.dizionari.corriere.it>; Dizionario Italiano online (DIO). URL: <http://www.dizionarioitaliano.it>; Dizionario dei sinonimi (DS). URL: <http://www.Dizionari.repubblica.it>; The Free Dictionary online (Farlex). URL: <http://www.thefreedictionary.com>; Un Grande Italiano-Russo Dizionario (GIRD). URL: <http://www.classes.ru>; Glosbe online dictionary (Glosbe). URL: <http://www.glosbe.com>; Kernerman English Multilingual Dictionary (KEMD). URL: <http://www.kdictionaries.com>; Macmillan Dictionary (Mackmilan). URL: <http://www.dictionary.com>; Merriam Webster Dictionary (MWD). URL: <http://www.merriam-webster.com>; Numerosamente.it (NI). URL: <http://www.numerosamente.it>; Oxford Learner's Dictionaries (OLD). URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com; Reverso Context (RC). URL: <http://www.context.reverso.net>; New International Webster's comprehensive dictionary of the English Language (WCD). URL: <http://www.whatdoesthatmean.com>; Free online dictionaries (WRD). <http://www.wordReference.com> (accessed 16 Jan 2024).

componenti interpretative che esprimono comportamento e attività:

- frolic, frolicking *divertimento*, fun *divertimento*: to play and run about happily: *children frolicking in the park*; playful **behavior** or action; prank (Farlex); playful **behavior** or merriment; to move about or behave playfully (AHD): *Their relationship is never short on fun and frolic* (Collins);
- dalliance *passa tempo ozioso divertimento*, *svago*: the deliberate act of delaying and playing instead of working (Farlex); act of dallying a) especially amorous play: *had dalliances with several women before getting married* b) frivolous **action**: had a brief dalliance with acting (MWD);
- fun and games *divertente*, *buon momento*: **activity** for pure pleasure or diversion (AHD);
- Recreation: an **activity**, such as a game or hobby that is pursued primarily for pleasure (AHD);
- relaxation: any specific **behavior**; *they avoided all recreational activity* (Farlex);
- rollicking *divertimento rumoroso*: moving in a careless or swaggering manner; expressive of a careless, frolic some spirit: rollicking **behavior** (WCD);
- sport: to observe the principles of loyalty, integrity and good sporting **behaviour** as an expression of fair play through a statutory provision (RC). Nel periodo della storia italiana, successivo al noto purismo linguistico, in cui si escludeva qualsiasi prestito straniero, si è cercato di sostituire la parola *sport* con l'italiano *gioco* o *ludo*. Tuttavia, ciò non ha trovato applicazione pratica [Sokolova 2020: 26].

In italiano

Il gioco è parte integrante dell'esistenza quotidiana degli italiani. Una componente importante della natura italiana è il desiderio di *fare bella figura* (l'equivalente russo più vicino a questo concetto sarebbe l'espressione *tenere la faccia*). Si tratta di un insieme speciale di norme e principi di comportamento esterno, estremamente importanti per un popolo la cui vita si svolge costantemente in pubblico [Baeva 2021: 81].

In italiano, il verbo *giocare* indica principalmente un'attività di natura ludica:

- giocare: dedicarsi a un gioco; divertirsi con qualcuno; fare qualcosa in maniera poco seria: dedicarsi a un'attività piacevole, per divertimento (DI). Il lessema Giocondità *allegria*, combina due significati: il latino *Diocus* – gioco e il latino *Jucundus* *scherzo piacevole, cordiale*. Combinando il significato delle due definizioni, si può ipotizzare che la festività sia vicina all'allegria nella concezione

degli italiani. Mentre la parola *gioco* (dal latino *scherzare*) significa "intraprendere un'azione per cambiare, trasformare la realtà circostante. Presuppone una partecipazione attiva e coinvolta nel gioco" [Azarova 2023: 72–73].

Il verbo *giocare* e i suoi sinonimi contengono anche componenti interpretative che esprimono un comportamento e un'attività non seria nei confronti degli altri:

- scherzare: **comportarsi** in modo leggero e divertito, fare scherzi; non fare sul serio; prendersigioco di qualcuno (DI);
- far un gioco: modo di **agire**, azione, spec. in quanto moralmente discutibile (DI);
- divertirsi: non avere intenzioni serie in un rapporto con qualcuno (DI);
- baloccarsi: passare il tempo in cosefutili (DI);
- ricrearsi: divertire: uno spettacolo che ricrea (NI);
- fare una partita, **gareggiare**: fare a gara, contendere, competere (di coraggio, d'astuzia, d'impegno, di cortesia) (DS);
- misurarsi: limitare entro una determinate misura, moderare, contenere (DS).

Nei contesti con verbi di gioco, ci sono connotazioni che esprimono la categoria delle *relazioni*: comportamenti di gioco, determinati comportamenti verso gli altri e sentimenti, emozioni e intenzioni correlate:

- trastullarsi: divertirsi, distrarsi con giochi da bambini. Per esempio, 2) *I ragazzi sitrastullavano con sabbia e sasso linitrastullare* (NI);
- giocherellare: giocare senza impegno, dedicarsi a giochi semplici e leggeri (DS); Per esempio, 3) *Bevve un sorso del cocktail e cominciò agio che rellare coi suoi anelli* (Glosbe);
- ruzzare: riferito a persone o animali, correre e saltare per divertimento. Per esempio, 4) *Dove sono andati i bambini che ruzzavano nei vichi?* (NI);
- dedicarsi: impegnarsi completamente in un'attività (Farlex); Per esempio, 5) *Angelica non aveva mai veduto due uomini dedicarsi a simile maneggio e quasi ne era imbarazzata* (Glosbe);
- spassarsela: far divertire, procurare distrazione (DS). Per esempio, 6) *Si chiama "spassarsela"... David... Per esempio, 7) Trudy lo usava solo per i furtie per spassarsela* (RS).

Nei dizionari della lingua italiana, anche i sinonimi dei lessemi del comportamento di gioco contengono, nella maggior parte dei casi, connotazioni positive, ma a differenza dell'inglese.

- truffare: rendere qualcuno vittima di una truffa, imbrogliarlo (DI). Per esempio, 1) *E più tardi,*

Gob andò a riconquistare la fiducia dell'uomo che sperava ancora di truffare (RS);

- ingannare: mentire a qlcu facendogli credere ciò che non è (Farlex). Per esempio, 2) *Questa tattica ebbe grande successo nell'ingannare e confondere le forze dell'ordine (RS);*
- imbrogliare: far credere a qualcuno ciò che non è, raggirarlo al fine di ottenere, con suo danno, un vantaggio personale (DIO). Per esempio, 3) *Non mi imbrogliare con i tuoi trucchetti da donna (RS);*
- burlare: scherzare; parlare, agire per burla (DIO). Per esempio, 4) *Penso che il maestro si voglia burlare di me (GIRD);*
- prendere in giro. Per esempio, 5) *Potrai anche prendere in giro qualcuno, El Barto, ma non me (RS);*
- far cadere in trappola: venire a trovarsi all'improvviso in una situazione negativa (WRD). Per esempio, 6) *È proprio quel tipo di assurdi che farebbe cadere in trappola uno di questi ridicoli umani. Per esempio, 7) L'unica cosa che dovevo fare era ingannarti e farti cadere in trappola (RS);*
- mettere in mezzo: associarsi, unirsi, avviare una relazione sentimentale (WRD). Per esempio, 8) *Non dovremmo mettere in mezzo le nostre famiglie (RS);*
- fare uno scherzo: comportamento in cui si dice o si fa qualcosa non sul serio, ma per divertimento o per burla (DI). Per esempio, 9) *Bart Simpson non ha mai incontrato una bella donna a cui non potesse fare uno scherzo. Per esempio, 10) Le promette di renderla famosa, se... lei lo aiuta a fare uno scherzo ad un amico (RS);*
- vincere con l'astuzia: superare, battere, affrontare vittoriosamente, sconfiggere un avversario in guerra, in una discussione, in una gara; dominarsi, controllarsi (DS);
- scommettere: fare un patto tra due o più persone su una discordia di pareri, di previsioni, in seguito al quale chi risulta aver torto s'impegna ad assolvere una determinata obbligazione in favore di chi ha ragione (NI);
- puntare: nel gioco d'azzardo, scommettere, fare affidamento su qualcuno o su qualcosa; puntava sul suo aiuto; punto sull'arrivo di quella merce (NI);
- fare speculazioni-affari: condotta senza scrupoli e senza rispetto degli interessi altrui (NI).

Inoltre, nelle componenti dei significati verbalizzanti delle relazioni di gioco in italiano c'è un gran numero di lessemi associati al significato di rischio e pericolo: rischiare, esporre a rischio, mettere a repentaglio (DI).

Discussione

La complessità della valutazione delle relazioni ludici è alla base del problema posto dal presente studio: innanzitutto, se sia possibile una valutazione veritiera di tali atteggiamenti e, in caso affermativo, quali meccanismi linguistici possano contribuire a decifrare e a comprendere la denotazione del comportamento ludico, soprattutto se lo scopo del comportamento ludico è quello di ingannare gli osservatori. "Se chi ti circonda riesce a capire il gioco, a volte parla di emozioni finte. L'universalità delle componenti di gioco, la loro capacità di occupare un posto importante in qualsiasi processo suggerisce che praticamente qualsiasi atto sociale che includa almeno una di componenti indicate può in un modo o nell'altro essere identificato come un gioco" [Shmelev 2006: 419].

Nell'ambito del nostro studio dell'assiologia del comportamento di gioco, possiamo evidenziare problemi specifici associati alla semantica valutativa. A. I. Sosland [Sosland 2006] ha individuato i giochi *coinvolti* nel comportamento umano nella società. "Il segno principale dei giochi "coinvolti" è l'incoerenza dell'esplicito con l'implicito, cioè la presenza nel comportamento di insincerità, falsità, finzione, ipocrisia, inganno, imbroglio. In altre parole, il comportamento di gioco non solo non regge, ma non è nemmeno soggetto a una valutazione veritiera" [Sosland 2006].

Riteniamo che il meccanismo di valutazione possa essere l'osservazione, soprattutto nella valutazione di altre persone delle relazioni di gioco, del loro aspetto, delle motivazioni del comportamento, delle emozioni, delle azioni: "La peculiarità dei pensieri, dei sentimenti e delle emozioni umane consiste nella loro inosservabilità diretta, ma nella possibilità di fare ipotesi sullo stato interno attraverso segnali indiretti dall'esterno" [Semenova 2007].

Componente assiologica dell'aspetto ludico della categoria di relazione

Anche l'analisi degli studi sull'attività ludica umana presenta, per lo più, il fenomeno del gioco come un'attività positiva. "L'immagine di un gioco è l'immagine di un'attività valutata positivamente" [Bragina 2006: 120].

J. Huizinga parla di gioco come strumento di descrizione metaforica delle relazioni interpersonali. J. Hoesinga afferma che è negli usi metaforici che le componenti semantiche neutre del gioco si trasformano in componenti negative. Ad esempio, l'attività realizzata come *falsità* (si veda la definizione di J. Huizinga) implica, negli usi metaforici, componenti semantiche come: non serietà e insincerità [Huizinga 1992].

Allo stesso tempo, l'analisi delle definizioni offerte dai dizionari del concetto *Play* e dei suoi sinonimi, in inglese, mostra che il concetto *Play* implica un'ampia scala valutativa: le componenti iniziali della definizione sono scherzo, giocosità, onestà, azione, attività (*play smb a trick* – fare uno scherzo a qualcuno, prendere in giro qualcuno), hanno le caratteristiche per espandere il significato assiologico nello spettro negativo: (*play a joke on smb*, (amer.) *play sharp on smb* – prendere in giro qualcuno; ingannare, ingannare; *play it low on smb* – agire in modo meschino nei confronti di qualcuno; *play double* – doppio gioco essere ipocrita, fare il doppio gioco; *fair play* – gioco corretto; *foul play* – comportamento meschino; inganno; *play for one's own hand* – agire nel proprio interesse; *play a double game* – doppio gioco; *have a game with* – ingannare qualcuno; *play the devil with* – danneggiare, rovinare (Farlex).

L'espansione della scala valutativa dalle valutazioni positive a quelle negative in inglese è dimostrata anche dall'analisi dei sinonimi del concetto di *Play*, con l'acquisizione di caratteristiche valutative negative nella transizione delle azioni di gioco in azioni di gioco comportamentali:

- artifice *frode, inganno* false or insincere behavior, social artifice (MWD);
- device *intento dannoso, idea*: leave to (one's) own devices to allow (someone) to do as he or she pleases. Per esempio, 1) *left the child to her own devices for an hour* (AHD); the play's use of traditional comic devices such as slapstick (BD);
- dodge *trucco, astuzia*: avoid or try to avoid fulfilling, answering, or performing (duties, questions, or issues) (Farlex); to get away from or avoid (someone or something) in a skillful or dishonest way (BD);
- fetch something done (usually a supposed to something said) (Farlex). Per esempio, 2) *It is a mere fetch to favour his retreat* (questo non è altro che uno stratagemma per coprire la ritirata) (DA); to fetch the audience – catturare il pubblico, compiacere il pubblico (DA);
- flimflam *trucco, frode*: to get money or something else from by deceitful trickery; dishonest behavior meant to take money or property from someone (AHD); Per esempio, 3) *He lost all his money to a flimflam artist / man* – criminal who steals money from people by tricking them; a con man (BD);
- gambit *concessione per benefici futuri*: something done or said in order to gain an advantage or to produce a desired result, a conversational

gambit. Per esempio, 4) *Their opening gambit (their first move) in the negotiations was to demand a wage hike* (BD);

- gimmick *trucco*: a method or trick that is used to get people's attention or to sell something (BD); something that is not serious or of real value that is used to attract people's attention or interest temporarily, especially to make them buy something (CDO);
- jig *trucco*: the jig is up – used to say that a dishonest plan or activity has been discovered and will not be allowed to continue. Per esempio, 5) *The jig is up* (Il gioco è finito) (BD);
- juggle *trucco*: to arrange or manipulate (facts, figures, etc) so as to give a false or misleading picture (Collins);
- knack *abilità, astuzia*: a tendency or pattern of behavior). Per esempio, 6) *Lincoln had a knack for involving himself in fights where the odds were against him* (AHD).
- trick *trucco*: a behavioural trait, habit, or mannerism (Collins);
- ploy *mossa astuta e tattica* a tactic intended to embarrass or frustrate an opponent (MWD);
- scheme *plano, schema, frode*: a carefully thoughtout strategy for achieving an objective in war or politics or business or personal affairs, a secret scheme to do something (especially something under hand or illegal); Per esempio, 7) *They concocted a plot to discredit the governor; I saw through his little game from the start* (Farlex);
- sleight *trucco intelligente, astuzia* a trick or stratagem (DC);
- wile *trucco, inganno*: clever tricks that you use to get what you want (BD); skill and way soft ricking people into doing what you want (CDO); a trick, artifice, or stratagem meant to fool, trap, or entice; device; artful or beguiling behavior (DC).

Anche in italiano la scala valutativa è ampia, ma in termini di estensione del significato assiologico nello spettro negativo, prevede una gradazione leggermente diversa dall'inglese: le definizioni hanno più componenti con connotazione negativa e componenti che esprimono nozioni di rischio, pericolo, speculazione e comportamento disonesto:

- giocare: agire in un certo modo giocare sporco dire apertamente le proprie intenzioni; agire con furbizia; comportarsi scorrettamente con qlcu (Farlex).

Allo stesso tempo, negli antonimi del concetto di gioco in italiano si dà l'interpretazione di comportamento onesto: comportarsi onestamente-lealmente (Farlex).

Le caratteristiche positive di base del gioco, incorporate nelle definizioni descritte sopra relative al gioco in inglese e in italiano, includono componenti con una tendenza alla valutazione negativa, che si manifesta nelle relazioni di gioco nel comportamento. Tali relazioni sono costruite sulla fiducia o, al contrario, sulla sfiducia dei soggetti comunicanti delle relazioni di gioco. "I ricercatori contrappongono invariabilmente fiducia e sfiducia, rilevando che la prima ha un impatto positivo sull'attività di vita del soggetto, mentre la seconda, al contrario, ha un impatto negativo. Tuttavia, è impossibile concordare pienamente con questa affermazione, poiché la fiducia e la sfiducia svolgono una serie di funzioni simili: riflettono l'ambiente socio-psicologico dell'individuo, regolano le relazioni con il mondo circostante. Non solo la sfiducia, ma anche alcune forme e tipi di fiducia svolgono funzioni distruttive nella formazione della coscienza e del comportamento del soggetto, con conseguenze negative" [Shamne, Shishkina 2021: 169].

Le informazioni di base ricevute (i segni), permettono all'*Osservatore_p* di valutare la situazione per poter prendere decisioni. L'*Osservatore* trae conclusioni sugli stati interni del soggetto del comportamento. Allo stesso tempo, l'effetto prodotto sull'*Osservatore* dai segni, cioè causare, provocare nell'*Osservatore_p* stati interpretativi e valutativi, può coincidere o meno con le aspirazioni che il soggetto del comportamento voleva esprimere [Savvateeva 2015]. "La mancata coincidenza delle entità semiotiche – il segno-interpretante e l'oggetto può creare dissonanza cognitiva" [Kunitsyna 2009: 105].

Nonostante alcune differenze nella gerarchia delle componenti delle definizioni di dizionario che esprimono il concetto di *gioco* nelle lingue non imparentate, le caratteristiche di base ci permettono anche di concludere che il carattere iconico del comportamento di gioco, in italiano, deve essere decodificato anche nel processo di osservazione dell'atto comportamentale di gioco (il contesto della situazione), secondo gli stessi parametri sopra indicati, ma forse in uno spettro assiologico più ristretto.

Conclusioni

Un'analisi definitoria comparata dei lessemi che si riferiscono al concetto di *gioco* ha mostrato:

In primo luogo, ci sono i componenti che indicano il legame tra comportamento e gioco: *behave; behaviour* (in inglese) e *agire; comportarsi* (in italiano).

In secondo luogo, ci sono i componenti indicano che il gioco è inteso come un'attività di natura ludica con una componente assiologica intrinsecamente positiva:

pleasure; diversion (in inglese) e *divertirsi /un'attività piacevole* (in italiano).

La specificità della comprensione del concetto di gioco nelle lingue inglese e italiana, secondo i risultati dell'analisi definitoria, risiede in alcune differenze nelle componenti delle interpretazioni dei dizionari. Così, in inglese si riscontra inizialmente un maggior numero di componenti con una componente assiologica positiva (*to behave in a playful or frivolous manner; fool around*) e l'assenza di indicatori della presenza di malizia nelle azioni ludiche (*without implying any malice or mischief*). In italiano, invece, l'analisi delle interpretazioni dei dizionari ha rivelato una diversa gradazione della percezione del gioco.

Innanzitutto, vi è la presenza iniziale di componenti del dizionario che indicano la presenza di malizia (*agire con furbizia/ comportarsi scorrettamente con qlcu/ le proprie intenzioni*), così come un numero molto maggiore di lessemi sinonimi che hanno nelle loro definizioni componenti con una componente assiologica negativa. Inoltre, in italiano, come ha mostrato l'analisi definitoria, il concetto di gioco è legato a nozioni di rischio (*rischiare / esporre a rischio*), di pericolo (*mettere a repentaglio*) e di astuzia (*vincere con l'astuzia*).

In inglese, secondo i dati ottenuti, ci sarebbe una tendenza ad ampliare la scala delle componenti assiologiche negative (*play a joke on smb/ play it low on smb / play for one's own hand/ play a double game*).

In inglese, lo spettro delle valutazioni del gioco, da positive a prevalentemente negative, che esprimono generalmente un comportamento onesto è più ampio che in italiano, nonostante la presenza di un numero intrinsecamente più diversificato di componenti con connotazione negativa (che esprimono generalmente un comportamento disonesto). Soprattutto, in un numero maggiore di sinonimi dei principali verbalizzatori del comportamento di gioco d'azzardo rispetto all'inglese. Quindi, la specificità nel comprendere il concetto di gioco nelle lingue inglese e italiana si manifesta nella percezione inizialmente un po' diversa del gioco sotto l'aspetto assiologico.

Allo stesso tempo, per quanto riguarda la semiotica delle azioni di gioco, l'analisi teorica ed empirica delle caratteristiche delle relazioni umane di gioco ha messo in luce il fatto che alcuni comportamenti sono compresi in inglese e in italiano come comportamenti di gioco proprio in presenza dell'*Osservatore*: il comportamento di gioco dell'*Osservatore_a* è orientato verso l'*Osservatore_p*, e indica, in alcuni casi, la direzione di legame del concetto *comportamento* con il concetto *gioco*.

In generale, l'analisi della classificazione del comportamento ludico su una scala valutativa, in inglese e in italiano, dimostra che le componenti semantiche negative, nei significati delle relazioni ludiche nel comportamento nelle lingue non imparentate rilevate dall'*Osservatore*, sono molto più numerose di quelle positive.

Ciò è dovuto al fatto che, quando le azioni di gioco si spostano nella sfera delle relazioni interpersonali e/o sociali, tali azioni acquisiscono caratteristiche comportamentali, la cui valutazione è complicata dalle intenzioni e dagli intenti impliciti sviluppati nel processo di tali relazioni, basati sulla fiducia del soggetto a cui tali azioni sono dirette e, a questo proposito, difficilmente decodificabili dall'*Osservatore*.

Tuttavia, la decodifica delle relazioni di gioco è possibile sulla base del fatto che le componenti di base delle definizioni relative al concetto di gioco, fissate sui dizionari delle lingue inglese e italiana, sono legate al comportamento e hanno un significato, interpretabile a seconda della situazione comunicativa.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

References / Литература

- Azarova T. V. Festival as a cultural constant of festive Italian discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2023, 20(3): 68–76. (In Russ.) [Азарова Т. В. Фестиваль как культурная константа итальянского праздничного дискурса. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2023. Т. 20. № 3. С. 68–76.] <https://elibrary.ru/nukpre>
- Baeva E. I. Gesti – simboli nel cinema italiano (descrizione del comportamento comunicativo non verbale). *Italiano sul palcoscenico: Codici semiotici nella vita e nella professione: Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico*, Mosca, 24–26 Ottobre 2019. Mosca: MSLU, 2021, 81–84. <https://elibrary.ru/smgmkq>
- Bragina N. G. The metaphors of play in the descriptions of human world (interpersonal relations). *Logical analysis of language. Conceptual game fields*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2006, 120–143. (In Russ.) [Брагина Н. Г. Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения). *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 120–143.] <https://elibrary.ru/taswwd>
- Bushuyeva L. A. Precedent phenomena as names of acts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 802–810. (In Russ.) [Бушуйева Л. А. Прецедентные феномены как репрезентанты поступков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 3. С. 802–810.] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-802-810>
- Eco U. Huizinga e il gioco. In: Eco U. *Sugli specchi e altri saggi*. Bompiani, Milano, 1985, 283–300.
- Elkonin D. B. *The psychology of play*. 2nd ed. Moscow: VLADOS, 1999, 358. (In Russ.) [Эльконин Д. Б. Психология игры. 2-е изд. М.: ВЛАДОС, 1999. 358 с.]
- Evandro S. Pedagogie d'attore e acquisizione linguistica tra imitazione e interpretazione. *Italiano sul palcoscenico: Codici semiotici nella vita e nella professione: Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico*, Mosca, 24–26 Ottobre 2019. Mosca: MSLU, 2021, 94–98. <https://elibrary.ru/olkkou>
- Frasca G. Ludology meets narratology: Similitude and differences between (video)games and narrative. *Parnasso*, 1999, (3): 365–371.
- Gurevich P. S. *Philosophy of culture*. Moscow: Nota Bene, 2001, 352. (In Russ.) [Гуревич П. С. Философия культуры. М.: Nota Bene, 2001. 352 с.]
- Hall E. T. *Beyond culture*. NY: Doubleday, 1976, 316.
- Hall E. T. *The silent language*. NY: Doubleday, 1959, 242.
- Huizinga J. *Homo Ludens. In the shadow of tomorrow*. Moscow: Progress-Akademia, 1992, 458. (In Russ.) [Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992. 458 с.]
- Kunitsyna E. Yu. *Shakespeare. Play. Translation*. Irkutsk: ISLU, 2009, 348. (In Russ.) [Куницына Е. Ю. Шекспир. Игра. Перевод. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 348 с.] <https://elibrary.ru/ruigml>

- Nikitina E. S. Body games (to ontosemiotics of corporality). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2004, (1): 24–28. (In Russ.) [Никитина Е. С. Игры с телом (к онто-семиотике телесности). *Вестник Воронежского государственного университета: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2004. № 1. С. 24–28.] <https://elibrary.ru/pijktx>
- Savvateeva I. A. Comparative definitional analysis of the concept behavior and related concepts. *Modern Humanity Success*, 2023, (3): 150–153. (In Russ.) [Савватеева И. А. Сравнительный дефиниционный анализ концепта behaviour и смежных с ним понятий. *Успехи гуманитарных наук*. 2023. № 3. С. 150–153.] <https://elibrary.ru/gefkyj>
- Savvateeva I. A. Ludical aspect of the concept behavior. *Cognitive studies of language*, 2017, (29): 708–712. (In Russ.) [Савватеева И. А. Людический аспект поведения. *Когнитивные исследования языка*. 2017. № 29. С. 708–712.] <https://elibrary.ru/zufnbf>
- Savvateeva I. A. Specification of behavioral semiotics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, (21): 93–103. (In Russ.) [Савватеева И. А. Специфика семиотичности поведения. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2015. № 21. С. 93–103.] <https://elibrary.ru/xlpedw>
- Semenova T. I. *Lingustic phenomenon of seemingnes*. Irkutsk: ISLU, 2007, 237. (In Russ.) [Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.] <https://elibrary.ru/rugbrn>
- Shamne N. L., Shishkina E. V. Representation of the phenomenon "trust" in medical advertising discourse. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2021, 20(5): 167–176. (In Russ.) [Шамне Н. Л., Шишкина Е. В. Репрезентация доверия в медицинском рекламном дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2021. Т. 20. № 5. С. 167–176.] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.13>
- Shmelev A. D. Play in the Russian language worldview. *Logical analysis of language. Conceptual game fields*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2006, 411–421. (In Russ.) [Шмелев А. Д. Игра в русской языковой картине мира. *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 411–421.]
- Sokolova A. G. Anglicisms and loanwords: The contribution of English exemplified by contemporary Italian tourist terminology. *Training, Language and Culture*, 2020, 4(2): 21–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-2-21-30>
- Sosland A. I. Concept of play in attractive analysis. *Logical analysis of language. Conceptual game fields*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2006, 98–110. (In Russ.) [Сосланд А. И. Концепт «игра» в свете аттрактив-анализа. *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 98–110.]
- Tsygankova A. A. The mechanisms of language game in Umberto Eco's texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (4). (In Russ.) [Цыганкова А. А. Механизмы языковой игры в текстах Умберто Эко. *Российский лингвистический бюллетень*. 2023. № 4.] <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.30>
- Verhoturova T. L. *The observer factor in the language of science*. Irkutsk: ISLU, 2008, 289. (In Russ.) [Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.] <https://www.elibrary.ru/rufurp>
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Blackwell Publishers, 2009, 592.
- Zimmerling A. V. Life as a game with non-opposing interests. *Logical analysis of language. Conceptual game fields*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2006, 111–119. (In Russ.) [Циммерлинг А. В. Жизнь как игра с противоположными интересами. *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 111–119.] <https://elibrary.ru/xgubld>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ghxxps>

Ассоциативные поля культурно-маркированных лексем *Чыл-Пажы* и *чалама* в языковом сознании шорцев: психолингвистический эксперимент

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

eLibrary Author SPIN: 9659-7646

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Scopus Author ID: 57296227500

russia_science@mail.ru

Картавцева Антонина Павловна

Филиал Кузбасского государственного технического университета

имени Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Прокопьевск, Россия

eLibrary Author SPIN: 8946-2444

<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>

Scopus Author ID: 58516422600

Рабкина Надежда Владимировна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

eLibrary Author SPIN: 5166-3567

<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Scopus Author ID: 57202906903

Чепсаракова Наталья Ильдаровна

Центр развития творчества детей и юношества, Россия, Шерегеш

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Россия, Абакан

eLibrary Author SPIN: 5373-1653

Аннотация: Языковое сознание билингвов и специфика ментальной репрезентации культурно значимой информации представителями разных этносов входят в круг актуальных вопросов целого ряда научных направлений современности: когнитивной лингвистики, психолингвистики, культурологии и теории языка. Ассоциативные поля культурно-маркированной лексики – значимый материал для исследования этнической картины мира определенного этноса. Применение психолингвистического метода для исследования данного научного объекта определяет новизну работы. Цель – изучить, как культурный синкретизм современного национального праздника отражается на ментальной репрезентации культурно значимой информации. Представлены результаты исследования ассоциативных полей культурно-маркированных лексем *Чыл-Пажы* и *чалама* в языковом сознании шорцев – представителей малого коренного народа России, проживающих на юге Кемеровской области – Кузбасса, расположенной на юго-востоке Западной Сибири. Источниковая база исследования: 412 ассоциатов, полученных в ходе проведения цепочечного ассоциативного эксперимента на стимул *Чыл-Пажы*; 359 ассоциатов – на стимул *чалама*. В психолингвистическом эксперименте приняли участие 89 представителей шорского этноса в возрасте от 14 до 65 лет. Эксперимент был проведен 29 октября 2022 г. в пгт. Шерегеш во время районного фестиваля национальных культур «Наш дом – Россия», посвященного году культурного наследия народов России. Ассоциативный эксперимент показал, что в сознании представителей шорского этноса шорский Новый год *Чыл-Пажы* обнаруживает пересечения как с российским Новым годом, так и с традициями других коренных народов Западной Сибири. Этот процесс обнаруживает себя даже на уровне правописания: многие респонденты использовали хакасский или русифицированный вариант написания ассоциатов. Сегодня для респондентов, идентифицирующих себя как коренных шорцев, *Чыл-Пажы* – праздник, когда на березу привязываются цветные чалама, а черные сжигаются в костре-колодце. При этом как шорский Новый год *Чыл-Пажы* – календарный праздник света, связанный с весной, и остается прочно вписан в картину мира шорского народа. Чалама – цветные ленты, которые в качестве традиционного обряда привязывают на березу и на которых завязывают узлы с целью загадать желание. Стимул *чалама* практически не вызвал реакций, которые ассоциировались бы с российским Новым годом, кроме ритуала загадывания желания.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, языковое сознание, коренной малый народ, шорцы, *Чыл-Пажы*, чалама

Цитирование: Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавцева А. П., Чепсаракова Н. И. Ассоциативные поля культурно-маркированных лексем *Чыл-Пажы* и *чалама* в языковом сознании шорцев: психолингвистический эксперимент. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 536–547. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-536-547>

Поступила в редакцию 06.11.2023. Принята после рецензирования 09.01.2024. Принята в печать 15.01.2024.

full article

Associative Fields of Culturally Marked Lexemes *Chyl-Pazhy* and *Chalama* in the Language Consciousness of Shorians: A Psycholinguistic Experiment

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9659-7646

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Scopus Author ID: 57296227500

russia_science@mail.ru

Antonina P. Kartavtseva

Prokopyevsk Branch T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,

Russia, Prokopyevsk

eLibrary Author SPIN: 8946-2444

<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>

Scopus Author ID: 58516422600

Nadezda V. Rabkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5166-3567

<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Scopus Author ID: 57202906903

Natalia I. Chepsarakova

Center for Creative Development of Children and Youth,

Russia, Sheregesh

Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

eLibrary Author SPIN: 5373-1653

Abstract: Ethnically-specific concepts and bilingual consciousness are topical issues of cognitive linguistics, psycholinguistics, cultural studies, and language theory. Associative fields of culturally-marked vocabulary make it possible to study ethnic worldviews. The authors used the psycholinguistic method of associative experiment to study the associative fields of Shorian words *Chyl-Pazhi* (a New Year celebration) and *chalama* (a festive ribbon) in the language consciousness of the Shor people who live in the Kemerovo Region, Western Siberia. The survey yielded 412 associations to the stimulus *Chyl-Pazhi* and 359 associations to the stimulus *chalama*. The psycholinguistic experiment involved 89 members of the Shor ethnic group aged 14–65 y.o. and was conducted on October 29, 2022, in the settlement of Sheregesh during a local festival of national cultures. Shorian and Russian New Year traditions appeared to merge with those of other indigenous peoples of Western Siberia, which was obvious even at the level of spelling as many respondents used Khakas or Russified variants. *Chyl-Pazhy* was conceptualized as a holiday when multi-colored *chalama*-ribbons are tied to a birch tree while black ones are burned in a fire-well. As a New Year celebration, *Chyl-Pazhy* could be described as a seasonal holiday of sunlight and spring that remains integral to the contemporary Shorian worldview. *Chalama*-ribbons were associated with making wishes, and that was the only aspect that linked this stimulus with the Russian New Year.

Keywords: associative experiment, associative field, linguistic consciousness, indigenous small people, Shorians, Shor people, *Chyl-Pazhi*, *Chalama*

Citation: Kameneva V. A., Rabkina N. V., Kartavtseva A. P., Chepsarakova N. I. Associative Fields of Culturally-Marked Lexemes *Chyl-Pazhy* and *Chalama* in the Language Consciousness of Shorians: A Psycholinguistic Experiment. *SibScript*, 2024, 26(4): 536–547. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-536-547>

Received 6 Nov 2023. Accepted after peer review 9 Jan 2024. Accepted for publication 15 Jan 2024.

Введение

Шорцы – малочисленный коренной народ России [Борина 2007; Кимеев 2014]. Основная часть представителей данного этноса проживает в Западной Сибири на юге Кемеровской области – Кузбасса. Самое большое количество шорцев Кузбасса проживают в Таштагольском районе. Шорцы также входят

в состав населения таких городов Кемеровской области, как Междуреченск, Мыски и Новокузнецк. Разрозненные группы шорцев проживают в Алтайском крае, Республике Хакасия и Красноярском крае¹. В отличие от тех, кто живет и работает в больших промышленных городах, шорцы, проживающие в сельской местности,

¹ Шорцы в истории и современной жизни Хакасии: библиографический указатель, сост. С. В. Ходякова. Абакан: Б. и., 2022. С. 4.

пытаются сохранять традиционный уклад жизни. Однако можно с уверенностью утверждать, что и те, и другие достаточно быстро уступают давлению мажоритарного языка и культуры. В этом смысле участие в национальных празднованиях и фестивалях остается для современных шорцев самым распространенным способом поддержания своей этнической идентичности. Так, шорцы Хакасии, как указывает С. В. Ходякова, широко отмечают такие национальные праздники, как *Чыл пазы* – шорский Новый год, *Шор-Пайрам* – праздник, посвященный скотоводству и сельскому хозяйству, *Мылтык Пайрам* – праздник охотников, праздник в честь прародителя Ольгудека².

Хотя современная празднично-обрядовая культура, безусловно, тесно связана с сохранением верований древних шорцев [Гарелик 2017], современный статус национальных шорских праздников не однозначен. Как пишет О. А. Цуканова, с одной стороны, мы наблюдаем трансформации или исчезновение отдельных ритуалов; с другой – обрядовые действия продолжают быть актуальными, и это особенно важно, «так как в празднично-обрядовой культуре сохраняется то, что отвечает лучшим гуманистическим традициям и имеет значение для развития этноса» [Цуканова 2020: 923–924].

Сегодня празднично-обрядовая культура малых народов имеет огромное значение для развития этнического туризма [Vergun, Grishin 2020]. Данное туристическое направление имеет высокодуховную цель познания Другого [Chistyakova 2020] и при этом представляет собой эффективную возможность воздействовать на экономику региона [Соболенко 2020; Чибилёва, Филимонова 2020]. Этнический туризм, совмещенный, к примеру, с элементами гастрономического тура, может стать средством поддержания целостности этнокультурного пространства [Khetagurova, Kryukova 2021], как это уже происходит на территории Кемеровской области с телеутским праздником Пельменек [Каменева и др. 2023]. Стоит отметить, что для Кемеровской области этот вид туризма имеет особое значение как альтернатива устоявшемуся бренду Кузбасса как исключительно угледобывающего региона [Rabkina et al. 2020].

В какой-то мере развитие этнического туризма усиливает феномен, зафиксированный исследователями современной шорской культуры [Кимеев 2016;

2018; Кимеев, Копытов 2018], которые вынуждены констатировать, что праздничная культура утрачивает свой религиозный смысл, превращаясь в «торжество эмоциональных чувств, необходимых населению разных поколений для оздоровления своей однообразной и трудной жизни в современных условиях как в сельской местности, так и в городах юга Кузбасса» [Кимеев 2018: 208]. Этот процесс параллелен процессу редуцирования спектра социальных ролей шорского языка (миноритарного) в пользу русского: по данным сайта Правительства Кузбасса, только в четырех школах на территории Кемеровской области ведется факультатив по шорскому языку³.

Хотя активная борьба за сохранение шорского языка и культуры началась еще в начале 1990-х гг. [Зыкин 2018; Кошелева 2015], стремление возродить празднично-обрядовую культуру без детального исследования научных данных привело к появлению неточностей и изменений в современном отпращивании традиционных обрядов и празднований. Т. И. Кимеева, П. В. Абрамова и А. А. Насонов отмечают, что праздник Чыл-Пажы претерпел значительные изменения. Его вещественная составляющая трансформировалась в результате «неверной расшифровки кодов, заключенных в обрядовых действиях» [Кимеева и др. 2021: 373].

Изначально праздник Чыл-Пажы, возможно, восходящий к общетюрскому *наврузу*, предполагал проведение обряда *шачыг*. Еще В. В. Радлов возводил название *шачыг* к шорскому *шаш*, что означает *разбрасывать, кропить, брызгать, рассыпать, делать возлияние* [по: Дыренкова 2012: 55]. Сегодня же вместо обряда *шачыг*, предполагающего окропление священных мест молоком или слабоалкогольным напитком, Чыл-Пажы сопровождается обрядом очищения огнем, не зафиксированным в этнографических описаниях прошлого. В этой связи лента *чалама* из votивной жертвы духам места сделалась атрибутом очищения: черные ленты с узлами, символизирующими грехи, в наши дни бросают в костер в знак уничтожения греха.

Если у алтайцев священные ленточки *жалама* и по сей день в рамках бурханизма являются частью жертвенника духам природы [Данилин 1993: 159–160], как правило, хозяевам *аржан суу*, т. е. рек, озер, родников и т. д. [Екеева и др. 2020: 55], то у кузбасских шорцев «появление такого атрибута обряда, как костер, сместило семантику с почитания духов гор-рек на почитание

² Там же.

³ Коренное население. Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/indigenous-population.php> (дата обращения: 30.09.2023).

духа огня», в результате чего обряд окропления из него исчез [Кимеева и др. 2021: 373].

И если изначально Чыл-Пажы еще сохранял связь с духами воды в том смысле, что «был приурочен к окончанию ледохода, когда духи гор и рек пробуждаются после зимы», то в неотредационной трактовке он прочно закрепился за весенним равноденствием и «получил новую семантическую коннотацию – стал праздником рождения новых лучей солнца» [Там же].

В исполнении обряда *шачыг*, проведенного кузбасскими *неошаманами* в рамках празднования Чыл-Пажы в 2019 г., присутствует окропление и кормление как духов огня, так и воды [Арбачакова 2022].

Т. И. Кимеева, П. В. Абрамова и А. А. Насонов видят причину трансформации традиционного обрядового действия в поверхностной обработке информации, содержащейся в источниках [Кимеева и др. 2021: 373]. Между тем логично было бы предположить, что причина – не в неправильной трактовке этнографических источников, а в усилении инициативы и организационной роли местных властей в деле сохранения культурного наследия нетитульных этносов. Так, Т. С. Курьянова в исследовании, посвященном проблеме сохранения культурного наследия шорцев, телеутов, алтайцев, хакасов и тувинцев, пишет об этноконсолидирующей функции праздников: при активной поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Чыл-Пажы стал ежегодным событием, которое позволяет «народам Саяно-Алтая возрождать свои традиции и популяризировать традиционную культуру» [Курьянова 2015: 182–183].

Подобный формат проведения фольклорно-этнографического праздника (термин Т. С. Курьяновой) Чыл-Пажы привел к синкретизму празднично-обрядовой культуры малых народов Западной Сибири. Этот процесс существенно повлиял на то, как шорцы концептуализируют информацию о Чыл-Пажы в своем языковом сознании. В анкетах, собранных в рамках данного исследования, шорское слово *шарчын* (коновязь) было написано на хакасский манер как *сарчин*, а *шачыг* было русифицировано как *шачиг*, несмотря на то что все опрошенные идентифицировали себя как шорцы; различалось и написание самого праздника.

В аналитической части данной работы все реакции переданы в том виде, в котором они были зафиксированы в анкете. С нашей точки зрения, вышеупомянутые несоответствия не могут служить основанием для того, чтобы ставить под сомнение этническую самоидентификацию респондентов как шорцев. К примеру, если среди ассоциатов на стимул *Чыл-Пажы* возникает

реакция *шурпа*, ошибочно было бы на этом основании утверждать, что респондент – казах, а не шорец, в чьей культуре густой бульон с бараниной называется по-другому. В конечном итоге ассоциативный эксперимент предоставляет доступ к индивидуальным, личным ассоциациям группы людей, объединенных каким-либо признаком.

Таким образом, данное исследование касается *ассоциативных представлений и отношения современных шорцев к своей празднично-обрядовой культуре в ее современном виде* и ни в коей мере не пытается восстановить исторический облик этого праздника у шорцев или выявить его отличия от аналогичных праздников у других народов Сибири. Цель статьи – изучить, как культурный синкретизм современного национального праздника отражается на ментальной репрезентации культурно значимой информации.

Методы и материалы

Методика исследования: 1) проведение направленного ассоциативного эксперимента с лексемами *Чыл-Пажы* и *чалама* в качестве стимулов; 2) составление ассоциативных полей; 3) интерпретация полученных в ходе проведения ассоциативного эксперимента данных. Также привлекались методы ассоциативного эксперимента и семной интерпретации ассоциаций.

Источниковая база исследования составила 412 ассоциатов, полученных в ходе цепочечного ассоциативного эксперимента на стимул *Чыл-Пажы*, и 359 ассоциатов – на стимул *чалама*. В эксперименте приняли участие 89 представителей шорского этноса, идентифицировавших себя как таковых, в возрасте от 14 до 65 лет, жителей поселков и городов юга Кузбасса. Эксперимент был проведен 29 октября 2022 г. в пгт. Шерегеш во время районного фестиваля национальных культур «Наш дом – Россия», посвященного году культурного наследия народов России. Респондентам было предложено записать первые четыре ассоциации, которые придут на ум после прочтения слов *Чыл-Пажы* и *чалама*. Полученные ассоциаты позволили построить ассоциативные поля анализируемых культурно-маркированных лексем, использованных в виде стимулов. Практически все респонденты выполнили условия эксперимента, но несколько опрошенных дали по пять реакций на стимул. Отметим, что не было зафиксировано ни одного отказа, но было отмечено несколько семантически неадекватных реакций, т. е. таких, «квалификация отношения которых к стимулу невозможна на основе учета содержания данного слова-стимула» [Гольдин 2015: 218].

В качестве метода анализа использовался модифицированный метод семантического гештальта [Караулов 2000]. Все реакции были распределены по общим тематическим группам, отвечающим на вопросы *что, кто, какой, когда, где, с какой целью, как* для экспликации информации об объекте, субъекте, признаках, временной отнесенности, месте, целевой направленности и качестве, связанных в языковом сознании шорцев с ритуальным празднованием Чыл-Пажы.

Результаты

В каноническом описании обряда шачыг в этнографических материалах Н. П. Дыренковой от 1927 г., которые подробно цитируются в упоминавшейся ранее статье [Кимеева и др. 2021: 368–369], нет указаний на связь лент чалама с загадыванием желаний или на то, что черные ленты с завязанными на ними узлами-«грехами» сжигались в специальном костре-колодце [Дыренкова 2012]. Однако на празднике Чыл-Пажы в его современном виде аспекту очищения от грехов посредством сжигания черных чалама с последующим ритуалом запечатывания костра уделяется много внимания.

Сооружение и разжигание жертвенного костра *сан салыры* можно найти в новогоднем ритуале китайских и российских тувинцев [Юша 2017: 320]. У хакасов черный цвет – хроматическая характеристика Нижнего мира, поэтому черная ленточка вбирает в себя энергию порока, болезней, и вместе с ней в жертвенном новогоднем огне сгорают беды и грехи старого года [Анжиганова 2007: 74]. Аналогичным образом у шорцев черный цвет связан со злом [Уртегешев 2020].

Ассоциативное поле лексемы Чыл-Пажы

Ассоциаты всех тематических групп, полученные на стимул *Чыл-Пажы*, были распределены в порядке убывания. В каждой тематической группе были выделены подгруппы, позволяющие эксплицировать ядерную и периферийные зоны ассоциативного поля лексемы-стимула *Чыл-Пажы*.

Объект (что?): *праздник* (59), *веселье* (26), *обряд* (22), *Голова Года* (17), *радость* (14), *подарки* (13), *соревнование* (8), *еда* (7), *елка* (7), *танцы* (7), *фейерверки* (7), *береза* (6), *весенний праздник* (6), *традиции* (6), *игрушки* (5), *игры* (5), *концерт* (5), *снег* (5), *желание* (4), *солнце* (4), *шарики* (4), *конкурсы* (3), *костры* (3), *песни* (3), *Шорский праздник* (3), *белая береза* (2), *березка* (2), *встречи* (2), *ленточки* (2), *огонь* (2), *сладости* (2), *соревнование* (2), *угощение* (2), *чалама* (2), *шары* (2), *Шорский новый год* (2), *веревка*, *выступления*,

городской праздник, *доска*, *загадывание желаний*, *застолье*, *кормление духов*, *кормление огня*, *ленточка*, *линейка*, *мандарины*, *место*, *настроение*, *национальные игры*, *национальный праздник*, *начало нового*, *новогодние игрушки*, *обряд*, *обряд очищения*, *ожидания*, *очищение от всего злого*, *площадь*, *празднество*, *празднование*, *природа рождается*, *ритуальная Шачиг* (шачыг – обряд кропления), *рождение природы*, *салат*, *стихи*, *сцена*, *счастье*, *сюрприз*, *удача*, *украшение*, *хоровод*, *хорошее настроение*, *шатры*, *шурпа*, *яркие ленточки*.

Субъект (кто?): *шаман* (6), *народ* (4), *семья* (2), *большая семья*, *все вместе*, *гость*, *Путин*, *родственники*, *человек*, *шорцы*.

Признак (какой?): *цветные*.

Время (когда?): *Новый год* (35), *весна* (23), *весеннее равноденствие* (4), *день весеннего равноденствия* (3), *равноденствие* (2), *22 марта*, *весеннее солнцестояние*, *весенний день*, *День равноденствия*, *март*, *ночь равна дню*.

Место (где?): *сарчин* (3) (хакасский вариант шорского *шарчын*, букв. коновязь, культовое место, где проводятся обряды), *Шория*.

Цель (с какой целью?): *соревнование* (8), *соревнование* (2), *очищение от всего злого*, *празднование*, *участие в концерте*.

Качество (как?): *тепло* (4).

Таким образом, Чыл-Пажы – это Голова Года, веселый праздник шорского Нового года, который празднуется в день весеннего равноденствия и связан с многочисленными массовыми мероприятиями, такими как различные национальные обряды и традиции, выполняемые при участии шамана, например загадывание желаний посредством привязывания ленточки на березу, а также игры, соревнования, танцы, пиршество, обмен подарками.

Полученные реакции можно поделить на следующие тематические подгруппы:

Праздник:

Эмоции и внутренний мир: *веселье* (26), *радость* (14), *настроение*, *начало нового*, *ожидания*, *счастье*, *удача*, *хорошее настроение*.

Собственно событие: *праздник* (59), *Новый год* (35), *весенний праздник* (6), *Шорский праздник* (3), *Шорский новый год* (2), *городской праздник*, *национальный праздник*, *празднество*, *празднование*.

Место проведения: *сарчин* (3), *место*, *площадь*, *сцена*, *Шория*.

Виды деятельности – массовые развлечения: *танцы* (7), *фейерверки* (7), *концерт* (5), *встречи* (3), *песни* (3), *выступления*, *стихи*, *хоровод*.

Виды деятельности – массовые развлечения соревновательного характера: *соревнование* (8), *игры* (5), *конкурсы* (3), *состязание* (2), *национальные игры*.

Прием пищи: *еда* (7), *сладости* (2), *угощение* (2), *застолье*, *мандарины*, *салат*, *шурпа*.

Атрибутика: *подарки* (13), *елка* (7), *игрушки* (5), *шарики* (4), *костры* (3), *ленточки* (2), *чалама* (2), *шары* (2), *ленточка*, *новогодние игрушки*, *сюрприз*, *украшение*, *шатры*, *яркие ленточки*.

Ритуально-обрядовая сторона праздника: *обряд* (22), *традиции* (6), *желание* (4), *загадывание желаний*, *кормление духов*, *кормление огня*, *обряд*, *обряд очищения*, *очищение от всего злого*, *ритуальная Шачиг* (обряд кропления), *хоровод*.

Предметы: *доска*, *линейка*, *веревка* (эти предметы, вероятно, связаны с процедурой отрывания полос ткани для ритуальных ленточек или с национальными играми).

Участники: *шаман* (6), *народ* (4), *семья* (2), *большая семья*, *все вместе*, *гость*, *родственники*, *человек*, *шорцы*.

Прецедентные имена: *Путин*.

Хронотоп окружающего мира:

Годовой цикл: *весна* (23).

Мифология годового цикла: *Голова Года* (17), *Шорский новый год* (2), *природа рождается*, *рождение природы*.

Календарный аспект годового цикла: *(день)* (*весеннего*) *равноденствия* / *равноденствие* (10), *22 марта*, *весеннее солнцестояние*, *март*, *ночь равна дню*.

Погода и сезоны: *снег* (5), *тепло* (4).

Флора: *(белая) береза* / *березка* (10), *елка* (7).

Объекты космологии: *солнце* (4), *огонь* (2).

Четко прослеживается смешение, своеобразное наложение ассоциаций, связанных с общероссийским праздником Нового года, и тех, что связаны непосредственно с Чыл-Пажы как национальным праздником:

Ассоциации, связанные с российским Новым годом:

Собственно событие: *Новый год* (35).

Эмоции и внутренний мир: *начало нового*.

Прием пищи: *мандарины*.

Атрибутика: *елка* (7), *шарики* (4), *шары* (2), *новогодние игрушки*.

Ритуально-обрядовая сторона праздника: *(загадывание) желаний* / *желание* (5).

Прецедентные имена: *Путин*.

Флора: *елка* (7).

Погода и сезоны: *снег* (5).

Этноспецифические ассоциации, связанные с праздником Чыл-Пажы:

Эмоции и внутренний мир: *начало нового*.

Собственно событие: *весенний праздник* (6), *Шорский праздник* (3), *Шорский новый год* (2), *национальный праздник*.

Место проведения: *сарчин* (3), *Шория*.

Виды деятельности – массовые развлечения соревновательного характера: *национальные игры*.

Прием пищи: *шурпа*.

Атрибутика: *(яркие) ленты* / *ленточки* / *ленточка* / *чалама* (6), *костры* (3), *хоровод*, *шатры*.

Предметы: *веревка*, *доска*, *линейка*.

Ритуально-обрядовая сторона праздника: *(загадывание) желаний* / *желание* (5), *кормление духов* / *огня* (2), *обряд очищения (от всего злого)* (2), *ритуальная Шачиг*.

Участники: *шаман* (6), *шорцы*.

Флора: *(белая) береза* / *березка* (10).

Объекты космологии: *солнце* (4), *огонь* (2).

Годовой цикл: *весна* (23).

Мифология годового цикла: *Голова Года* (17), *Шорский новый год* (2), *природа рождается*, *рождение природы*.

Календарный аспект годового цикла: *(день)* (*весеннего*) *равноденствия* / *равноденствие* (10), *весенний праздник* (6), *22 марта*, *весеннее солнцестояние*, *март*, *ночь равна дню*.

Погода и сезоны: *тепло* (4).

Общие ассоциации, связанные с любым праздником в принципе:

Эмоции и внутренний мир: *веселье* (26), *радость* (14), *(хорошее) настроение* (2), *ожидания*, *счастье*, *удача*.

Собственно событие: *праздник* (59), *городской праздник*, *празднество*, *празднование*.

Место проведения: *место*, *площадь*, *сцена*.

Виды деятельности – массовые развлечения: *танцы* (7), *фейерверки* (7), *концерт* (5), *встречи* (3), *песни* (3), *выступления*, *стихи*, *хоровод*.

Виды деятельности – массовые развлечения соревновательного характера: *соревнование* (8), *игры* (5), *конкурсы* (3), *состязание* (2).

Прием пищи: *еда* (7), *сладости* (2), *угощение* (2), *застолье*, *салат*.

Атрибутика: *подарки* (13), *игрушки* (5), *костры* (3), *сюрприз*, *украшение*.

Ритуально-обрядовая сторона праздника: *обряд* (22), *традиции* (6), *хоровод*.

Участники: *народ* (4), *семья* (2), *большая семья*, *все вместе*, *гость*, *родственники*, *человек*.

В количественном отношении ассоциативное ядро представлено реакциями, которые могли бы появиться в материалах опроса, где в виде стимула было бы предложено наименование любого другого, государственного или религиозного, праздника. Положительные эмоции, массовые развлечения, вкусная еда, обряды и традиции, различная праздничная атрибутика – все это в той или иной степени компоненты сценария концепта *праздник* в принципе.

Ассоциаты этноспецифического характера в случае стимула *Чыл-Пажы* маркированы определением *шорский* (шорский Новый год) или являются этнокультурными реалиями (*шачиг, чалама, сарчин, шурпа*). Кроме того, этноспецифическим компонентом обладают наименования обрядов (*кормление духов*), атрибутика (*ленты, береза*), некоторые участники (*шаман*) и т. д.

Однако основная группа ассоциатов, относящихся к этноспецифической составляющей ассоциативного поля *Чыл-Пажы*, оказалась связана с его ролью в годовом цикле шорской национальной картины мира.

Современная народная этимология интерпретирует название праздника Чыл-Пажы как *голова года*, хотя правильнее было бы перевести его просто как *года начало*. В основе этой этимологии – не метафора-персонификация, а анималистическая метафора: линия времени сравнивается в народном сознании с длинным и непрерывным телом змеи, и Чыл-Пажы – единство времени и места, когда мифологическая змея поднимает голову. Аналогичные представления о годовом времени имеются у китайских и российских тувинцев, алтайцев и хакасов [Юша 2017: 313]. Эта ассоциация настолько прочно укоренена в лингвокультуре коренных народов Западной Сибири, что, например, в хакасском языке термины *год (чыл)* и *змея (чылан)* воспринимаются как однокоренные, хотя по факту такими не являются. Эта народная этимология отражает роль Чыл-Пажы как отправной точки традиционного календаря [Бурнакова 2019]. Шорский Чыл-Пажы, вероятнее всего, связан с персидским Наврузом, который также отмечают в день весеннего равноденствия: через Шорию в районе современного п. Усть-Кобырза Таштагольского района проходили торговые пути [Кимеев, Копытов 2018].

Интересно, что в представлении респондентов весенний праздник Чыл-Пажы слился с общероссийским Новым годом, хотя с точки зрения традиционного календаря в Чыл-Пажы больше от Масленицы, в которой сильны отголоски язычества. Некоторые авторы усматривают в этих двух праздниках сходство:

оба знаменуют конец зимы, оба связаны с разжиганием костра, выпечкой круглой формы, символизирующей солнце и т. д. [Чистанова 2015]. Однако популяризованная СМИ интерпретация Чыл-Пажы как шорского Нового года привела к формированию стойких ассоциаций с общероссийским Новым годом с его елкой, мандаринами, речью президента и т. д.

Проведенный нами сравнительный анализ ассоциатов показывает, что в современном сознании представителей шорского этноса все же существует существенное различие между официальным и традиционным шорским Новым годом: временная привязка государственного Нового года как начала календарного цикла к 1 января – результат неких искусственных преобразований, а шорский Новый год Чыл-Пажы сохранил связь смысла обновления с началом нового жизненного цикла в природе.

Два явных совпадения – *загадывание желаний* на уровне ритуально-обрядовой стороны праздника и *начало нового* в подгруппе *эмоции и внутренний мир* – также связаны с сезонным характером обоих праздников, однако на более глубинном уровне. Периодичность событий лежит в основе природы в целом, и в этом смысле можно утверждать, что в основе всех сезонных ритуалов наблюдается в буквальном смысле слова математический характер природных циклов. Еще Джейн Харрисон в своей книге «Древнее искусство и обряды» 1913 г. обращала внимание на то, что влияние периодичности на смысл ритуала в праздниках, знаменующих наступление нового времени года, гораздо глубже их связи с природным циклом: оно связано с отложенной реакцией, пространством между импульсом и реакцией, которая возникает, когда интенсивное желание еще не удовлетворено и овеществляется в виде образа, идеи. Все ритуалы наступления весны в этом смысле представляют собой отложенное действие, а ценность того, чего с нетерпением ждут, неизбежно увеличивается по мере ожидания и превращается в идею: она уже существует в реальности, но представляет собой как бы проекцию тени еще неосуществленного действия [Harrison 1913]. Таким образом, загадывание желания на праздник Нового года связано с этой присущей сезонным праздникам проекцией будущего в народном сознании. Любопытно и некоторое наложение в плане ритуала загадывания желаний, связанное с огнем. На праздник начала года у хакасов, например, принято сжигать черную ленту, объективирующую все плохое, а яркие ленты, символизирующие добрые пожелания, привязывают

на березу [Казачинова, Татарова 1997]. На традиционный же Новый год в последнее время получил распространение обычай писать свое желание на бумажке и сжигать его под бой курантов.

Как календарный праздник весны Чыл-Пажы прочно вписан в космологию картины мира: это праздник света нового года, который российские тувинцы, например, встречают с первыми лучами солнца, а тувинцы Китая – только после того, как солнце полностью осветит землю [Юша 2017: 320]. Тусклый свет – характеристика Нижнего мира: обитателей срединного мира, в котором смешались все свойства двух крайних – Верхнего и Нижнего – миров, хакасы называют «солнечными» [Анжиганова 2007: 74].

Ассоциативное поле лексемы *чалама*

На уровне обрядовой атрибутики самыми яркими ассоциатами на стимул *Чыл-Пажы* остаются ленточки *чалама*. В связи с этим лексема *чалама* стала словом-стимулом для второго ассоциативного опроса.

У некоторых коренных народов Сибири цветные *чалама* повязывали на священном дереве – березе – с мыслями о благополучном будущем. Священные деревья могли находиться на перекрестках дорог, и тогда на них привязывали ленточки с просьбой доброго пути. Этим и объясняется зафиксированный ассоциат *дорога*. Иными словами, ассоциат *дорога* может быть связан с обычаем сакрализации деревьев, находящихся на перекрестке дорог, когда подвязывание ленточки овеществляло просьбу о даровании доброго пути. Однако исследователи отмечают, что в новогодних заклинаниях китайских тувинцев мотив дороги связан с пожеланием удачи подрастающему поколению и идет в связке с пожеланием долголетия старикам [Юша 2017: 323].

У алтайцев, как уже было отмечено, цветные ленты связаны с почитанием духов природы, и довольно часто эти духи – хозяйева рек, озер и целебных источников [Екеева и др. 2020]. На уровне семантики с большой натяжкой можно провести некую связь между обрядами окропления жидкостью (*шачыг*) и подвязывания священных лент в местах поклонения *аржан суу*.

Семантика ленточек сложна, а связанные с их изготовлением обряды крайне детализированы и не универсальны для разных коренных народов Сибири. Более того, отличия можно наблюдать не только в зависимости от этноса, но и от конкретного рода. У каждого рода была своя родовая береза, у шорцев она называлась *пай казын*, у алтайцев – *бай-кайын* [Екеева 2018]. У тувинцев ленточки на новый год

повязывали в сакральных местах хронотопа человеческого обитания, например, на двери и пороге дома, что должно было олицетворять его обитателям удачу на будущий год. Кроме того, их привязывали на скотном дворе – как в постройках, так и на самих животных, проявляя тем самым заботу о приумножении скота [Юша 2017: 319].

Ассоциаты всех тематических групп, полученные на стимул *чалама*, были также распределены в порядке убывания. В каждой тематической группе были выделены подгруппы, позволяющие эксплицировать ядерную и периферийные зоны ассоциативного поля лексемы-стимула *чалама*.

Объект (что?): береза (41), желание (26), лента (25), обряд (22), ленты (14), ленточка (13), праздник (13), пожелания (10), повязывание (9), цвета (9), благопожелание (7), березка (6), загадывание желаний (6), цвет (6), веревка (5), ленточки (5), вера (4), природа (4), традиция (4), доска (3), змея (3), красота (3), лето (3), линейка (3), традиции (3), украшение (3), Чыл-Пажы (2), четыре цвета (2), бантик (2), весна (2), дорога (2), костер (2), костры (2), лес (2), много лент (2), надежда (2), надежды (2), обычай (2), синяя (2), солнце (2), тесьма (2), ткани (2), узел (2), узелки (2), ленты (2), черный колодец (2), ягода (2), белая береза, ветки, дерево, длина, добро, жизнь, завязывание, загадывание, исполнение, клещ, лента трех цветов, ленточки цветные, ленты разные, любовь, много лент на березе, небо, нитки, обрядовая лента, обряды, обычаи, огонь, ожидания, очищение, повязывание лент на березу, поклонение, привязывание, радуга, разноцветные ленты, свет, священная береза, ткань, тройной узел, удача, чистота, шерсть, ширина, шкуры, шорская лента, шорские ленты, яркие цвета.

Субъект (кто?): шорцы (3), духи, народ, старики, шаман.

Признак (какой?): узкая (3), широкая (3), длинная (2), белая (2), зеленая (2), цветные (2), короткая, маленькая, тройной.

Место (где?): музей (2), сарчин.

Цель (с какой целью?): обвязывают веточки, загадывать желание.

Тематически все вышеприведенные реакции можно разделить на следующие подгруппы:

Праздник:

Собственно событие: праздник (13), Чыл-Пажы (2).

Ритуально-обрядовая сторона праздника: обряд / обряды (23), традиция / традиции (7), обычай / обычаи (3), поклонение; (загадывание / загадывать) желание (34),

пожелания (10), благопожелание (7), исполнение, ожидания; повязывание (лент на березу) (10), привязывание, завязывание; костры / костер (4), черный колодец (2), очищение.

Место: музей (2), сарчин.

Участники: шорцы (3), духи, народ, старики, шаман.

Атрибутика: (цветная / разная / много / шорская / обрядовая / разноцветные) лента / ленты / ленточка / ленточки (трех цветов / на березе) (69), (тройной) узел / узелки (5), узкая (3), украшение (3), широкая (3), бантик (2), длинная (2), тесьма (2), длина, короткая, маленькая, ширина.

Цвета: (яркие / четыре) цвета (18), белая (2) зеленая (2), синяя (2).

Предмет: веревка (5), линейка (3), доска (3), ткани (2), нитки, ткань, шерсть, шкуры.

Внутренний мир: надежда / надежды (4), вера (4), любовь.

Аксиологические аспекты бытия: красота (3), удача, чистота, жизнь, добро.

Хронотоп окружающего мира:

Мир природы: природа (4).

Годовой цикл: лето (3), весна (2).

Флора: (белая / священная) березка / береза (49), ветки / веточки (2), лес (2), ягода (2), дерево.

Фауна: змея (3), клещ.

Объекты космологии: дорога (2), солнце (2), небо, огонь, радуга, свет.

Таким образом, чалама – это цветные ленты, которые в качестве традиционного обряда привязывают на березу и на которых завязывают узлы с целью загадать желание.

Стимул чалама практически не вызывает реакций, которые ассоциировались бы с российским Новым годом, кроме ритуала загадывания желания, хотя, например, в каноническом описании Н. П. Дыренковой нет указания на связь ритуала украшения березы лентой и загадывания желаний [Дыренкова 2012]: это именно жертвенные ленточки. Очевидно, что в своей современной реинкарнации Чыл-Пажы вместил в себя традиции и ритуалы других народов Западной Сибири и других праздников.

Заключение

Быт современных шорцев неизбежно подвергается воздействию мажоритарного языка и культуры. Старания властей сделать празднование Чыл-Пажы частью событийного туризма привел к межкультурной консолидации обрядовых элементов. Ассоциативный эксперимент показал, что в сознании представителей

шорского этноса шорский Новый год Чыл-Пажы обнаруживает пересечения как с российским Новым годом, так и с традициями других коренных народов Западной Сибири. Этот процесс обнаруживает себя даже на уровне правописания: многие респонденты использовали хакасский или русифицированный вариант написания слов. Несмотря на то что традиционный обряд *шачыг* не предполагал загадывания желаний и очищения от грехов путем сжигания ленточек, эксперимент показал наличие у современных шорцев соответствующих ассоциаций, что демонстрирует трансформацию содержания и формы данного праздника в сознании некоторых представителей шорского народа. Из традиционного шорского праздника с только ему свойственными особенностями современный Чыл-Пажы превратился в некий «зонтиковый» фестиваль традиций коренных народов Западной Сибири, объединенных с атмосферой российского Нового года и славянской Масленицы. Сегодня даже для респондентов, идентифицирующих себя как коренных шорцев, Чыл-Пажы – праздник, когда на березу привязываются цветные чалама, а черные сжигаются в костре-колодце. При этом как шорский Новый год Чыл-Пажы – календарный праздник света, связанный с весной, и остается прочно вписан в картину мира шорского народа. Полученные при помощи ассоциативного эксперимента выводы могут представлять и чисто практический интерес с точки зрения организации народных праздников и развития этнического туризма – не только на муниципальном или областном уровне, но и на межрегиональном, формируя и укрепляя межэтнические отношения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. А. Каменева – формулирование общих целей и задач исследования, обзор и описание теоретического материала, анализ и изложение полученных данных. Н. В. Рабкина – подбор методологии исследования, анализ и изложение полученных теоретических данных. А. П. Картавецва – корректировка теоретического обзора научных работ, валидация полученных практических данных. Н. И. Чепсаракова –

сбор данных и проведение предварительного анализа материала, анализ и изложение полученных данных. **Contribution:** V. A. Kameneva developed the research objectives, reviewed scientific literature, described the theoretical foundations of the research, and analyzed

the experimental data. N. V. Rabkina selected the research methodology, as well as analyzed and described the data. A. P. Kartavtseva edited the review and validated the experimental data. N. I. Chepsarakova collected the data and provided a preliminary analysis of the material.

Литература / References

- Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 146 с. [Anzhiganova L. V. *The evolution of the Khakas worldview*. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2007, 146. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mrfrpw>
- Арбачакова Л. Н. Современные (нео) шаманы Горной Шории. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2022. № 4. С. 103–110. [Arbachakova L. N. SModern (neo-)shamans of mountain Shoriia. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, 2022, (4): 103–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-103-110>
- Борина Л. С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ. *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 304. С. 94–97. [Borina L. S. Ethnonym 'the shor': About constructing of ethnic borders. *Tomsk State University Journal*, 2007, (304): 94–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jguapk>
- Бурнакова А. В. Чыл пазы – традиционный праздник хакасов. *Этнография: 57-й Междунар. науч. студенч. конф.* (Новосибирск, 14–19 апреля 2019 г.) Новосибирск: НГУ, 2019. С. 76–77. [Burnakova A. V. Chyl Pazhy as a traditional holiday of the Khakas. *Ethnography: Proc. Intern. Sci. Student Conf.*, Novosibirsk, 14–19 Apr 2019. Novosibirsk: NSU, 2019, 76–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/czrhpv>
- Гарелик П. Д. Подходы к актуализации родовых культов шорцев в средовых музеях. *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2017. № 3. С. 245–247. [Garelik P. D. Approaches to the actualization of tribal cults of the Shors in the environmental museums. *Uchenye zapiski (Altaiskaia gosudarstvennaia akademiia kultury i iskusstv)*, 2017, (3): 245–247. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/upvpzs>
- Гольдин В. Е. Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 24. С. 218–225. [Goldin V. E. Semantically inadequate associative reactions and nucleus of linguistic consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (24): 218–225. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/txixgz>
- Данилин А. Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 208 с. [Danilin A. G. *Burkhanism: History of national liberation movement in Gorny Altai*. Gorno-Altai: Ak Chechek, 1993, 208. (In Russ.)]
- Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб.: Наука, 2012. 408 с. [Dyrenkova N. P. *The Turks of Sayan-Altai: Articles and ethnographic materials*. St. Petersburg: Nauka, 2012, 408. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcoliz>
- Екеева Э. В. Ритуальная атрибутика в культе природы алтайцев. In: Екеева Э. В., Белекова Э. А. *Культовая атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев*. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 4–60. [Ekeeva E. V. Ritual paraphernalia in the cult of nature of the Altaians. In: Ekeeva E. V., Belekova E. A. *Cult paraphernalia in the traditional worldview of the Altaians*. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2018, 4–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijlolo>
- Екеева Э. В., Муйтуева И. Н., Ойношев В. П. Символика и обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2020. 272 с. [Ekeeva E. V., Muytueva I. N., Oinoshev V. P. *Symbolism and ritual in the traditional culture of the Altaians*. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2020, 272. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tmcdiu>
- Зыкин А. В. Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке. *Человек. Культура. Образование*. 2018. № 4. С. 74–89. [Zykin A. V. The development of Shors culture and ethnic identity in the 20th century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2018, (4): 74–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vuvyee>
- Казачинова Г. Г., Татарова В. К. «Чыл Пазы. Голова года». Творческая реконструкция, дизайн праздника и научно-экспериментальные модели сценариев. Абакан: Роса, 1997. 52 с. [Kazachinova G. G., Tatarova, V. K. *Chyl Pazuy*:

- Head of the Year. Artistic reconstruction, holiday design, and scientific and experimental models of scenarios.* Abakan: Rosa, 1997, 52. (In Russ.)
- Каменева В. А., Рябова М. Ю., Рабкина Н. В., Григорьева Н. В., Картавцева М. П. Праздник Пельменек в преломлении языкового сознания телеутов детского и подросткового возраста. *Политическая лингвистика*. 2023. № 4. С. 133–141. [Kameneva V. A., Ryabova M. Yu., Rabkina N. V., Grigoreva N. V., Kartavtseva A. P. The Pelmenek holiday in the linguistic consciousness of Teleut children and teenagers. *Political Linguistics*, 2023, (4): 133–141. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rkdwqe>
- Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. *Языковое сознание и образ мира*, отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 2000. С. 191–206. [Karaulov Yu. N. Indicators of the national mentality in the associative-verbal network. *Linguistic consciousness and the world image*, ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IL RAS, 2000, 191–206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sijqlh>
- Кимеев В. М. Проблема этногенеза шорцев. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-3. С. 56–66. [Kimeev V. M. Problem of Shors' ethnogenesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 56–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcewwz>
- Кимеев В. М. Религиозный синкретизм или мифотворчество в мировоззрении современных коренных народов Кузбасса? *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*: II Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 12–13 мая 2016 г.) Барнаул: АГИК, 2016. Ч. 1. С. 25–27. [Kimeev V. M. Religious syncretism or mythmaking in the modern worldview of indigenous peoples of Kuzbass? *Culture in the Eurasian space: Traditions and innovations*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 12–13 May 2016. Barnaul: ASIC, 2016, pt. 1, 25–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxsfpv>
- Кимеев В. М. Формирование обрядности шорцев под влиянием соседних народов – хакасов, алтайцев, русских сибиряков: ретроспектива и современность. *Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура*: Всерос. науч.-практ. конф. (Горно-Алтайск, 15–18 мая 2018 г.) Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 207–212. [Kimeev V. M. The formation of the rites of the Shorski peoples influenced by neighboring peoples – Khakassian, Altaians, Russians Sibiryakov: Retrospective and modernity. *Altaian and Western Siberia in the 19th – early 20th centuries: Population, economy, and culture*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Gorno-Altai, 15–18 May 2018. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2018, 207–212. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/phrndt>
- Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с. [Kimeev V. M., Kopytov A. I. *Mountain Shoria. Historical and ethnographic essays*. Kemerovo: Primula, 2018, 600. (In Russ.)]
- Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А. Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг). *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 361–377. [Kimeeva T. I., Abramova P. V., Nasonov A. A. Interpretation and reconstruction of traditional rituals on the semiotic approach (Shor rite 'shachig'). *Nauchnyi Dialog*, 2021, (6): 361–377. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-361-377>
- Кошелева Е. Ю. «Этнический ренессанс» конца XX в.: шорский опыт этнического возрождения. *Молодой ученый*. 2015. № 9. С. 930–934. [Kosheleva E. Yu. The ethnic renaissance of the late 20th century: The Shor experience of ethnic revival. *Molodoi uchenyi*, 2015, (9): 930–934. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/trndyd>
- Курьянова Т. С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири. Томск: ТГУ, 2015. 256 с. [Kuryanova T. S. *Actualization of the cultural heritage of indigenous peoples in the museums of South Siberia*. Tomsk: TSU, 2015, 256. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/myneej>
- Соболенко В. Е. Этнотуризм в России: современное состояние и ориентиры развития. *Актуальные исследования*. 2020. № 24. С. 66–70. [Sobolenko V. E. Ethnic tourism in Russia: History of development and modern significance. *Current research*, 2020, (24): 66–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dzwata>
- Уртегешев Н. С. Шорский национальный костюм, орнамент. Абакан: Новосибирский региональный Общественный Фонд сохранения культуры хакасов «Ал Хоорай». 2020. 68 с. [Urtegeshev N. S. *Shor national costume and ornament*. Abakan: Al Khoorai Novosibirsk Regional Public Foundation for Preservation of Khakas Culture, 2020, 68. (In Russ.)]

- Цуканова О. А. Культурно-историческая динамика шорских традиционных верований и культов. *Миссия конфессий*. 2020. Т. 9. № 8. С. 919–924. [Tsukanova O. A. Cultural and historical dynamics of Shor traditional beliefs and cults. *Mission confessions*, 2020, 9(8): 919–924. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fpdgzn>
- Чибилёва В. П., Филимонова И. Ю. Этнический туризм как фактор устойчивого развития территорий: культурно-познавательный аспект. *Этническая культура*. 2020. № 1. С. 26–29. [Chibilyova V. P., Filimonova I. Yu. Ethnic tourism as a factor of sustainable development of Russian regions: Cultural and educational aspect. *Etnicheskaya kultura*, 2020, (1): 26–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-75012>
- Чистанова О. М. Хакасские и славянские праздники как элементы годовичного цикла жизнедеятельности. *Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. (Кызыл, 26–30 июня 2015 г.)* Кызыл: ТувГУ, 2015. С. 22–23. [Chistanova O. M. Khakas and Slavic holidays as elements of the annual cycle of life. *Relevant issues of ethno-ecological and ethno-cultural studies of the Sayan-Altai peoples: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf. of young scientists, graduate students and students, Kyzyl, 26–30 Jun 2015*. Kyzyl: TuvSU, 2015, 22–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/whzoav>
- Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2017. 434 с. [Yusha Zh. M. *Folklore and ritual of the Tuvans of China in the early 21st century: Structure, semantics, and pragmatics*. Dr. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2017, 434. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mlvtfx>
- Chistyakova O. V. Ethnic tourism as knowing other. *RUDN Journal of Philosophy*, 2020, 24(4): 720–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-4-720-729>
- Harrison J. E. *Ancient art and ritual*. L.: Williams and Norgate; NY: Henry Holt, 1913, 256.
- Khetagurova V. Sh., Kryukova E. M. Complex development of ethno-gastronomic tourism in Russia as a factor of preserving ethnic identity. *Service and Tourism: Current Challenges*, 2021, 15(4): 50–61. <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-4-50-61>
- Rabkina N., Pavlova O., Valko O. Prospects for industrial and post-industrial tourism in Kuzbass Coal Mining Cluster. *E3S Web of Conferences: 5th Intern. Innovative Mining Symposium, IIMS 2020, Kemerovo, 19–21 Oct 2020*. Kemerovo, 2020. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017404018>
- Vergun T., Grishin D. Impact of ethnic tourism on inter-ethnic relations. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 2020, (1): 17–23. <https://www.elibrary.ru/wmdtie>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cnzgau>

Искусственный интеллект и живопись в лингвопрагматическом аспекте: возможности и вызовы

Куракина Наталья Александровна

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Россия, Калининград

eLibrary Author SPIN: 3645-2975

<https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>

NaPetrusevich1@kantiana.ru

Филиппова Дарья Сергеевна

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Россия, Калининград

Аннотация: Современные лингвистические исследования специфики искусствоведческого дискурса актуальны в контексте стремительно развивающегося искусственного интеллекта. Цель – изучить воздействие искусствоведческого дискурса на зрителей и правильность интерпретации произведений с применением автоматизированных систем генерации изображений по текстовым запросам. Новизна исследования заключается в использовании автоматизированных систем генерации изображений по текстовым запросам для анализа искусствоведческого дискурса, что открывает новые возможности для исследования и понимания искусства. В работе поддерживается идея о том, что интерпретационный характер и дуалистическая природа являются основными характеристиками данного вида дискурса. В качестве материала исследования использовался каталог выставки «Небесная пустошь» художницы Анны Андржиевской (рассмотрены произведения «ФВ» и «Заря»). Для анализа были применены нейронные сети «Шедеврум» и Bing Image Creator. Выявлено, что использование экспрессивной лексики в искусствоведческом описании способствует передаче атмосферы и задумок художницы А. Андржиевской. Однако употребление комплексных метафорических образов из-за сложности препятствует пониманию произведения, создает барьер в восприятии содержания. Эпитет, сравнение или гипербола, более понятные и доступные, будут более эффективны для взаимодействия с аудиторией, помогут упростить восприятие произведения и способствовать более ясной передаче задумок и идей художника. Это позволит уменьшить риск непонимания нейросетью содержания и улучшить восприятие произведения как с точки зрения его художественной ценности, так и с точки зрения коммуникативной эффективности. Результаты исследования могут служить основой для выявления ключевых аспектов, которые искусствоведы должны учитывать при вербализации произведений искусства. Практическая значимость исследования проявляется в возможности составления рекомендаций по написанию искусствоведческих описаний и, кроме того, в возможности улучшения качества и точности генерируемых изображений: полученные результаты могут быть использованы при обучении нейросетей распознавать экспрессивную лексику и стилистические приемы на лингвопрагматическом (дискурсивном) уровне.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, искусствоведческое описание, искусственный интеллект, нейронные сети, генерация изображений, стилистические приемы, лингвопрагматический аспект

Цитирование: Куракина Н. А., Филиппова Д. С. Искусственный интеллект и живопись в лингвопрагматическом аспекте: возможности и вызовы. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 548–556. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-548-556>

Поступила в редакцию 11.01.2024. Принята после рецензирования 20.05.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Artificial Intelligence and Art: Opportunities and Challenges

Natalia A. Kurakina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

eLibrary Author SPIN: 3645-2975

<https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>

NaPetrusevich1@kantiana.ru

Daria S. Filippova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Abstract: Linguistic studies of art discourse are gaining more and more relevance in the context of rapidly developing artificial intelligence. This research featured the impact of art discourse on the audience and their interpretation of images generated by AI image generators based on text queries. AI image generators open up new opportunities for research and understanding of art and art discourse, which is interpretive and dualistic in nature. Anna Andrzhievskaya's *FV* and *Dawn* from the catalogue of *Heavenly Wasteland* exhibition were tested using Shedevrum and Bing Image Creator. Expressive vocabulary helped to convey the original atmosphere and ideas. However, complex metaphorical images proved to be a barrier for correct interpretation. Epithets, similes, and hyperboles provided a clearer representation of the artist's ideas, thus reducing the risk of misinterpreting by the neural networks. These devices improved the perception of artistic value and communication between the artist and her audience. The results can help art historians in verbalizing works of art, i.e., as a writing guide for art descriptions. In addition, they may improve the quality and accuracy of AI-generated images, i.e., in training neural networks to recognize expressive vocabulary and stylistic devices at the level of linguistic pragmatics.

Keywords: art discourse, art description, artificial intelligence, neural networks, image generation, stylistic devices, linguistic pragmatics

Citation: Kurakina N. A., Filippova D. S. Artificial Intelligence and Art: Opportunities and Challenges. *SibScript*, 2024, 26(4): 548–556. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-548-556>

Received 11 Jan 2024. Accepted after peer review 20 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Искусствоведческий дискурс становится предметом все большего внимания исследователей, в том числе в контексте стремительно развивающегося искусственного интеллекта и в аспекте лингвистических исследований [Анисимова 2014; Валуйцева, Плехова 2013; Горбачева 2018; Ерохина 2017; Жаркова 2011; Иванова, Ахиджакова 2021; Милетова 2013; 2019; Морковкин и др. 2021; Олянич 2015; Петренко, Петренко 2023; Постнова 2015; Фадеева 2015]. Пандемия COVID-19 и связанный с ней период изоляции оказали существенное воздействие на взаимодействие общества с искусством [Ушакова, Быкова 2022; Habelsberger, Bhansing 2021]. Множество людей, осмысляя происходящее в мире, обратились к искусству в поисках утешения и вдохновения. Результатом этого стало появление новых форм доступа к искусству, таких как виртуальные выставки и дистанционные музейные коллекции, которые расширили возможности для взаимодействия с художественными произведениями в условиях карантина [Amorim, Teixeira 2021]. Возникновение новых способов самовыражения, различных направлений

и тенденций не только традиционного, но и цифрового творчества расширило возможности для выражения чувств и эмоций, вызванных пандемией COVID-19.

В этом контексте искусствовед играет важную роль: он «является неким проводником невербального дискурса в вербальное пространство» [Хасанова и др. 2014: 399], помогая установить диалог между художником и зрителем, раскрыть смысл и ценность произведений искусства. В искусствоведческом дискурсе исследователю приходится не просто описывать, анализировать и пересказывать сюжеты произведений искусства, но и передавать основные концепции, которые существовали на момент создания этих работ. Важно отметить, при этом воссоздается «не реальная действительность, а представления о ней» [Миньяр-Белоручева 2017: 17]. Каждый субъект воспринимает и интерпретирует невербальные эстетические сообщения с учетом своего собственного опыта, культурных и социальных особенностей, что приводит к разнообразию вербальных интерпретаций одного и того же произведения искусства [Елина 2002; 2018].

Следует учесть, что искусствовед в своих текстах не только вербализует визуальные произведения, но и подкрепляет слова иллюстративным материалом. Поликодовая природа искусствоведческого дискурса обуславливается необходимостью сохранения единства вербального и изобразительного рядов. В данном дискурсивном пространстве вербальные тексты без иллюстративного материала лишаются некоторой части своего интерпретативного потенциала [Миньяр-Белоручева 2017: 17].

Адресант в лице критика / зрителя / художника отправляет декодированную информацию адресату, при этом вербально воздействуя на его эмоциональное состояние. Искусствоведческий дискурс «содержит большое количество лексики, призванной реализовать эмотивную функцию, что проявляется с помощью лексем, которые называют эмоции, описывают эмоции и эмоциональные состояния, а также опирается на употребление экспрессивной лексики» [Оломская, Бажан 2022: 354]. Помимо эмоционально окрашенной лексики, в искусствоведческом дискурсе присутствуют термины, искусствоведческие понятия, профессионализмы и специализированные заимствования [Бельмесова 2016: 65–66].

Таким образом, вербализация произведения искусства имеет субъективный характер и зависит от внешних факторов, таких как индивидуальный опыт и существующая парадигма. Искусствовед использует языковые средства, чтобы вовлечь реципиента в диалог с произведением и вызвать эмоциональное воздействие. При этом в искусствоведческих текстах часто используется иллюстративный материал, который подкрепляет вербальные высказывания и сохраняет единство вербально-визуального ряда.

Для успешной коммуникации между художниками и зрителями автору искусствоведческого описания важно учитывать описанные выше особенности данного вида дискурса. Для подтверждения важности этих рекомендаций можно обратиться к использованию автоматизированных систем генерации изображений по текстовым запросам. Такой метод позволит оценить эффективность применяемых искусствоведом подходов и способность искусствоведческих текстов оказывать нужное эмоциональное воздействие на зрителей и позволит выявить соответствие искусствоведческих описаний их визуальному содержанию.

Цель нашего исследования – изучить воздействие искусствоведческого дискурса на зрителей и правильность интерпретации произведений с применением

автоматизированных систем генерации изображений по текстовым запросам. Задачи: произвести лингвостилистический анализ искусствоведческих описаний, выполненных искусствоведами, для последующей работы с автоматизированными системами; протестировать автоматизированные системы генерации изображений для визуализации произведений искусства на основе предоставленных искусствоведческих описаний; выполнить сравнительный анализ полученных изображений с их описаниями для определения степени соответствия замыслу автора; произвести оценку потенциала и ограничений автоматизированных систем в контексте анализа прагматики искусствоведческого дискурса.

Методы и материалы

Нейросеть для генерации изображений – это тип искусственной нейронной сети, которая способна создавать новые изображения, основываясь на обучающем наборе данных [Самарина, Бояринов 2023: 168]. По ключевым словам подобные нейронные сети могут генерировать изображения различных видов, включая картинки, фотографии, текстуры и другие графические изображения. Они воспроизводят структуру и функционирование нейронов мозга для выполнения задач, которые требуют таких интеллектуальных способностей, как распознавание образов, классификация данных, анализ текстов и голосовых сообщений, прогнозирование и генерация результатов [Зеленова, Манаева 2023: 476]. В данном исследовании эти особенности применяются с целью моделирования визуализации искусствоведческих описаний, чтобы рассмотреть, как зритель мог бы представить эти описания.

Важно отметить, что подобные программы на данный момент «не соотносятся ни с оригиналом – мозгом человека, ни являются его улучшенной копией, обусловленной приростом интеллектуальных возможностей, а функционируют в рамках операций с математическими моделями» [Миловидов 2022: 39]. Тем не менее они позволяют получить уникальные исследовательские результаты в области анализа текста и визуализации искусствоведческих описаний.

Среди доступных и универсальных генераторов изображений, отличающихся высокими характеристиками, можно отметить систему «Шедеврум», которая создает изображения, тексты и видео с помощью нейросети YandexGPT. Данная нейросеть стала доступной для пользователей в апреле 2023 г. в виде мобильного

приложения¹. Система обучена на 330 млн специально отобранных картинок с текстовыми описаниями и «может сгенерировать даже то, чего не видела»². Это предоставляет возможность создавать изображения, соответствующие требованиям исследования, и использовать их для последующего анализа. Другим мощным инструментом является система Bing Image Creator, основанная на продвинутой версии модели DALL-E от OpenAI, способная генерировать реалистичные и уникальные изображения по разнообразным текстовым запросам. Bing Image Creator предлагает широкий спектр функций, которые помогают пользователю создавать качественные изображения в соответствии с их потребностями. Она включает в себя инструменты для редактирования и комбинирования различных графических элементов, настройки цветовой палитры, а также применения эффектов и фильтров³. Кроме того, в отличие от множества других зарубежных нейросетей, она поддерживает русский язык, что является важным фактором в нашем исследовании.

Данные системы представляют собой продукты как отечественных, так и зарубежных компаний и объединяют в себе передовые технологии нейронных сетей и глубокого обучения. Выбор систем «Шедевр» и Bing Image Creator для данного исследования обусловлен их техническими характеристиками, функциональностью и языковой поддержкой.

Материалом для данного исследования послужил каталог «Небесная пустошь»⁴ художницы Анны Андржиевской, составленный искусствоведом Полиной Могилыной и переведенный на английский язык художником и переводчиком Федором Махалюком. Данный каталог прежде не изучался. В рамках настоящей работы были рассмотрены произведения «ФВ» и «Заря».

Картины А. Андржиевской обладают глубоким символизмом. Основу произведений художницы составляют различные знаки и символы, заимствованные из таких источников, как карты Таро, книга «Красота форм в природе» Э. Геккеля, «Кабинет природных редкостей» А. Себа, «Символы и эмблемата» Я. Тесинга и И. Ф. Копиевского. Некоторые символы возникают из современной реальности – на ее работах можно увидеть изображения мангала для пикников,

бетонных многоэтажных зданий, сигнальной ленты, красного пианино, телефонного аппарата или креманки с мороженым. С их помощью художница стремится создать актуальные и понятные образы, которые устанавливают связь между произведением и зрителем, вызывают эмоциональную реакцию или осознание определенных аспектов современного общества. Они также отражают интерес художницы к современной культуре, социальным явлениям и изменениям в окружающем мире. Еще одной важной чертой творчества А. Андржиевской является антропоморфное изображение предметов и животных, помогающее художнице транслировать зрителю разные эмоции. Приобретая человеческие черты, они становятся более доступными и понятными для реципиента, что помогает зрителю легче сопереживать, воспринимать и интерпретировать произведение.

Основное внимание в данном исследовании уделено тому, каким образом искусствоведческие описания картин «ФВ» и «Заря» помогают раскрыть особенности творчества и интенции художницы А. Андржиевской. Проведенный анализ был направлен на выявление того, насколько адекватно эти описания передают ключевые концепции и идеи произведений, тем самым помогая зрителям более глубоко понять мир, созданный художницей.

Результаты

Обратимся к искусствоведческому описанию к картине «ФВ»: *Этот цветочек действительно мне подмигивает? Эта луна злобно хохочет? Пытаюсь собрать слезинки, рассыпавшиеся звездами на дне озера*⁵. В данном искусствоведческом описании к картине «ФВ» можно выделить использование различных языковых средств. Олицетворение и метафоры являются ключевыми элементами данного текста. Автор приписывает цветку и луне человеческие качества: *цветок подмигивает*, а *луна злобно хохочет*. Это создает эффект живости и динамизма, делая образы более выразительными и эмоциональными. Подмигивающий цветок и злобно хохочущая луна представляют собой необычные и неожиданные ассоциации, которые отражают неопределенность мира,

¹ Шедевр. URL: <https://shdevrum.ru> (дата обращения 10.12.2023).

² YandexART. URL: <https://ya.ru/art/> (дата обращения 12.12.2023).

³ Создатель изображений от Designer. Image creator. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/edge/features/image-creator?form=MT00D8> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ Андржиевская А. Небесная пустошь. 2021. Каталог выставки. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/edge/features/image-creator?form=MT00D8> (дата обращения: 01.12.2023).

⁵ ФВ. In: Андржиевская А. *Небесная пустошь*. 2021. С. 29.

изображенного на картине «ФВ». Также метафора *слезинки, рассыпавшиеся звездами на дне озера* добавляет загадочности в описание.

Вопросительные предложения, начинающиеся со слов *этой* и *эти*, играют важную роль. Они служат не только для привлечения внимания к конкретным элементам картины, но и для создания атмосферы неопределенности и многозначительности. Вопросы, поставленные автором, не требуют прямого ответа. Вместо этого они задаются с целью стимулировать воображение реципиента, вызвать у него рефлексии и углубить его восприятие произведения. Это придает взаимодействию с картиной диалогический характер.

Последнее предложение (*Пытаюсь собрать слезинки, рассыпавшиеся звездами на дне озера*), написанное от первого лица без употребления местоимения, добавляет личностный контекст и усиливает впечатление, производимое картиной на зрителя. Этот прием создает ощущение, будто автор обращается непосредственно к зрителю, делая его активным участником произведения, такая игра со зрителем является характерной для современного искусства. Такое взаимодействие позволяет усилить эмоциональную связь между художником и его аудиторией.

Результаты автоматизированной оценки текста показали, что обе системы изобразили метафору

слезинки, рассыпавшиеся звездами не точно, в виде ночного неба. Обе нейросети передали образы луны, цветка и озера (рис. 1). Однако автоматизированная система Bing Image Creator определила олицетворение и придала луне и цветку лица, способные *хохотать* и *подмигивать*, в то время как Шедеврум изобразила те же образы без человеческих черт.

Изображения, созданные нейросетью «Шедеврум», включают персонажа, *собирающего слезинки*, который в тексте передается через повествование от первого лица. Система Bing Image Creator столкнулась с трудностями в создании такого персонажа: на изображении присутствует рука, собирающая капли. Такая визуализация создает определенные трудности в выделении главного образа, т. к. он, на наш взгляд, теряется среди других элементов на картине.

Итак, обе системы (Шедеврум и Bing Image Creator) неточно визуализировали основные образы. Так, метафора *слезинки, рассыпавшиеся звездами на дне озера* была неправильно истолкована и передана через изображение звездной ночи, что создало атмосферу загадки и мистики, не соответствующую настроению произведения «ФВ».

Bing Image Creator интерпретировала олицетворение, связанное с метафорами (*цветок подмигивает, луна хохочет*), и смогла передать замысел неопределенности, заложенный автором. Однако изображение утратило важную часть оригинальной задумки,

а

b

Рис. 1. Изображения к описанию картины «ФВ», сгенерированные системами «Шедеврум» (а) и Bing Image Creator (b)
Fig. 1. AI-generated images for FV: Shedeврum (a) and Bing Image Creator (b)

связанную с собиранием слез. Нейросеть «Шедеврум» справилась с данной задачей.

Такие различия в результатах могут быть обусловлены ограничениями данных и контекста, на основе которых обучались нейронные сети. Возможно, обучающий набор данных не содержал достаточного количества примеров образов из искусствоведческого описания к произведению «ФВ» или не был достаточно разнообразным для полного понимания концепций. Тем не менее стоит отдельно прокомментировать метафору о слезинках, т. к. она не была точно воспроизведена обеими системами. Сложность данного стилистического приема заключается в соединении двух далеких друг от друга образов – слезы и звезды. Это вызвало трудности у нейросетей при их визуализации в виде единого образа. Кроме того, образ луны в тексте дополнительно усложнил интерпретацию метафоры, в результате чего были сгенерированы изображения звездной ночи.

Таким образом, несмотря на яркость и уникальность метафоры, объединяющей образы слез и звезд, ее использование может быть рассмотрено как неудачное в контексте трудности ее трактовки. Комплексность этого приема усложняет понимание ее связи с произведением, что может влиять на восприятие картины «ФВ» и интерпретацию задумки художницы. С другой стороны, можно утверждать о недостаточной обученности искусственного интеллекта и его неспособности интерпретировать сложные стилистические приемы.

Обратимся к искусствоведческому описанию к картине «Заря»: *Солнце не садится и не восходит, только катится по кромке горизонта. Роботы устаревают, горькие слезы разъедают глаза. Жизнь замерла, пока танцует трехглавая птица*⁶. В искусствоведческом описании картины «Заря» преобладает лексика с эмоциональной окраской, которая помогает создать трагическую и мрачную атмосферу. Так, слова *горькие слезы, устаревают, разъедают, замерла* содержат в себе оттенки печали, отчаяния и безысходности. Эти лексемы передают эмоциональную нагрузку и помогают зрителю ощутить трагическое настроение мира картины «Заря».

Метафоры, использованные в тексте, играют важную роль в передаче замысла художницы. Метафоры *солнце не садится и не восходит, только катится по кромке горизонта* и *жизнь замерла* создают ощущение бесконечности и непрерывности времени, что усиливает

эффект безысходности. С помощью метафоры *горькие слезы разъедают глаза* искусствовед передает страдания. Образ *устаревающих* роботов подчеркивает фрагментарность и временность мироздания.

Автор выделяет образ трехглавой птицы, который символизирует единство прошлого, настоящего и будущего, отражая цикличность бытия и его бесконечное движение. Описывая птицу как *танцующую*, при помощи антитезы П. Могиллина создает контраст с другими трагическими образами, которые *замерли* в мире отчуждения, устаревания и безнадежности.

Результаты, полученные в ходе автоматизированного анализа искусствоведческого описания к картине «Заря», свидетельствуют о том, что обе нейросети успешно интерпретировали метафору *солнце не садится и не восходит, только катится по кромке горизонта* как символ непрерывности времени. Это проявилось в изображении солнечного пейзажа, по которому трудно определить временной промежуток (рис. 2). У нейросети «Шедеврум» пейзаж получился пустынным, что удачно передает идею бесконечности и безнадежности. Однако остальные образы не были переданы.

В центре изображения располагается персонаж, движения которого напоминают танец, отсылающий к образу *танцует трехглавая птица*. Однако нейросеть не передала другие характеристики этого образа: сходство с птицей и наличие трех голов. Другие важные образы из текста, такие как *роботы устаревают* и *горькие слезы разъедают глаза*, не представлены на изображении.

Нейросеть Bing Image Creator смогла воспроизвести больше образов, описанных в тексте. Однако она объединила их в одного персонажа, в котором читаются отдельные символы. У персонажа есть лицо, из его глаз текут *горькие слезы*. У него также есть несколько голов с клювами, напоминающими *трехглавую танцующую птицу*, а перемещается по пустыне он с помощью *устаревших технологий*.

Обе нейросети успешно передали атмосферу произведения «Заря», изобразив пустынный пейзаж. Но некоторые специфические символы, углубляющие смысл картины (*слезы, роботы, танцующая птица*), были неэффективно интерпретированы или вовсе упущены. Такие результаты могут быть обусловлены недостаточной обученностью нейросетей в области символизма, нежели недостатками в работе искусствоведов.

⁶ Заря. In: Андржиевская А. *Небесная пустошь*. 2021. С. 15.

a

b

Рис. 2. Изображения к описанию картины «Заря», сгенерированные системами «Шедеврум» (a) и Bing Image Creator (b)
 Fig. 2. AI-generated images for Dawn: Shidevrum (a) and Bing Image Creator (b)

Заключение

Исходя из проделанного анализа, можно заключить, что использование экспрессивной лексики в искусствоведческом описании способствует передаче атмосферы и задумок художницы А. Андржиевской. Однако употребление сложных метафорических образов может затруднить коммуникацию между художником и зрителем. Такие образы в своей сложности могут препятствовать пониманию произведения, создавать барьер в восприятии содержания. С учетом этого для более эффективного взаимодействия с аудиторией искусствоведам рекомендуется обращаться к более понятным и доступным выразительным средствам, таким как эпитет, сравнение или гипербола. Использование таких средств поможет упростить восприятие произведения и способствовать более ясной передаче задумок и идей художника. Это позволит уменьшить риск непонимания нейросетью содержания и улучшить восприятие произведения как с точки зрения его художественной ценности, так и с точки зрения коммуникативной эффективности.

Дополнительные исследования с использованием искусственного интеллекта представляют значимую перспективу, особенно в контексте быстрого развития нейронных сетей и их способности более точно анализировать тексты. Результаты таких исследований можно применять для создания рекомендаций, которые помогут искусствоведам составлять свои

комментарии. С другой стороны, такие исследования позволяют усовершенствовать автоматизированные системы анализа искусствоведческого дискурса в лингвопрагматическом аспекте. Такой подход может помочь не только в понимании произведений и интерпретации художественных выразительных средств, но и в повышении качества коммуникации между художниками и зрителями. Будущие исследования в области искусствоведческого дискурса с использованием нейронных сетей имеют потенциал в обеспечении большей глубины и объективности в анализе произведений, помогая в понимании, оценке и интерпретации произведений искусства.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Анисимова Е. Е. Образ Святителѣ Николаѣ Чудотворца в житийном и искусствоведческом дискурсах (к проблеме взаимодействия вербального и невербального). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2014. № 18. С. 11–23. [Anisimova E. E. Image of Saint Sanctifier Nicholas the wonderworker in hagiographic and art discourse (to the problem of the integrity of the verbal and the nonverbal). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2014, (18): 11–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tewikv>
- Бельмесова М. О. Ключевые особенности искусствоведческого дискурса в рамках текстовой актуализации английского лингвокультурного концепта "painting" (на материале монографии Г. Рейнольдса "Turner. World of art"). *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2016. Т. 13. № 1. С. 62–68. [Belmesova M. O. Main features of the art criticism discourse within the textual actualization of the English linguo-cultural concept "painting" (in the monograph by G. Reynolds "Turner. World of art"). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 13(1): 62–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling160111>
- Валуйцева И. И., Плохова А. Б. Искусствоведческий дискурс (на примере анализа произведений живописи). *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. 2013. № 6. С. 105–110. [Valuytseva I. I., Plokhova A. B. Art criticism discourse (based on the analysis of paintings). *Vestnik MGOU. Seria: Lingvistika*, 2013, (6): 105–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzyvyp>
- Горбачева А. Г. Искусственный интеллект и современное искусство: новые возможности и вызовы. *Человек.RU*. 2018. № 13. С. 145–154. [Gorbacheva A. G. Artificial intelligence in contemporary arts: New Possibilities and challenges. *Chelovek.RU*, 2018, (13): 145–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2018-13-145-154>
- Елина Е. А. Вербализованные формы синестезии в русско- и англоязычном искусствоведческом дискурсе. *Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 февраля 2018 г.)*. М., 2018. С. 94–95. [Elina E. A. Verbalized forms of synesthesia in the Russian and English art history discourse. *Crossing borders: Intercultural communication in a global context: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow 14–16 Feb 2018*. Moscow, 2018, 94–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmswkd>
- Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект. Саратов, 2002. 256 с. [Elina E. A. *Verbal interpretations of works of fine art. Nominative and communicative aspect*. Saratov, 2002, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgrgrd>
- Ерохина А. Б. Коммуникативная стратегия интерпретации в критическом искусствоведческом дискурсе. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 4. С. 72–78. [Erokhina A. B. Communicative strategy of interpretation in art criticism discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2017, (4): 72–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxvxit>
- Жаркова У. А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов). *Вестник ЧелГУ*. 2011. № 33. С. 49–52. [Zharkova U. A. Symbolic character of fine arts in the art criticism discourse in German Museum Catalogues. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, (33): 49–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozmwnd>
- Зеленова Ю. И., Манаева С. В. Творчество нейросетей: риски и возможности для современных дизайнеров. *Бюллетень науки и практики*. 2023. Т. 9. № 6. С. 474–482. [Zelenova Yu. I., Manaeva S. V. Creativity of neural networks: Risks and opportunities for modern designers. *Bulletin of Science and Practice*, 2023, 9(6): 474–482. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33619/2414-2948/91/56>
- Иванова Т. Е., Ахиджакова М. П. Искусствоведческое дискурсивное пространство: прагмасемантические особенности организации. *Гуманитарные и социальные науки*. 2021. № 4. С. 125–135. [Ivanova T. E., Akhidzhakova M. P. Art history discourse space: Pragmasemantic features of the organization. *The Humanities and Social Sciences*, 2021, (4): 125–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-125-135>
- Милетова Е. В. Англоязычный искусствоведческий дискурс: природа и лексическое наполнение. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4-2. С. 114–119. [Miletova E. V. English-language art critical discourse: Nature and lexical content. *Philology. Theory & Practice*, 2013, (4-2): 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxslwz>
- Милетова Е. В. Особенности вербализации оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на примере тематических текстов по архитектуре и дизайну). *Вестник Курганского государственного университета*. 2019. № 1. С. 51–54. [Miletova E. V. Features of verbalization of evaluation in English-language art discourse

- (on the example of thematic texts on architecture and design). *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (1): 51–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywitat>
- Миловидов С. В. Художественные особенности произведений компьютерного искусства, созданных с использованием технологий машинного обучения. *Артикульт*. 2022. № 4. С. 36–48. [Milovidov S. V. Artistic features of computer artworks creating with machine learning technology. *Articult*, 2022, (4): 36–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2022-4-36-48>
- Миньяр-Белоручева А. П. Поликодовость искусствоведческого дискурса. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2017. Т. 14. № 4. С. 16–20. [Minyar-Belouchcheva A. P. Polycode of art history discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2017, 14(4): 16–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylqptx>
- Морковкин Е. А., Новичихина А. А., Замулин И. С. Искусственный интеллект как инструмент современного искусства. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. 2021. № 1. С. 55–59. [Morkovkin Ye. A., Novichikhina A. A., Zamulin I. S. Artificial intelligence as a tool of modern art. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2021, (1): 55–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bvvjyl>
- Оломская Н. Н., Бажан А. С. Искусствоведческий дискурс: специфика и классификация. *Казанский лингвистический журнал*. 2022. Т. 5. № 3. С. 346–359. [Olomskaia N. N., Bazhan A. S. Art criticism discourse: Specificity and classification. *Kazan Linguistic Journal*, 2022, 5(3): 346–359. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yunyuj>
- Олянич А. В. Искусствоведческий дискурс. *Дискурс-Пи*. 2015. № 2. С. 160–162. [Olyanich A. V. Art discourse. *Discourse-P*, 2015, (2): 160–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umrihp>
- Петренко А. С., Петренко С. А. О применении искусственного интеллекта в цифровом искусстве. *Дистанционные образовательные технологии: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 19–21 сентября 2023 г.) Симферополь: Ариал, 2023. С. 349–352. [Petrenko A. S., Petrenko S. A. On the application of artificial intelligence in digital art. *Distance education technologies: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Yalta, 19–21 Sep 2023. Simferopol: Arial, 2023, 349–352. (In Russ.)] https://elibrary.ru/iaafhq**
- Постнова Е. А. Интерпретация произведений искусства в художественных и нехудожественных текстах (на примере описания картины Рембрандта «Ночной дозор»). *Мировая литература в контексте культуры*. 2015. № 4. С. 134–140. [Postnova E. A. Interpretation of works of art in fiction and non-fiction literature. *Mirovaya literatura v kontekste kultury*, 2015, (4): 134–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vejhhq>
- Самарина А. Е., Бояринов Д. А. Нейросети для генерации изображений: педагогический потенциал в высшем образовании. *Концепт*. 2023. № 11. С. 161–179. [Samarina A. E., Boyarinov A. D. Neural networks for image generation: Pedagogical potential in higher education. *Koncept*, 2023, (11): 161–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11116>
- Ушакова С. В., Быкова П. И. Феномен цифрового искусства в репрезентации новых медиа в период пандемии COVID-19. *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 5–7 октября 2022 г.) Белгород: Космос, 2022. С. 94–99. [Ushakova S. V., Bykova P. I. The phenomenon of digital art in the representation of new media during the COVID-19 pandemic. *Discourse of modern mass media in theory, social practice, and education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 5–7 Sep 2022. Belgorod: Kosmos, 2022, 94–99. (In Russ.)] https://elibrary.ru/cgjnnu**
- Фадеева Г. М. Вербализация восприятия музыки и живописи как перцептивного процесса. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2015. № 1. С. 231–240. [Fadееva G. M. The perception of music and art and its verbalization. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 2015, (1): 231–240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vfzubh>
- Хасанова З. С., Милетова Е. В., Бугаенко Н. П. Некоторые параметры и характеристики англоязычного специализированного искусствоведческого дискурса. *Вестник Брянского гос. ун-та*. 2014. № 2. С. 397–408. [Khasanova Z. S., Miletova E. V., Bugayenko N. P. Some parameters and characteristics of English-language specialized art criticism discourse. *Vestnik Brjanskogo gos. un-ta*, 2014, (2): 397–408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tubtcd>
- Amorim J. P., Teixeira L. Art in the digital during and after COVID: Aura and apparatus of online exhibitions. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2021, 12(5). <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s1n2>
- Habelberger B. E. M., Bhansing P. V. Art galleries in transformation: Is COVID-19 driving digitisation? *Arts*, 2021, 10(3). <https://doi.org/10.3390/arts10030048>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ikbyrz>

Понятность слов как критерий разработки текстов на легком языке: экспериментальное исследование

Осокина Светлана Анатольевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 5089-7242

<https://orcid.org/0009-0005-6219-0545>

Scopus Author ID: 57207456758

osokina@filo.asu.ru

Михиенко Жанна Николаевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0002-7526-0566>

Аннотация: Исследование выполнено в рамках приобретающей все большую актуальность концепции легкого языка, направленной на обеспечение реализации прав для лиц, обладающих ограниченными языковыми компетенциями, в том числе с ограничениями по состоянию здоровья. Методологической основой концепции является антропологическая лингвистическая парадигма, а также труды по теории текста и переводоведению, поскольку суть концепции состоит в разработке системы перевода официальных письменных текстов в более простые тексты, предназначенные для лиц с ограничениями. Цель исследования – посредством лингвистического эксперимента с лицами, являющимися представителями целевой аудитории концепции легкого языка, выявить непонятные для них слова в письменных текстах разного уровня сложности. Сопутствующей целью эксперимента является тестирование существующих легких текстов на русском языке с точки зрения наличия в них слов, непонятных для исследуемой целевой аудитории. Участники эксперимента – пациенты Алтайской краевой клинической психиатрической больницы, обладающие достаточными навыками устной и письменной коммуникации. В эксперименте (ноябрь-декабрь 2022 г.) приняли участие 38 человек в возрасте старше 18 лет, имеющие инвалидность II и III группы. В среднем один человек прочитал 20 текстов. В результате эксперимента выявлены особенности употребления слов и выражений, которые испытуемые обозначили как *непонятные*, в стандартных и легких текстах. Установлена продуктивность концепции легкого языка с точки зрения разработки языковых материалов для лиц с недостаточными языковыми компетенциями, поскольку в специально разработанных сторонниками данной концепции текстах испытуемыми не были отмечены непонятные слова.

Ключевые слова: легкий язык, ясный язык, простой язык, внутриязыковой перевод, ограниченные языковые компетенции

Цитирование: Осокина С. А., Михиенко Ж. Н. Понятность слов как критерий разработки текстов на легком языке: экспериментальное исследование. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 557–566. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-557-566>

Поступила в редакцию 14.02.2024. Принята после рецензирования 23.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Lexical Comprehensibility as a Criterion for Easy-to-Read Texts: An Experimental Study

Svetlana A. Osokina

Altai State University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 5089-7242

<https://orcid.org/0009-0005-6219-0545>

Scopus Author ID: 57207456758

osokina@filo.asu.ru

Zhanna N. Mihienko

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0002-7526-0566>

Abstract: The easy language makes it possible to observe the rights of people with limited literacy, especially in case of various cognitive or physical restrictions. The methodology of the easy language relies on anthropological linguistics, as well as text theory and translation studies. It is a system of rules for adapting difficult texts for the needs of people with disabilities or limited language comprehension. The study describes a linguistic experiment with the representatives of the target audience who were asked to identify incomprehensible words in texts of different types written in authentic official Russian and Easy Russian. The experiment involved 38 patients (≥ 18 y.o.) of Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital with disability categories I and II who were proficient enough in spoken and written communication (November–December 2022). On average, one person read 20 different texts. The authors studied words and phrases designated by the participants as incomprehensible in original and adapted texts. The current methodology of Easy Russian proved effective since the participants did not mark any words as incomprehensible in the adapted texts.

Keywords: easy language, easy-to-read language, plain language, intralingual translation, limited language proficiency

Citation: Osokina S. A., Mihienko Zh. N. Lexical Comprehensibility as a Criterion for Easy-to-Read Texts: An Experimental Study. *SibScript*, 2024, 26(4): 557–566. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-557-566>

Received 14 Feb 2024. Accepted after peer review 23 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Одной из актуальных задач последнего времени в области теоретической и прикладной лингвистики является разработка текстов на легком языке с целью предоставления жизнеобеспечивающей информации в более доступной для понимания форме. Концепция находится на начальной стадии своего формирования, поэтому пока наблюдается проблема выбора основного термина (сопоставляются варианты *простой язык*, *ясный язык*, *легкий язык*) и его определения [Михиенко 2022; Осокина 2022]. Легкий язык (англ. *easy language*) описывается как вариант естественного языка, модифицированный с точки зрения лексического состава, структуры и общего содержания таким образом, чтобы облегчить чтение для лиц, испытывающих трудности в понимании стандартного (официального) языка в силу когнитивных расстройств или в связи с отклонениями в обучении [Vanhatalo et al. 2022: 163]. Несмотря на то что современная языковая политика поддерживает проекты по формированию инструментария языковых

средств, направленных на облегчение языковой коммуникации (обзор подобных российских проектов изложен в работе [Mustajoki et al. 2021]), отечественные научные публикации в данной сфере носят более обзорно-теоретический, нежели исследовательский характер (в частности, [Катышева 2022; Космарская, Похолкова 2023; Петрова 2020]).

Исследования в данной области направлены на разработку системы рекомендаций по составлению письменных текстов для специальной целевой аудитории, поэтому релевантным является обращение к теории текста и теории перевода, поскольку процесс упрощения текстов рассматривается в качестве внутриязыкового перевода, т. к. осуществляется перекодирование одних вербальных знаков в другие, хотя и в рамках одного языка [Нечаева и др. 2020; Nefedova 2022]. Представленные в работах исследователей рекомендации можно обобщенно свести к ограничению использования слов абстрактной семантики, терминологии, тропов, лексики официально-делового

стиля, количественных числительных, отрицательных частиц, пассивного залога, сложных синтаксических конструкций. Вместе с тем рекомендуется использовать общеупотребительную лексику, обращаться к читателю напрямую, использовать повторы слов, выбирать простые синтаксические конструкции, дополнять текст примерами из повседневной жизни; к числу предлагаемых инструментов облегчения восприятия и понимания также относят особенности графического оформления текста на бумаге, использование полужирных шрифтов и других средств, не являющихся собственно языковыми [Бабкина 2021; Cinková, Latimier 2021; Horváth, Ladányi 2021; Maaß et al. 2021]. Причем практически совпадающие наборы рекомендаций приводятся в процитированных исследованиях на материале разных языков.

Целевая аудитория концепции легкого языка носит достаточно гетерогенный характер и может включать лиц с когнитивными расстройствами и ограниченными возможностями здоровья иного характера, лиц, имеющих функциональную безграмотность (например, мигрантов, усваивающих язык в качестве иностранного). Хотя исследователи предполагают в перспективе выделение определенных подкатегорий внутри данной целевой аудитории, например, по виду или степени заболевания, на данном этапе целевая аудитория концепции легкого языка описывается достаточно обобщенно и в силу политкорректности формулировок чаще определяется как *лица, испытывающие трудности при чтении и обучении языку* [Петрова 2020: 221; Vock 2018: 23; Lindholm, Vanhatalo 2021: 14].

Цель настоящего исследования – посредством лингвистического эксперимента с лицами, подходящими под описанную целевую аудиторию, выявить непонятные для них слова в письменных текстах разного уровня сложности. Сопутствующей целью эксперимента является тестирование существующих текстов на легком языке с точки зрения наличия слов, непонятных для исследуемой целевой аудитории.

Объектом исследования являются слова и выражения, подчеркнутые в качестве непонятных участниками эксперимента в результате прочтения предложенных им текстов, а также слова и выражения, которые потенциально могут быть признаны непонятными в рамках концепции легкого языка. Предмет исследования – определение языковой специфики выявленных непонятных слов и особенностей их функционирования в текстах для дальнейшего учета данных особенностей при разработке специальных текстов на легком языке.

Научная новизна работы состоит в проведении эксперимента, основанного на валидации текстов разного уровня сложности русскоязычной целевой аудиторией. С практической точки зрения исследование имеет ценность для дальнейшего совершенствования методики разработки материалов для чтения на легком языке, составления глоссариев и автоматизации процессов внутриязыкового перевода на легкий язык.

Методы и материалы

Методологической основой исследования выступает разрабатываемая в настоящее время концепция легкого языка, однако истоки данной концепции кроются в развитии в течение последних десятилетий антропоцентрической парадигмы, предполагающей изучение языка с точки зрения того, как он дан человеку, в том числе в виде письменных сообщений – текстов [Лексика, грамматика, текст... 1995]. Поскольку концепция легкого языка нацелена на разработку письменных материалов для лиц, испытывающих трудности при чтении и понимании, в центре внимания в настоящем исследовании находится письменный текст и его составляющие. Соответственно, методологической базой исследования являются фундаментальные труды в области теории текста [Валгина 2003; Гальперин 2007] и работы последних лет, изучающие эффективность и полезность текста для реципиента, включая разработки текстов со специальным «реципиент-дизайном» (выражение А. Мустайоке, означающее адаптацию текста к реципиенту [Мустайоке 2015: 552]).

Основной вопрос исследования можно сформулировать следующим образом: при чтении текстов какие слова и выражения могут вызвать трудности у целевой аудитории концепции легкого языка? В силу ограниченности объема публикации содержание данной статьи не затрагивает обсуждение когнитивных вопросов процесса понимания (данному вопросу будет посвящена отдельная работа, описывающая следующий этап проведенного эксперимента). Более того, основная идея концепции легкого языка состоит не в том, чтобы выявить когнитивные особенности понимания текстов у разных категорий лиц с ограниченными языковыми компетенциями (это только промежуточная задача исследований в данном направлении), а в том, чтобы выработать систему перекодирования сложных официальных текстов в тексты более простые, сделав тем самым жизненно важную официальную информацию доступной для понимания широкому спектру лиц, испытывающих трудности при чтении. Задача настоящего этапа работы – установить, какие

слова сами представители целевой аудитории считают непонятными в текстах разного уровня сложности.

В методологическую базу исследования входят работы в области методики обучения языку, поскольку данное направление лингвистики уделяет отдельное внимание принципам разработки специальных текстов для чтения людьми, не обладающими достаточными языковыми компетенциями, включая специальные материалы для лиц с ограниченными возможностями здоровья и говорящих на иностранных языках. Признаем уместным сравнение уровня владения языковыми компетенциями в рамках концепции легкого языка с международной методикой определения уровня владения иностранным языком, сопоставляя уровень целевой аудитории легкого языка с уровнем A1 по международной классификации (как это делается в работах [Фёдорова 2023: 3188; Lachhein, Awerkina 2020: 74]). Данный уровень предполагает владение такими компетенциями, как понимание устных и письменных высказываний со знакомыми словами и выражениями, способность ведения простого диалога [Ирисханова 2012: 10–11].

Основным методом исследования в работе является метод лингвистического эксперимента. Комплексный анализ использования метода эксперимента в работах Р. М. Фрумкиной, А. Е. Кибрик, О. Н. Селиверстовой, А. М. Пешковского, А. Мустайоки, Ю. Н. Караулова подтверждает эффективность данного метода в языкознании [Маштакова 2006]. Однако обзор докторских диссертаций за последние 16 лет показывает, что остается нерешенной проблема субъективности как получения данных в ходе лингвистического эксперимента, так и их последующей интерпретации исследователем, включая несоответствие метаязыка описания в разных трудах [Лось 2023]. Методологическим основанием целесообразности проводимого в данной работе эксперимента является допущение, что за множественностью выбираемых каждым исследователем путей сбора, обработки и интерпретации данных стоит углубление и расширение получаемых знаний о языке.

Мотивом обращения к методу эксперимента в нашем исследовании является стремление получить обратную связь со стороны представителей целевой аудитории для выявления составляющих текста (слов, последовательностей из нескольких слов), вызывающих трудности при чтении и дальнейшем понимании. Некоторые сторонники концепции легкого языка выражают скептическое отношение к идее валидации текстов путем их прочтения соответствующей целевой аудиторией, поскольку считается, что данные люди

не способны дать конструктивную обратную связь [Bohman 2021]. Однако в тех странах, где процессы перевода на легкий язык сегодня стандартизованы (например, в Испании), участие валидаторов, относящихся к категории лиц, испытывающих языковые трудности, является обязательным [Muñoz, Matamala 2021: 503]. Мнение о необходимости привлечения представителей целевой аудитории для «верификации первой версии продукта» при разработке материалов на «ясном» языке высказывается в работе [Бабкина 2021: 40]. Присоединяясь к высказанному мнению, мы полагаем, что при оценке текстов с точки зрения их трудности в качестве валидаторов могут и должны выступать люди, испытывающие такие трудности, прежде всего лица с ограниченными возможностями здоровья.

В качестве испытуемых в эксперименте приняли участие пациенты КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Ю. К. Эрдмана», имеющие хронические психические патологии шизофренического спектра, а также хронические психические патологии, сочетаемые с диагнозами *шизофрения* и *олигофрения*. В эксперименте приняли участие 38 человек в возрасте старше 18 лет, имеющие инвалидность II и III группы. Среди испытуемых были мужчины и женщины, но в задачи исследования не входило устанавливать какие-либо зависимости, связанные с полом испытуемого и его возрастом, равно как и со степенью или видом заболевания, поскольку суть концепции легкого языка состоит во всеобщем включении (инклюзии) лиц с ограничениями в активную жизнедеятельность, независимо от их медицинских и прочих характеристик. Кроме того, описание индивидуальных особенностей респондентов не имеет значения на данном этапе исследования, поскольку, как указано выше, психолингвистическая сторона вопроса пока не является предметом обсуждения в данной статье. Изучаемая категория лиц интересует нас в данном случае как центральный компонент целевой аудитории легкого языка, включающей и иные категории лиц. Основным критерий, на который мы опирались при привлечении испытуемых к эксперименту, – владение устной и письменной речью, обладание коммуникативными навыкам. Эксперимент осуществлялся в сопровождении лечащих специалистов указанной клиники.

В основе взаимодействия исследователя-лингвиста и испытуемых лежало добровольное мотивированное согласие на участие в работе, эмоциональный комфорт, уважительное отношение к высказыванию мнения.

Для испытуемых неоднократно артикулировалась мысль, что эксперимент направлен не на исследование их психических особенностей, а на изучение специфики текстов. Испытуемые имели право свободно посещать встречи, поэтому в работе с разными текстами приняло участие разное количество испытуемых. В среднем один человек посетил 6 встреч и прочитал 20 текстов. Эксперимент проводился в ноябре-декабре 2022 г.

Результаты

Для проведения эксперимента была сформирована база из 52 текстов разного уровня сложности. При формировании данной базы мы руководствовались положениями, высказываемыми в рамках концепции легкого языка. Сторонники данной концепции полагают, что так называемые стандартные тексты – т.е. тексты официального характера на общепринятом литературном языке – представляются слишком сложными для понимания целевой аудиторией легкого языка [Vanhatalo et al. 2022: 163]. Соответственно предлагаются рекомендации по модификации стандартных текстов с целью упрощения формы подачи информации при сохранении ее смысла и полноты. Однако на материале русского языка пока не существует лингвистических исследований, определяющих необходимую и достаточную степень трансформации стандартных текстов. Поэтому мы поставили задачу сравнить, каким образом испытуемые будут работать с текстами разного уровня сложности.

Сформированная для эксперимента база текстов состояла из текстов трех типов:

- 1) стандартные (30 текстов),
- 2) стандартные с изменениями (13 текстов),
- 3) легкие (9 текстов).

Стандартные тексты представляют собой тексты официального характера. Источниками отбора данных текстов послужили официальные сайты государственных учреждений Алтайского края. Основным критерием отбора текстов являлась их предполагаемая ценность для читателей. Тексты включали инструкции, содержащие практические советы, связанные с физической и экономической безопасностью, работой социальных служб, документы и объявления о льготах, выплатах, юридической, медицинской и иной

помощи, анонсы событий, происходящих в городе, где живут испытуемые.

Стандартные с изменениями тексты представляют собой специально модифицированные нами стандартные тексты с учетом рекомендаций, высказываемых в рамках концепции легкого языка. В частности, в отобранные нами стандартные тексты вносились изменения следующего характера: замена слов, перефразирование и сокращение текста. Сжатие текста происходило за счет сокращения официальных названий различных объектов либо за счет исключения уточняющей информации (например, мы удаляли такой фрагмент текста, как *на основании данных Федерального реестра инвалидов*; заменяли длинные названия организаций: *учреждения Министерства социальной защиты Алтайского края – соцзащита*; заменяли слова с отрицательными приставками: *нерабочие дни – выходные*). Стоит заметить, что внести подобные изменения в текст оказалось достаточно сложной задачей. Удалось заменить до 20 слов и выражений, иные замены приводили бы к искажению смысла исходного текста. В результате таких модификаций было сформировано 13 текстов, которые далее получили название *стандартные с изменениями*. В целом количество слов в текстах, маркированных как стандартные с изменениями, получилось меньше, чем в текстах-источниках, в среднем на 25 %.

Легкие тексты представляют собой тексты, разработанные специалистами в рамках концепции легкого языка. Источниками отбора легких текстов послужили сайты «На ясном языке»¹, «Даунсайд Ап»², «Простыми словами»³. Поскольку концепция легкого языка только начинает развиваться, на момент проведения эксперимента удалось найти 9 легких текстов, которые и были представлены испытуемым. В отличие от стандартных и стандартных с изменениями текстов, легкие тексты характеризует использование небольшого количества слов в предложении, повторы слов вместо использования синонимов, преобладание общеупотребительной лексики, обращение к читателям с помощью местоимений *ты* или *вы*, использование простых предложений. По содержанию легкие тексты – это тексты преимущественно описательного характера, например текст-описание, что представляет собой банковская карта.

¹ На ясном языке. URL: <https://банки.ясно.сайт/> (дата обращения: 10.08.2022).

² Даунсайд Ап. URL: <https://downsideup.org/> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Простыми словами. URL: <https://sindromlubvi.ru/easytoread/> (дата обращения: 10.08.2022).

Необходимо принять во внимание, что количество предложенных испытуемым легких текстов и стандартных с изменениями было меньше, чем число стандартных текстов, что объективно снижает чистоту эксперимента. Однако поскольку подобные эксперименты с использованием легких текстов на материале русского языка пока в научной литературе не описаны, считаем проведение такого эксперимента необходимым и продуктивным для дальнейшего развития исследований в данной области.

В ходе эксперимента испытуемым раздавали листы с напечатанными на них текстами. Далее испытуемым в устной форме озвучивали следующее задание: *Прочитайте текст. Подчеркните непонятные слова, словосочетания или фрагменты текста.* Данное задание также было выделено полужирным шрифтом на листе бумаги перед текстом, предназначенным для чтения.

Экспериментатором давались комментарии, что можно подчеркивать все (любые) слова и сочетания слов, которые являются непонятными, что непонятными могут считаться не только неизвестные слова, но и те, которые вызывают трудности при чтении (заставляют останавливаться и перечитывать). При выполнении задания использовалась методика медленного чтения текста испытуемыми и одновременного подчеркивания непонятных слов. В среднем на чтение одного текста уходило от одной до четырех минут. Все участники эксперимента читали одновременно «про себя». Какие-либо комментарии по тексту (экспериментатором или испытуемыми) были возможны только после прочтения текста всеми членами группы. Выполнение данного условия было

нацелено на то, чтобы оценка текста одним участником эксперимента (или экспериментатором) не влияла на оценку других.

Участникам намеренно не говорилось, что им представлены тексты разных типов, поскольку одной из задач эксперимента было проверить, действительно ли тексты, разработанные сторонниками концепции легкого языка, содержат меньшее количество непонятных слов.

В результате проделанной работы мы получили листы испытуемых с подчеркнутыми словами, которые участники эксперимента посчитали непонятными. Из 52 текстов только в 24 были подчеркнуты непонятные слова или словосочетания. В число данных 24 текстов вошли 18 стандартных текстов и 6 стандартных с изменениями. В текстах легкого типа не было подчеркнуто ни одно слово. Принимая во внимание то, что количество текстов разного типа не совпадает, мы посчитали долю текстов с подчеркнутыми непонятными словами от общего объема текстов данного типа. Для стандартных эта доля составила 60 %, для стандартных с изменениями – 46 %.

Сравнительные количественные характеристики текстов всех видов и выделенных испытуемыми непонятных слов и выражений отражены в таблице. Наибольшее число непонятных слов было отмечено испытуемыми в числе стандартных текстов. При этом наибольшее количество непонятных слов подчеркнуто в официальных текстах, представляющих собой объявления, инструкции и уведомления для граждан. Среднее количество непонятных слов в стандартных с изменениями текстах немного меньше, чем в стандартных, однако данные тексты, судя по полученным

Табл. Количественные характеристики текстов

Tab. Quantitative analysis of text samples

Количественные показатели	Типы текстов	Стандартные	Стандартные с изменениями	Легкие
Количество текстов		30	13	9
Среднее количество предложений в тексте		9	8	13
Среднее количество слов в тексте		160	122	107
Количество текстов, в которых были отмечены непонятные слова, словосочетания и фрагменты предложений / % от общего количества текстов данного типа		18 / 60 %	6 / 46 %	–
Среднее количество подчеркнутых непонятных слов в тексте		3	2,6	–
Максимальное количество подчеркнутых непонятных слов в тексте		9	3	–

результатам, нуждаются в дальнейшем упрощении. В легких текстах испытуемые не выделили ни одного непонятого слова.

При сравнении среднего количества слов в текстах каждого типа и количества выделенных испытуемыми непонятных им слов может показаться, что все предложенные для прочтения тексты были в целом понятны, включая стандартные тексты. Так, если среднее количество слов в стандартных текстах – 160, и из них оказались непонятными только в среднем 3 слова, то можно предположить, что тексты в целом понятны, за исключением отдельных слов. Общее количество слов, маркированных испытуемыми как непонятные, составило менее 2 % от общего числа слов во всех предложенных им текстах (учитывались как знаменательные, так и служебные слова). В частности, из 7156 слов в предложенных текстах испытуемые подчеркнули только 141 слово, если считать каждое подчеркнутое ими слово как отдельное. Однако, если принять во внимание тот факт, что чаще испытуемые подчеркивали сочетания из 2–3 слов или фрагменты предложений из 3 и более слов, то количество идентифицированных непонятных единиц текста составляет только 58 единиц, из которых 23 единицы – отдельно подчеркнутые слова и 35 – подчеркнутые как одно целое сочетания слов или фрагменты предложений. Примеры непонятных слов и выражений: имена существительные – *ангиография, биопсия, бокс, камей, субъект, панно, трансферты*; прилагательные – *воздуховодной, комплексный, социальный*; глаголы – *анонсировать, экспонироваться*; аббревиатуры – *КБУЗ, МФЦ, ОМС*; словосочетания – *автономным учреждением, банковских реквизитов, в надомной форме, во исполнение своих обязательств*; фрагменты предложений – *Действующее законодательство запрещает всякое вмешательство в процесс отправления правосудия*.

При обработке ответов испытуемых было установлено, что далеко не все слова, которые по нашей гипотезе испытуемые предположительно должны были идентифицировать как непонятные, были подчеркнуты участниками эксперимента. Среди пропущенных слов имеются терминологические слова и выражения, редко употребляемые слова, слова абстрактной семантики или специальные слова. Для иллюстрации приведем в качестве примера, что в предложении *Как уточняют организаторы выставки, ее посетители не просто наслаждаются яркостью палитры произведений камнерезного искусства, но и узнают об алтайских месторождениях поделочных камней: коргонского порфира, ревневской*

яшмы и белорецкого кварцита трое испытуемых подчеркнули слово *кварцит* и словосочетание *коргонского порфира*, но никто из испытуемых не подчеркнул сочетание *ревневской яшмы*. Последнее сочетание представляет собой специальный термин и является неизвестным широкому кругу людей, но никто из участников эксперимента не выделил данное выражение как непонятное.

Трудно оценить, какой процент непонятных для испытуемых слов составляют подобные пропущенные слова, поскольку мы не можем точно сказать, действительно ли все такие слова являются незнакомыми и непонятными участникам эксперимента. Укажем только, что в ходе дальнейших бесед на следующем этапе эксперимента испытуемые отмечали, что ряд слов, которые они не выделили при самостоятельном прочтении, они не знают.

Среди слов и выражений, подчеркнутых испытуемыми, наибольшую группу представляют имена существительные, среди которых терминологические слова, узкоспециальные слова и лексика официально-делового стиля. В целом выделенные слова соответствуют тем пластам лексики, которые не рекомендуются к употреблению в легких текстах.

Вместе с тем в легких текстах имелись слова, принадлежащие данным пластам лексики, которые испытуемые оставили неподчеркнутыми, например: *Ты можешь дать **объявление на сайт**; Вы можете получить деньги от **государства**, Ты заболел **коронавирусом**; Ты можешь заболеть **пневмонией**; Чтобы взять деньги в **банкомате**, вы должны знать **специальный секретный код**; Этот секретный код называется **пин-код***. Мысль о том, что сложные с точки зрения семантической или морфемной структуры слова могут наличествовать в легких текстах, не препятствуя пониманию, подчеркивается в экспериментальном исследовании Б. М. Бок, которая пишет, что легкость восприятия слов, скорее, связана с частотой их употребления, чем с простотой структуры слова; исследовательница приходит к выводу, что легкие тексты следует писать не столько «простыми», сколько «знакомыми» словами [Бок 2018: 23]. Также упрощению восприятия сложных слов способствует грамматическая структура предложения. Выше мы намеренно привели сложные слова в составе предложений, в которых они употреблены в легких текстах, поскольку предполагаем, что структура предложения в данном случае, а именно отсутствие уточняющих имен прилагательных перед «трудными» существительными, способствовало упрощению их восприятия.

Данное предположение подтверждается наблюдением, что среди отдельных слов испытуемые выделили только единичные имена прилагательные, глаголы и наречия – т.е. иные знаменательные части речи, представляющие собой слова с развитым лексическим значением (подчеркнутые отдельные имена прилагательные, глаголы, наречия вместе взятые составляют всего 6 слов в 52 прочитанных текстах). Однако имена прилагательные встречаются в составе 75 % сочетаний слов, которые подчеркнули испытуемые, а глаголы – только в составе подчеркнутых фрагментов предложений. При этом исследователь не оперировал такими лингвистическими терминами, как имя существительное, прилагательное, глагол при постановке задачи эксперимента, испытуемым было только дано задание подчеркивать любые непонятные слова.

Вместе с тем, судя по тем сочетаниям слов, которые подчеркнули испытуемые, можно предположить, что именно имена прилагательные затрудняли восприятие ряда словосочетаний, например: *автономным учреждением, в надомной форме, пароатмосферной машины, под ультразвуковым контролем, подаренные денежные средства, в процессуальном порядке, совокупный доход семьи, социальный контракт, среднедушевого дохода, территориальный фонд ОМС, цитологическое исследование*. Предполагаем, что трудность понимания лексического значения имен прилагательных в данных сочетаниях влекло за собой непонимание всего сочетания в целом. Поскольку сущность концепции легкого языка состоит в разработке системных способов преобразования официальных текстов в более простые, то применительно к преобразованию сочетаний со сложными именами прилагательными можно сформулировать рекомендацию об их переформулировании в сочетании без прилагательных, например: *в надомной форме – на дому, пароатмосферной машины – машины на пару, под ультразвуковым контролем – с помощью УЗИ, подаренные денежные средства – деньги, которые вам подарили, совокупный доход семьи – зарплата всех членов семьи*.

Заключение

Один из основных выводов по итогам проведенного эксперимента состоит в том, что незначительную часть сложных слов испытуемые подчеркнули, а другие подобные слова, являющиеся крайне редкими в речи, испытуемые не подчеркнули. Из данного наблюдения не следует, что неподчеркнутые слова испытуемым понятны, а следует то, что ученому-лингвисту

необходимо соотносить слова, выделенные испытуемыми в качестве непонятных, с другими аналогичными словами и учитывать это при составлении текстов на легком языке. Формирование классов слов, которых стоит избегать в текстах на легком языке, – дело лингвистов, но проверка понятности текстов методом предоставления их для чтения с целью обнаружения непонятных слов – действенный метод валидации текстов.

Не менее важным является вывод о том, что в использованных в эксперименте легких текстах имеются слова, входящие в пласты лексики, не рекомендованной для текстов на легком языке. Неупотребление слов с абстрактной семантикой в текстах на легком языке, представляющих собой переложение стандартных текстов из официальных источников, невозможно, однако облегчение восприятия таких слов, очевидно, связано с синтаксической структурой предложения. В частности, предполагаем, что неподчеркивание подобных слов испытуемыми в легких текстах связано с тем, что в предложениях отсутствовали имена прилагательные, осложняющие восприятие абстрактных имен существительных.

В целом эксперимент показал перспективность развития концепции легкого языка с точки зрения разработки письменных материалов для лиц с недостаточными языковыми компетенциями. Соответственно, рекомендации по упрощению текстов, выдвигаемые представителями концепции, необходимо учитывать в дальнейшем при разработке текстов для исследуемой целевой аудитории. Однако тот факт, что в легких текстах испытуемые не подчеркнули непонятные слова, еще не свидетельствует напрямую, что все слова в этих текстах испытуемым понятны. Утверждать подобное можно только после верификации проведенного эксперимента путем вопросно-ответной коммуникации с участниками эксперимента и предоставления испытуемым заданий, направленных на установление факта понимания. Подобная верификация была вторым этапом проведенного исследования и будет описана в последующих статьях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Бабкина М. Д. Ясный язык как средство обеспечения доступности информации. Рекомендации по применению. Предварительный национальный стандарт. М.: Наш солнечный мир, 2021. 144 с. [Babkina M. D. *Easy language as a means of making information accessible. Recommendations for use. Preliminary national standard*. Moscow: Nash solnechnyi mir, 2021, 144. (In Russ.)]
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с. [Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Logos, 2003, 278. (In Russ.)]
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 144 с. [Galperin I. R. *Text as an object of linguistic study*. 5th ed. Moscow: KomKniga, 2007, 144. (In Russ.)]
- Ирисханова К. М. Система общеевропейских требований к уровням владения иностранным языком: параметры описания, контроля и оценки. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2012. № 648. С. 9–22. [Iriskhanova K. M. The system of common European levels of foreign language proficiency: Descriptors of skills, criteria of assessment. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2012, (648): 9–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfcyoj>
- Катышева Л. В. «Простой и понятый язык» как новый тренд коммуникации государства и общества. *Коммуникология*. 2022. Т. 10. № 2. С. 85–94. [Katyшева L. V. Plain and easy language as a new trend of communication between the state and society. *Communicology (Russia)*, 2022, 10(2): 85–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-2-85-94>
- Космарская И. В., Похолкова Е. А. О лингвистической концепции ясного (легкого) языка. *Русский язык и русская литература в цифровую эпоху*, ред. кол.: О. К. Ирисханова, И. В. Космарская, Ю. В. Чернова, И. В. Иванова. Казань: Бук, 2023. С. 86–98. [Kosmarskaya I. V., Pokholkova E. A. Linguistic concept of clear (easy) language. *Russian Language and Literature in the Digital Age*, ed. board: Iriskhanova O. K., Kosmarskaya I. V., Chernova Yu. V., Ivanova I. V. Kazan: Buk, 2023, 86–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vomjsu>
- Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: науч. конф. (Екатеринбург, 12–14 мая 1995 г.), отв. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1995. 160 с. [Vocabulary, grammar, and text in anthropological linguistics: Proc. Sci. Conf., Ekaterinburg, 12–14 May 1995, ed. Babenko L. G. Ekaterinburg: Ural University, 1995, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzyaml>
- Лось А. Л. Проблема использования экспериментальных методик в когнитивной лингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 2. С. 590–596. [Los' A. L. The problem of using experimental methods in cognitive linguistics. *Philology. Theory & Practice*, 16(2): 590–596. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230073>
- Маштакова О. В. К вопросу о важности экспериментального метода для лингвистического исследования. *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетникова*. 2006. № 6. С. 331–335. [Mashtakova O. V. On the question of importance of experimental method for linguistic research. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetnikova*, 2006, (6): 331–335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iuerdh>
- Михиенко Ж. Н. Проблема терминологического выбора для лингвистического описания концепции легкого языка. *Филология и человек*. 2022. № 3. С. 169–178. [Mihienko Zh. N. The problem of term choice for the linguistic description of the concept of easy language. *Filologiya i chelovek*, 2022, (3): 169–178. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)3-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)3-14)
- Мустайоке А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика*, ред. А. А. Кибрик., А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: ЯСК, 2015. С. 543–559. [Mustajoki A. Communication failures through the prism of the speaker's needs. *Language and thought. Modern cognitive linguistics*, eds. Kibrik A. A., Koshelev A. D., Kravchenko A. V., Mazurova Yu. V., Fedorova O. V. Moscow: IaSK, 2015, 543–559. (In Russ.)]

- Нечаева Н. В., Хельмле К. С., Каирова Э. М. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2020. № 3. С. 8–24. [Nechaeva N. V., Helmlé K. S., Kairova E. M. Translating into easy and plain languages: International practice and prospects for Russia. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2020, (3): 8–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2020.3.1>
- Осокина С. А. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике. *Филология и человек*. 2022. № 2. С. 115–133. [Osokina S. A. The concept of "easy language" and its perspectives in linguistics. *Filologiya i chelovek*, 2022, (2): 115–133. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)2-08)
- Петрова М. В. «Лёгкий язык»: языковая политика инклюзивности по обеспечению безбарьерной коммуникации в Германии. *Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: формирование инклюзивной культуры в организациях*: II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 12–13 декабря 2019 г.) Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 217–222. [Petrova M. V. "Leichte Sprache": Language policy of inclusion for barrierfree communication in Germany. *Extrability as a phenomenon of inclusive culture: Creating an inclusive culture in organizations*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 12–13 Dec 2019. Ekaterinburg: Azhur, 2020, 217–222. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgknsa>
- Фёдорова А. Л. Художественные средства выразительности в литературе на простом языке (на материале рассказа Ю. Герман «Ловушка»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 10. С. 3186–3192. [Fedorova A. L. Expressive means in literature in plain language (based on the material of the short story "The Trap" by J. Hermann). *Philology. Theory & Practice*, 2023, 16(10): 3186–3192. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230496>
- Bock B. M. 'Leichte Sprache' – Kein Regelwerk. *Sprachwissenschaftliche Ergebnisse und Praxisempfehlungen aus dem LeiSA-Projekt (Kommunikation – Partizipation – Inklusion)*. Berlin: Frank & Timme, 2018, 100. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:bsz:15-qucosa2-319592> (accessed 10 Mar 2023).
- Bohman U. Easy language in Sweden. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 527–567.
- Cinková S., Latimier C. Easy language in Czechia. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 119–147.
- Horváth P. L., Ladányi L. Easy language in Hungary. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 219–251.
- Lachhein B., Awerkina L. Leichte Sprache und Einfache Sprache im Deutschen der Gegenwart. *Germanic philology in Russian: Yearbook of the Russian Union of Germanists*: Proc. XVII Congress of the Russian Union of Germanists, Kolomna, 28–30 Nov 2019. Moscow: FLINTA, 2020, 70–80. <https://www.elibrary.ru/shlztw>
- Lindholm C., Vanhatalo U. Introduction. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 11–26.
- Maaf C., Rink I., Hansen-Schirra S. Easy language in Germany. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 191–218.
- Muñoz Ó. G., Matamala A. Easy language in Spain. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 493–525.
- Mustajoki A., Mihienko Zh., Nechaeva N., Kairova E., Dmitrieva A. Easy language in Russia. *Handbook of Easy Languages in Europe*, eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme, 2021, 439–466.
- Nefedova L. Translating into plain and easy-to-read language: The role of linguistics. *Topical issues of linguistics and teaching methods in business and professional communication – TILTM 2022*: Proc. X Intern. Research Conf., Moscow, 22–23 Apr 2022. L.: ISO LONDON LIMITED, 2022, 213–222. <https://www.elibrary.ru/cchais>
- Vanhatalo U., Lindholm C., Onikki-Rantajääskö T. Introduction: Easy language research. *Nordic Journal of Linguistics*, 2022, 45(2): 163–166. <https://doi.org/10.1017/S0332586522000130>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ilsjdu>

Применение методов обработки естественного языка для прогнозирования перспективных направлений использования формальных онтологий в биомедицине

Шарнин Михаил Михайлович

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3842-3331

<https://orcid.org/0000-0003-0450-5156>

Scopus Author ID: 6504713775

Калинин Степан Сергеевич

Международный славянский институт, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2157-7178

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

Scopus Author ID: 57206675409

rage_of_gods@inbox.ru

Аннотация: В работе представлены возможности использования методов обработки естественного языка для прогностического анализа и обзора перспективных направлений использования формальных онтологий в различных областях науки и практики. Выбор формальных онтологий в качестве объекта прогностического исследования обусловлен тем, что они помогают более строго формализовать признаки объектов в различных предметных областях, что дает в дальнейшем возможность для более успешного использования программ машинного обучения для автоматического выявления закономерностей и взаимосвязей между этими признаками. Для анализа перспективных трендов в развитии использования онтологий был использован эксперимент на основе метода машинного обучения и прогнозирования с помощью алгоритма CatBoost в сочетании с методами извлечения информации из текстов и алгоритмом кластеризации лексических единиц. При этом использовались векторные представления соответствующих лексических единиц, отражающих тот или иной тренд частной области знания, между которыми вычислялась мера близости на основе семантического расстояния. В результате эксперимента были выделены четыре наиболее перспективных направления, в которых возможно применение формальных онтологий: связь *генотип – фенотип*, персонализация, алгоритмы кластеризации и совместное управление. Для каждого направления приводятся собственные ключевые слова, отражающие прогнозируемые тренды развития данной конкретной области, а также анализируются примеры наиболее характерных научных работ (статей), отражающих эти тренды.

Ключевые слова: обработка естественного языка, формальные онтологии, библиометрический анализ, прогностическое исследование, метод машинного обучения, векторные представления лексических единиц, кластеризация лексических единиц, алгоритм CatBoost, тренды научного развития

Цитирование: Шарнин М. М., Калинин С. С. Применение методов обработки естественного языка для прогнозирования перспективных направлений использования формальных онтологий в биомедицине. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 567–575. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-567-575>

Поступила в редакцию 19.11.2023. Принята после рецензирования 19.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Natural Language Processing Tools for Predictive Modeling of Advanced Trends in Formal Ontologies in Biomedical Sciences

Mikhail M. Charnine

Computer Science and Control Federal Research Center, Russian

Academy of Sciences, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3842-3331

<https://orcid.org/0000-0003-0450-5156>

Scopus Author ID: 6504713775

Stepan S. Kalinin

International Slavic Institute, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2157-7178

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

Scopus Author ID: 57206675409

rage_of_gods@inbox.ru

Abstract: Natural language processing methods can be used to predict advanced application trends in formal ontologies. Formal ontologies help to formalize the characteristics of objects in various domains. As a result, machine learning programs identify patterns and relationships between these characteristics. The article describes an experiment based on machine learning methods in combination with text search methods. It involves the CatBoost algorithm for predictive modeling and clustering of lexical items. The vector models of the corresponding items reflect a trend in a particular domain of knowledge; proximity between them was calculated based on the idea of semantic distance. The experiment revealed four advanced areas for formal ontologies, i.e., genotype – phenotype; personalization; clustering algorithms, and collaborative task management. Each area that represented the predictable trends of development in this particular domain was provided with keywords. The article also contains a review of most popular scientific articles on these trends.

Key words: natural language processing, formal ontologies, bibliometric analysis, predictive modeling research, methods of machine learning, vector models of lexical items, clustering of lexical items, CatBoost algorithm, trends in intellectual development

Citation: Charnine M. M., Kalinin S. S. Natural Language Processing Tools for Predictive Modeling of Advanced Trends in Formal Ontologies in Biomedical Sciences. *SibScript*, 2024, 26(4): 567–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-567-575>

Received 19 Nov 2023. Accepted after peer review 19 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Под формальными онтологиями понимается особый вид семантических представлений, которые можно определить как модель наблюдаемой действительности, либо как иерархическую форму представления знаний, отражающую структуру наблюдаемой действительности, либо как логическую теорию, которая дает возможность систематизировать выражаемые в языке значения либо категории действительности [Митрофанова, Азарова 2017: 67].

Существует несколько различных типов классификации онтологий [Митрофанова, Азарова 2017: 68–69]: по типу содержательного наполнения выделяются общие онтологии, онтологии задач и предметные онтологии. Общие онтологии представляют наиболее абстрактные понятия, которые являются общими для всех или нескольких предметных областей. Онтологии задач посвящены представлению знаний, связанных с решением какой-либо конкретной задачи

из науки или практики либо группы задач. Предметные онтологии связаны с перечислением объектов, которые используются в какой-либо области профессиональной деятельности.

По цели применения можно выделить онтологии представления, онтологии верхнего уровня, онтологии предметных областей, прикладные онтологии. Онтологии представления создаются для характеристики языка задания онтологий низших уровней. Онтологии верхнего уровня создаются для формального представления тех знаний, которые соотносятся с несколькими предметными областями. Онтологии предметных областей используются для описания основных понятий и терминов конкретной предметной области. Прикладные онтологии предназначены для формализации и структурирования знаний по конкретной задаче или группе задач, относящихся к определенной области науки или практики.

Формально структуру каждой онтологии можно записать следующим образом [Бова и др. 2014: 48]: $O = \langle X, R, F \rangle$, где X – конечное множество понятий-объектов данной предметной области, R – конечное множество тех отношений между понятиями-объектами, которые являются семантически значимыми, F – конечное множество функций интерпретации, которые заданы на объектах-понятиях данной предметной области и / или на семантических отношениях между ними.

В рамках данной работы основным объектом нашего анализа являются конкретные онтологии предметных областей (генетики, коммерции, машинного обучения). По типу наполнения их можно отнести преимущественно к онтологиям задач (например, онтологии, связанные с разработкой и применением алгоритмов кластеризации, или онтологии, относящиеся к управлениям задачами). Таким образом, цель настоящего исследования – выявить перспективные направления, которые связаны с формальными онтологиями и которые имеют наиболее долговременные растущие тренды по количеству статей и цитирований, в области биомедицины. Задачи исследования, соответственно, включают в себя выявление ключевых слов, отображающих тренды научного развития в области биомедицины; выявление и анализ наиболее долговременных растущих трендов; иллюстрацию этих трендов при помощи наиболее характерно отражающих их научных работ (статей).

Данная работа основана на комбинации подходов, связанных с анализом формальных онтологий, и извлечением онтологической информации из текстов, соотносящихся с определенной предметной областью. Исследования, выполненные в данном русле, известны [Корсун, Пальчунов 2017; Munir, Anjum 2018], однако они основаны на атомарном подходе в рамках алгебраической теории моделей. Преимуществом настоящей работы является использование векторных представлений извлекаемых лексических единиц, а также методов и алгоритмов машинного обучения для обработки, прогнозирования трендов и кластеризации данных. Это позволяет не только рассчитывать встречаемость тех или иных терминов, но и делать прогностические выводы по их динамике.

Методы и материалы

В результате эксперимента был проанализирован 30031 заголовок статей по теме *Ontology* (выборку из числа которых мы назвали *Выборочная коллекция*) из коллекций PubMed и DBLP-v13. Коллекция DBLP-Citation-network V13 содержит 5354309 статей

по компьютерным наукам, а коллекция PubMed по состоянию на начало 2023 г. – более 34 млн статей по биомедицине. Из PubMed и DBLP-v13 была выделена 30031 статья, содержащая слова, отвечающие запросу *Ontolog**, где звездочка (*) означает любую последовательность букв. Большинство статей в Выборочной коллекции, соответственно, относится к теме онтологии в биомедицине.

Прогноз трендов был выполнен с помощью пакета CatBoost, а визуализация – с помощью алгоритма t-SNE. Долгосрочности трендов для характерных / ключевых слов мы рассчитывали, используя различные показатели для групп статей, содержащих эти ключевые слова. Наиболее важным индикатором тренда ключевого слова является количество цитирований ключевого слова (КЦКС). Для расчета этого показателя мы сначала находим все статьи с этим ключевым словом в определенном году, а затем подсчитываем все цитирующие ссылки на эти статьи. Для каждого слова мы рассчитали продолжительность его трендового роста, равную количеству лет непрерывного роста его средней цитируемости. Такая продолжительность роста тренда была целью для алгоритма машинного обучения CatBoost.

Регрессионная модель CatBoost была обучена для 20 признаков / параметров тренда ключевого слова в текущем и предыдущих годах, включая: текущий КЦКС, общее количество статей с ключевым словом, количество лет роста предыдущего тренда, общий рост цитируемости для предыдущего тренда, количество лет от начала тренда, количество цитирующих связей между статьями со словом от начала тренда, время от трендовой ситуации до текущего / базового года [Шарнин 2023].

В процессе анализа были рассчитаны графики роста количества статей за последние годы (рис. 1), характерные / релевантные ключевые слова в Выборочной коллекции и трендовые ключевые слова среди характерных.

Результаты

В последние годы наблюдается значительный рост количества ежегодно публикуемых научных статей с лексическими единицами *ontology* (онтология), *gene ontology* (генная онтология) и *phenotype* (фенотип) в коллекциях DBLP и PubMed (рис. 1). Так, с 2000 по 2022 г. количество статей со словом *ontology* (онтология) выросло в 18,1 раза, а за последние 2 года (с 2020 по 2022 г.) – в 1,39 раза. За эти 2 года количество статей со словом *gene ontology* (генная онтология)

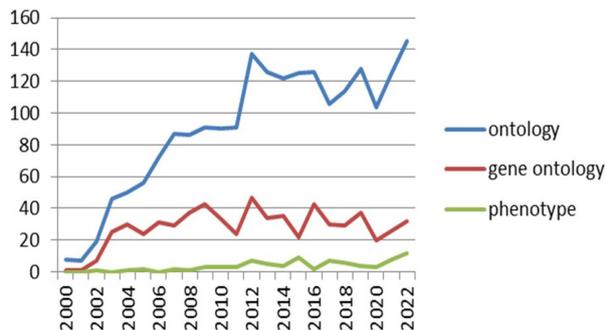

Рис. 1. Количество научных статей со словами *ontology* (онтология), *gene ontology* (генная онтология) и *phenotype* (фенотип) в коллекциях DBLP и PubMed за различные годы
Fig. 1. Research articles with the words *ontology*, *gene ontology*, and *phenotype* in DBLP and PubMed databases

выросло в 1,6 раза, а со словом *phenotype* (фенотип) – в 4 раза. Одновременное увеличение трендов этих трех терминов в последние 2 года подтверждает гипотезу, что общий интерес к онтологиям в последнее время подпитывается в связи с развитием генной онтологии и онтологии фенотипов. Онтология фенотипа человека – это стандартизированный, контролируемый словарь, содержащий фенотипическую информацию о генах и их продуктах. Онтология содержит более 12 тыс. терминов, описывающих фенотипические особенности. Она организована в виде трех независимых онтологий, которые включают различные категории: способ наследования, начало и клиническое течение, а также самую большую категорию фенотипических аномалий.

Характерными / релевантными мы считаем слова, которых относительно много в Выборочной коллекции по сравнению с коллекцией PubMed. Список некоторых наиболее характерных ключевых слов в Выборочной коллекции:

- *ontology* (онтология);
- *ontologies* (онтологии);
- *ontology-based* (на основе онтологических моделей);
- *ontological* (онтологический);
- *gene ontology* (генная онтология);
- *ontology-driven* (управляемый с помощью онтологий);
- *domain ontology* (онтология предметной области);
- *ontology matching* (сопоставление онтологий);
- *ontology-based approach* (подход на основе онтологий);
- *biomedical ontologies* (биомедицинские онтологии);

- *ontology alignment* (согласование онтологий);
- *ontology mapping* (картирование онтологий);
- *ontology development* (разработка онтологий);
- *ontology learning* (обучение онтологий);
- *ontology design* (проектирование онтологий);
- *gene* (ген);
- *ontology engineering* (проектирование онтологий);
- *ontology-based data* (данные, полученные с использованием онтологий);
- *ontology construction* (построение онтологий);
- *ontology driven* (управление онтологией);
- *ontology terms* (термины онтологий);
- *ontology evolution* (эволюция онтологий);
- *ontology semantic* (семантика онтологий);
- *ontology-based semantic* (онтологическая семантика);
- *ontology-based information* (информация, полученная при помощи онтологий);
- *web ontology* (веб-онтология);
- *ontology model* (модель онтологий);
- *ontologies semantic* (семантика онтологий);
- *fuzzy ontology* (нечеткая онтология);
- *ontological analysis* (онтологический анализ);
- *ontology annotation* (аннотация онтологий);
- *formal ontology* (формальная онтология);
- *semantic web* (семантическая сеть);
- *phenotype ontology* (онтология фенотипа);
- *ontology-based knowledge* (знания на основе онтологий);
- *ontological framework* (онтологическая структура);
- *biomedical ontology* (биомедицинская онтология);
- *ontology integration* (интеграция онтологий) и т.д.

С помощью алгоритма CatBoost, который был описан в исследовании [Prokhorenkova et al. 2018] по методике, описанной в работах [Charnine et al. 2021a; 2021b], были рассчитаны прогнозируемые долгосрочности будущих трендов для характерных слов и построен следующий рейтинг перспективности ключевых слов в Выборочной коллекции:

- *bioinformatics* (биоинформатика);
- *interactive* (интерактивный);
- *clustering* (кластеризация);
- *personalized* (персонализированный);
- *automated* (автоматизированный);
- *phenotype* (фенотип);
- *integration* (интеграция);
- *clinical practice* (клиническая практика);
- *collaborative* (совместная работа);
- *managing* (управление);
- *smart* (умный);

выделить четыре перспективных направления использования онтологий. Этим перспективным направлениям можно дать следующие названия: (1) связь *генотип – фенотип*, (2) персонализация, (3) алгоритмы кластеризации, (4) совместное управление.

Связь *генотип – фенотип*

К первому направлению можно отнести статьи, в которых описано применение онтологий в биомедицине для установления соответствий между признаками в генах (генотип) и видимыми внешними проявлениями (фенотип). Онтологии помогают формально и строго классифицировать признаки, что позволяет более точно выявлять взаимосвязи / взаимосвязи признаков при анализе больших объемов медицинских данных в электронной форме. Современные методы биоинформатики позволяют автоматически выявлять связи *генотип – фенотип* путем интеграции знаний из различных источников, включая генетическую информацию и семантический анализ текстов медицинских карт. Это направление имеет следующие ключевые слова, большинство из которых выделены красным цветом на рисунке 2: выявление (*discovering*), фенотип (*phenotype*), биоинформатика (*bioinformatics*), интеграция (*integration*), семантический (*semantic*), электронные медицинские карты (*electronic health*). Рассмотрим некоторые статьи из этого направления.

В работе [Holloway 2002] обсуждались вопросы соединения онтологий биоинформатики, описывающих генотипы, и онтологий медицинской информатики, описывающих фенотипы. Статья [Hoehndorf et al. 2007] посвящена вопросам представления знаний по умолчанию в биомедицинских онтологиях и интеграции онтологий анатомии и фенотипа. В работе [Coulet et al. 2008] обсуждается подготовка данных на основе онтологий для выявления связей *генотип – фенотип*. В работе [Hoehndorf et al. 2012] рассматриваются вопросы семантической интеграции физиологических фенотипов с применением к онтологии клеточных фенотипов. В статье [Zhao et al. 2022] описывается разработка онтологии фенотипа расстройств аутистического спектра путем обработки естественного языка в электронных медицинских картах.

Персонализация

Второе перспективное направление содержит статьи, в которых описано применение онтологий для коммерции (покупка билетов), персональной рекламы, образования и персональной медицины.

Персонализация (по аналогии с компьютеризацией) коснулась таких разных сфер, как реклама, образование и медицина. Персонализация учитывает особенности и желания людей и позволяет сделать бизнес, обучение, лечение и рекламу более интеллектуальными и эффективными. Здесь также онтологии помогают формально и более строго классифицировать признаки клиентов, учащихся и предлагаемых услуг, что позволяет более точно выявлять их взаимосвязи при анализе больших объемов данных в электронной форме. Это направление имеет следующие ключевые слова, большинство из которых выделены красным цветом на рисунке 2: персонализированный (*personalized*), интерактивный (*interactive*), интеллектуальный (*smart*). Рассмотрим некоторые статьи из этого перспективного направления.

Работа [Ivanova et al. 2010] посвящена интеграции онтологии с разработкой персонализированных средств электронного обучения для дизлексиков. В ряде статей описаны: система персонализированной целевой рекламы на основе онтологий для интерактивного телевидения [Kim, Kang 2013]; предложение по автоматизации персонализированного домена бронирования авиабилетов путем интеграции безопасной нечеткой онтологии с мультиагентной платформой [Bukhari, Kim 2012]; применение биомедицинских онтологий в персонализированном здравоохранении для системы интеллектуальных запросов [Zhang et al. 2016]; платформа интеграции данных на основе онтологий, поддерживающая разработку прогностических моделей для персонализированной медицины [Weiler et al. 2018].

Алгоритмы кластеризации

Третье перспективное направление содержит статьи, описывающие алгоритмы кластеризации и их применение для различных задач, включая медицину, коммерцию, кластеризацию документов, автоматическое построение онтологий и установление соответствий между онтологиями. Алгоритмы кластеризации являются естественным методом решения задач, которые описаны выше в первых двух группах. Это направление имеет следующие ключевые слова, большинство из которых выделены красным цветом на рисунке 2: кластеризация (*clustering*), автоматизированный (*automated*). Рассмотрим некоторые статьи из этого перспективного направления.

В работе [Moshirpour et al. 2012] описывается автоматизированное построение онтологий на основе требований к программному обеспечению с использованием

методов кластеризации. В статье [Maleszka 2015] представлен метод кластеризации профилей с использованием выравнивания онтологий в персонализированных системах поиска документов. Работа [Sandhiya, Sundarambal 2019] посвящена кластеризации биомедицинских документов с использованием модели семантического сглаживания, обогащенной TF-IGM на основе онтологий, для телемедицинских приложений. В статье [Rojano et al. 2021] описывается кластеризация когорт генетических заболеваний на основе данных онтологии фенотипа человека.

Совместное управление

К четвертому направлению относятся статьи, в которых описано применение онтологий для управления задачами в совместных группах (коллективах), для интеграции знаний при совместной разработке продуктов, для управления сложными системами. В этих задачах онтологии помогают более точно и более формально описать признаки ситуаций, возникающих при управлении различными группами и объектами. В этом направлении представлены следующие ключевые слова, большинство из которых выделены синим цветом на рисунке 2: совместная работа (*collaborative*), управление (*managing*), редактирование (*editing*).

Рассмотрим некоторые статьи из выделенного перспективного направления, тематика которых представляется наиболее характерной для него. В исследованиях описаны: управление знаниями, необходимыми для поддержки электронного личного помощника, который является удобным для конечного пользователя инструментом редактирования графической онтологии [Einig et al. 2006]; подход на основе онтологий для интеграции знаний при совместной разработке продуктов [Yu et al. 2017]; управление устойчивостью умного города к вирусу Эбола с использованием онтологий [Liotine et al. 2016]; мобильное приложение на основе онтологий для управления задачами в совместных группах [Schmidt et al. 2016].

Заключение

Были выявлены четыре наиболее перспективных направления применения онтологий в области биомедицины: выявление связей между генотипом и фенотипом, персонализация различных услуг,

алгоритмы кластеризации, совместное управление. Исходя из полученных результатов представляется релевантным их использование в наукометрии в целом, поскольку с их помощью на основе анализа выборки из ключевых слов, соотносящихся с определенной научной областью, можно спрогнозировать изменение трендов в данной области либо появление новых трендов. Представляется, что предложенный в данном исследовании метод анализа научных трендов может быть применен к любой научной области (возможно, с определенными его адаптациями), а также для прогнозирования динамики их развития. Следовательно, предложенный в данном исследовании метод может использоваться и в науковедении для измерения динамики развития определенных научных областей, для изучения популярности и востребованности разделов определенной научной дисциплины, для определения факта, какие области исследований сейчас находятся на пике развития, а в каких постепенно снижается исследовательская активность. Тем самым результаты, полученные в данном исследовании, могут представлять и практический интерес для специалистов в частных областях науки и практики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. М. Шарнин – общая концепция исследования, разработка алгоритмов, используемых в анализе, сбор и обработка фактического материала, проведение экспериментов, обсуждение результатов, написание текста статьи (60 %). С. С. Калинин – обсуждение результатов, обзор основного понятийного аппарата области формальных онтологий, написание текста статьи (40 %).

Contribution: M. M. Charnine developed the research concept and the algorithms used in the analysis, collection, and data processing, conducted the experiments, summarized the results, and drafted the manuscript (60%). S. S. Kalinin analyzed the results, reviewed scientific publications in formal ontology, and drafted the manuscript (40%).

Литература / References

- Бова В. В., Лещанов Д. В., Кравченко Д. Ю., Новиков А. А. Компьютерная онтология: задача и методология построения. *Информатика, вычислительная техника и инженерное образование*. 2014. № 4. С. 44–55. [Bova V. V., Leshchanov D. V., Kravchenko D. Yu., Novikov A. A. Computational ontology: Objectives and methodology of construction. *Informatika, vychislitel'nai tekhnika i inzhenernoe obrazovanie*, 2014, (4): 44–55. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ubnfff>
- Корсун И. А., Пальчунов Д. Е. Методы извлечения и формального представления онтологических знаний из текстов естественного языка. *Знания – Онтологии – Теории (ЗОИТ-2017)*: Всерос. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 2–6 октября 2017 г.) Новосибирск: Дигит Про, 2017. Т. 2. С. 21–25. [Korsun I. A., Palchunov D. E. Methods of data retrieving from texts written in natural language and formal representation of ontological knowledges. *Knowledges – Ontologies – Theories (ZONT-2017)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Novosibirsk, 2–6 Oct 2017. Novosibirsk: Digit Pro, 2017, vol. 2, 21–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/eidazb>
- Митрофанова О. А., Азарова И. В. Компьютерное представление значений. *Прикладная и компьютерная лингвистика*, ред. И. С. Николаев, О. В. Митренина, Т. М. Ландо. 2-е изд. М.: Ленанд, 2017. С. 59–93. [Mitrofanova O. A., Azarova I. V. Computational representation of meanings. *Applied and computational linguistics*, eds. Nikolaev I. S., Mitrenina O. V., Lando T. M. 2nd ed. Moscow: Lenand, 2017, 59–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zcwtrj>
- Шарнин М. М. Библиометрический анализ трендовых тем в англоязычной научной литературе по лингвистике. *Российский лингвистический бюллетень*. 2023. № 12. [Charnine M. M. A bibliometric analysis of trending topics in the English language linguistics research literature. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (12). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.17>
- Bukhari A. C., Kim Y.-G. Integration of a secure type-2 fuzzy ontology with a multi-agent platform: A proposal to automate the personalized flight ticket booking domain. *Information Sciences*, 2012, 198: 24–47. <https://doi.org/10.1016/j.ins.2012.02.036>
- Charnine M., Klokov A., Kochiev L., Tishchenko A. Research trending topic prediction as cognitive enhancement. *2021 International Conference on Cyberworlds (CW)*. Caen, 2021a, 217–220. <https://doi.org/10.1109/CW52790.2021.00044>
- Charnine M., Tishchenko A., Kochiev L. Visualization of research trending topic prediction: Intelligent method for data analysis. *CEUR Workshop Proceedings: Proc. 31st Intern. Conf. on Computer Graphics and Vision, Nizhny Novgorod, 27–30 Sep 2021*. 2021b, vol. 3027, 1028–1037. <https://www.elibrary.ru/ptcljf>
- Coulet A., Smail-Tabbone M., Benlian P., Napoli A., Devignes M. D. Ontology-guided data preparation for discovering genotype-phenotype relationships. *BMC Bioinformatics*, 2008, 9(S4). <https://doi.org/10.1186/1471-2105-9-s4-s3>
- Einig M., Tagg R., Peters G. Managing the knowledge needed to support an electronic personal assistant – an end-user friendly graphical ontology editing tool. *Proceedings of the Eighth International Conference on Enterprise Information Systems – ISAS*, 2006, vol. 5, 304–309. <https://doi.org/10.5220/0002446003040309>
- Hoehndorf R., Harris M. A., Herre H., Rustici G., Gkoutos G. V. Semantic integration of physiology phenotypes with an application to the Cellular Phenotype Ontology. *Bioinformatics*, 2012, 28(13): 1783–1789. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/bts250>
- Hoehndorf R., Loebe F., Kelso J., Herre H. Representing default knowledge in biomedical ontologies: Application to the integration of anatomy and phenotype ontologies. *BMC Bioinformatics*, 2007, 8. <https://doi.org/10.1186/1471-2105-8-377>
- Holloway E. From genotype to phenotype: Linking bioinformatics and medical informatics ontologies. *Comparative and functional genomics*, 2002, 3(5): 447–450. <https://doi.org/10.1002/cfg.181>
- Ivanova T., Andreev R., Terzieva V. Integration of ontology with development of personalized e-learning facilities for dyslexics. *Artificial Intelligence: Methodology, Systems, and Applications. AIMSA 2010: Proc. 14th Intern. Conf., Varna, Bulgaria, 8–10 Sep 2010*. Berlin Heidelberg: Springer, 2010, 265–266. https://doi.org/10.1007/978-3-642-15431-7_29
- Kim J., Kang S. An ontology-based personalized target advertisement system on interactive TV. *Multimedia Tools and Applications*, 2013, 64(3): 517–534. <https://doi.org/10.1007/s11042-011-0965-0>
- Liotine M., Ramaprasad A., Syn T. Managing a smart city's resilience to ebola: An ontological framework. *49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS 2016)*. Kauai, Hawaii, USA, 2016, 2935–2943. <http://dx.doi.org/10.1109/HICSS.2016.368>

- Maleszka B. A method for profile clustering using ontology alignment in personalized document retrieval systems. *Computational Collective Intelligence. ICCCI 2015: Proc. 7th Intern. Conf.*, Madrid, Spain, 21–23 Sep 2015. Springer, 2015, 410–420. https://doi.org/10.1007/978-3-319-24069-5_39
- Moshirpour M., Mireslami S., Alhajj R., Far B. H. Automated ontology construction from scenario based software requirements using clustering techniques. *2012 IEEE 13th International Conference on Information Reuse & Integration (IRI)*. 2012, 541–547.
- Munir K., Anjum S. M. The use of ontologies for effective knowledge modelling and information retrieval. *Applied Computing and Informatics*, 2018, 14(2): 116–126. <http://dx.doi.org/10.1016/j.aci.2017.07.003>
- Prokhorenkova L., Gusev G., Vorobev A., Dorogush A. V., Gulin A. CatBoost: Unbiased boosting with categorical features. *Advances in neural information processing systems: Proc. Conf.*, Montreal, QC, 2–8 Dec 2018, 6638–6648. <https://www.elibrary.ru/nryevs>
- Rojano E., Córdoba-Caballero J., Jabato F. M., Gallego D., Serrano M., Pérez B., Parés-Aguilar A., Perkins J. R., Ranea J. A. G., Seoane-Zonjic P. Evaluating, filtering and clustering genetic disease cohorts based on human phenotype ontology data with cohort analyzer. *Journal of Personalized Medicine*, 2021, 11(8). <https://doi.org/10.3390/jpm11080730>
- Sandhiya R., Sundarambal M. Clustering of biomedical documents using ontology-based TF-IGM enriched semantic smoothing model for telemedicine applications. *Cluster Computing*, 2019, 22(S2): 3213–3230. <https://doi.org/10.1007/s10586-018-2023-4>
- Schmidt D., Pannison A., Freitas A., Bordini R. H., Meneguzzi F., Vieira R. An ontology-based mobile application for task managing in collaborative groups. *Proceedings of the 29th Florida Artificial Intelligence Research Society Conference (FLAIRS)*. Association for the Advancement of Artificial Intelligence (AAAI), 2016, 522–525.
- Weiler G., Schwarz U., Rauch J., Rohm K., Lehr T., Theobald S., Kiefer S., Götz K., Och K., Pfeifer N., Handl L., Smola S., Ihle M., Turki A. T., Beelen D. W., Rissland J., Bittenbring J., Graf N. XplOit: An ontology-based data integration platform supporting the development of predictive models for personalized medicine. *Studies in health technology and informatics*, 2018, 247: 21–25. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-852-5-21>
- Yu G., Yang Y., Qingsong X. An ontology-based approach for knowledge integration in product collaborative development. *Journal of Intelligent Systems*, 2017, 26(1): 35–46. <https://doi.org/10.1515/jisys-2015-0046>
- Zhang G., Bie R., Sun Y. Bring biomedical ontologies to personalized healthcare: A smart inquiry framework. *2016 IEEE First International Conference on Connected Health: Applications, Systems and Engineering Technologies (CHASE)*. Washington, DC, USA, 2016, 84–88. <https://doi.org/10.1109/CHASE.2016.32>
- Zhao M., Havrilla J., Peng J., Drye M., Fecher M., Guthrie W., Tunc B., Schultz R., Wang K., Zhou Y. Development of a phenotype ontology for autism spectrum disorder by natural language processing on electronic health records. *Journal of Neurodevelopmental Disorders*, 2022, 14. <https://doi.org/10.1186/s11689-022-09442-0>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/iqlnuy>

Семиотика китайского иероглифа: от иконического и индексального знака к символическому

Дашинамаева Полина Пурбуевна

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Россия, Улан-Удэ

eLibrary Author SPIN: 4712-7974

<https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Дамбуева Софья Валентиновна

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Россия, Улан-Удэ

eLibrary Author SPIN: 1291-5204

<https://orcid.org/0009-0003-2104-765X>sofyadambaeva92@gmail.com

Аннотация: Китайская иероглифическая письменность в своем развитии выработала способы фиксации значений, отличные от алфавитных систем, что обуславливает интерес к исследованию китайской иероглифики как специфической знаковой системы. В этой связи актуальность данного исследования объясняется необходимостью дополнения семиотической теории, применимой в большей степени к буквенно-алфавитным типам письменности. Целью данной работы является поиск дополнительного способа описания неоднозначной семиотической системы китайской письменности. Принцип дополнительности определяет применение кросс-дисциплинарного подхода, а именно теории семиозиса в синтезе с культурно-исторической концепцией. Связующим звеном становится третичный артефакт, соответствующий семиотическому знаку-символу, который в свою очередь определяется авторитетными семиотиками как имплицитная ценностная текстовая категория, не материализующаяся в определенном знаке. Применяется теория артефактов в совокупности с семиотическим подходом к анализу китайской письменности на уровне изолированного знака и на уровне текста. С позиции диахронического подхода установлено, что эволюция китайских иероглифических знаков имела тенденцию к наращиванию символической семантики, в особенности в тех случаях, когда номинация объектов происходила мотивированным способом. В качестве иллюстративного материала в синхроническом срезе был подобран композиционно усложненный текст – стихотворение 辛夷坞 (Долина магнолий) великого китайского поэта Ван Вэя, в котором символ показан не только имплицитно, но и эксплицитно. Анализ текста указывает на то, что семиотические идеи, применяемые к алфавитным языкам, соотносимы и с китайской письменностью с оговоркой. Оговорка-поправка заключается в том, что в китайском тексте имплицитная семантика символа, будучи сопряженной с наглядно-визуальным образным рядом, начинает подсказывать, какой символ спрятан за строками. Таким образом, иероглиф в отличие от букв владеет дополнительным техническим потенциалом конструирования эксплицитного ряда образов, считывание которого способствует более эффективному вычленению смысла и морали произведения, в то время как его символический модус управляет и регламентирует появление последних.

Ключевые слова: иероглиф, артефакт, символ, знак, символический модус мышления, третичный артефакт

Цитирование: Дашинамаева П. П., Дамбуева С. В. Семиотика китайского иероглифа: от иконического и индексального знака к символическому. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 576–586. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-576-586>

Поступила в редакцию 09.04.2024. Принята после рецензирования 10.06.2024. Принята в печать 10.06.2024.

full article

Semiotics of the Chinese Hieroglyph: From Iconic and Indexical Sign to Symbolic

Polina P. Dashinimaeva

Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

eLibrary Author SPIN: 4712-7974

<https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Sofia V. Dambueva

Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

eLibrary Author SPIN: 1291-5204

<https://orcid.org/0009-0003-2104-765X>

sofyadambaeva92@gmail.com

Abstract: Chinese hieroglyphic writing has developed ways of recording meanings that differ from those in alphabetic systems, which generates interest in the hieroglyph as an object of research. This study complements the semiotic theory, which is usually applied to alphabetic systems, while looking for a complementary way to describe the ambiguous semiotics of Chinese writing. The study relied on a cross-disciplinary approach, i.e., the theory of semiosis in synthesis with the cultural-historical concept and a tertiary artifact as a link between them. A tertiary artifact corresponds to the semiotic sign-symbol, which is an implicit valuable textual category that cannot be manifested in a specific sign. The theory of artifacts was used in conjunction with a semiotic approach to the analysis of Chinese writing, both at the level of individual signs and at the text level. Diachronically, Chinese hieroglyphic signs tended towards symbolic semantics as they evolved, especially in cases where object nomination was motivated. As a synchronic example, the authors used a compositionally complex text of Wang Wei's poem *Magnolia Valley* (辛夷坞), which illustrates the symbol both implicitly and explicitly. The analysis proved that semiotic ideas applied to alphabetic languages can be applied to Chinese writing but with the following caveat: in Chinese text, the implicit semantics of the symbol, being associated with a visually vivid imagery, hints at the symbol hidden behind the lines. Unlike letters, the hieroglyph possesses an additional technical potential for constructing an explicit series of images, thus contributing to a more effective comprehension of the main idea and morals, the emergence of which is regulated by its symbolic mode.

Keywords: hieroglyph, artifact, symbol, sign, symbolic mode of thinking, tertiary artifact

Citation: Dashinimaeva P. P., Dambueva S. V. Semiotics of the Chinese Hieroglyph: From Iconic and Indexical Sign to Symbolic. *SibScript*, 2024, 26(4): 576–586. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-576-586>

Received 9 Apr 2024. Accepted after peer review 10 Jun 2024. Accepted for publication 10 Jun 2024.

Введение

В случае анализа языковых и речевых явлений с привлечением достижений семиотики в целом и прагматической семиотики в частности следует учитывать неоднозначность их проявления. Многие семиотические идеи, иллюстрируемые на материале алфавитного письма, можно применить к китайской иероглифике лишь в определенной степени, что объясняется особенностями ее лингвогенеза. Целью данного исследования является поиск дополнительного способа описания неоднозначной семиотической системы китайской письменности. Принцип дополнительности в описании объекта – китайского семиотического знака (иероглифа) – обуславливает применение кросс-дисциплинарного подхода, интегрирующего теорию семиозиса и культурно-историческую концепцию. Данный подход позволяет рассматривать китайский

иероглиф как семиотический знак, сложная природа которого более отчетливо эксплицируется в рамках культурного артефакта.

Американский кросс-культурный психолог М. Коул, последователь российской культурно-исторической школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, развивает предложенную ими идею орудийного опосредования мира, согласно которой орудие не только радикально изменяет условия жизни человека, но и непосредственно влияет на него самого, порождая в нем психические изменения (в качестве орудия здесь понимается в первую очередь язык). Данную идею, отсылающую к культурно-исторической психологии, можно обнаружить у А. Р. Лурии. Основным отличием человека от животных А. Р. Лурия называл способность изготавливать и использовать орудия. Причем

он подчеркивал, что помимо радикального изменения условий существования человека орудие способно оказывать на него самого обратное действие в том смысле, что орудия порождают изменения в самом человеке и его психическом состоянии. Поскольку орудия дали человеку возможность подчинить себе природу, это наложило отпечаток на его психику и способствовало овладению высшими психическими функциями. Однако, по мнению А. Р. Лурии, на данном этапе эволюции человечества роль орудий уже отводилась знакам и знаковым средствам [Luria 1928: 493].

М. Коул использует понятие *орудие* не в строго языковом плане [Коул 1997]. Он рассматривает орудие как категорию, производную от более общего понятия *артефакт*, под которым понимает аспект материального мира, являющийся одновременно материальным и идеальным (концептуальным). Суть идеи одновременной материальности и идеальности артефактов отражена в работе американского философа и психолога Дж. Дьюи: «Орудия и произведения искусства – это просто предшествующие естественные вещи, измененные ради эффективного включения в некоторый тип человеческого поведения»¹ [Dewey 1922: 92]. Двойственная материально-концептуальная природа артефактов нашла свое отражение у российского философа Э. Ильенкова и его последователей: «Будучи созданным как воплощение цели и включенным в жизнедеятельность определенным образом, природный объект приобретает особое значение. Это значение – "идеальная форма" объекта, форма, которая не включает в себя ни единого атома осязаемой физической субстанции, которой он обладает» [Bakhurst 1991: 182]. Такими орудиями, т. е. артефактами поведения предыдущих поколений в овеществленной внешней форме (артефакты одновременно и материальны, и идеальны), наполнено все окружение человека. Таким образом, М. Коул представляет культуру как среду, состоящую из целого множества преобразований окружения (артефактов), накопленных человечеством в ходе своего исторического развития.

Теория артефактов получила широкое распространение: сегодня она используется не только строго в культурологии, но и в истории, психологии, этнопсихологии, лингвистике. В связи с логической стройностью данной теории, предлагающей рассматривать разряды артефактов по критерию убывания денотативной семантики, ее можно применить в анализе

семиосферы естественного языка. П. П. Дашинамаева использует теорию артефактов как методологический каркас для описания регионального миноритарного языка в рамках функциональной триады (Что? Региональный язык РФ. Как? В какой степени и как используется. Почему? Каковы основания подобного использования) [Дашинамаева 2018]. С. В. Лурье на основе теории артефактов разрабатывает понятие *комплекс культурных констант*, которое определяется как интериоризированный обобщенный культурный сценарий [Лурье 2010]. Й. Энгерстрем применяет теорию артефактов в реконструкции деятельности работников здравоохранения [Engeström 1990]. Р. Миеттинен в свою очередь находит применение артефактной теории для разработки творческой модели производственной системы этанола [Miettinen 1999]. Л. Хабиб и Л. Виттек в своем исследовании представили портфолио обучающихся как артефакт: портфолио, будучи центральным инструментом в учебной программе, посредством которого ученики могут проследить свой прогресс в обучении, придает обучению рефлексивно-ориентированный характер [Habib, Wittek 2007].

Интересно отметить, что предтечей концепции М. Коула была широко применяемая классификация артефактов как триады перцептивной репрезентации внешнего мира, разработанная в области исторической эпистемологии философом М. Вартофским в работе "Models" [Wartofsky 1979]. Согласно классификации М. Вартофского, которую привлекает М. Коул, артефакты первого, второго и третьего уровней репрезентируют соответственно: 1) материальные продукты культуры; 2) культурные схемы; 3) миры воображаемой практики или представления вторичных артефактов [Коул 1997]. Если с пониманием первичных артефактов нет никаких сложностей, ведь материальные продукты культуры объективны и реальны, то вторичные и третичные как материально-концептуальные артефакты нуждаются в более детальном рассмотрении.

Наиболее понятное толкование сущности вторичного артефакта можно обнаружить у Кэтрин Нельсон, которая строго привязывает культурные схемы к скриптам: «Культурные схемы выступают как формы консервации и передачи культурно заданных способов действия. Один из особенно важных видов культурных схем получил название сценария. Сценарии определяются как обобщенные репрезентации событий или, иначе говоря, схемы событий. Сценарии

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи, помимо специально обозначенных случаев.

устанавливают людей, участвующих в данном событии, исполняемые ими роли, объекты, вовлеченные в это событие, последовательность действий, намечаемые цели и т.д.» [Nelson 1981: 101]. Вторичный артефакт в роли культурной схемы предоставляет возможность людям консервировать и передавать культурные практики, ритуалы и обычаи следующему поколению. В некоторых отечественных синологических исследованиях в аналогичной функции вторичного артефакта выступают аксиологемы, служащие средством сохранения и передачи культурных знаний следующим поколениям. В китайской традиции ключевой аксиологемой является 礼 (ритуал), который включает в себя систему обрядов на всех социальных уровнях [Хадеева 2018]. Аксиологемой может выступать сам язык, например, устоявшиеся фразеологизмы *чэньъюй* в китайском языке ввиду своей семантической неразложимости не только сохраняют культурные ценности прошлых поколений, но и передают их следующим в первозданном виде [Косарева, Стефановская 2021: 381].

Наиболее размытым и сложным для понимания является третичный артефакт. Для определения его сути может помочь иллюстрация самого М. Коула: "It is in this spirit that Gordon Wells (1999) wrote that Shakespeare's Richard III would be an example of a dramatic tertiary artifact, and an actual production might well make use of **an axe symbolically to represent an execution**" [Cole 2019]. Иначе говоря, третичный артефакт может выступать символической репрезентацией практики (казни), связанной с орудием как первичным артефактом (топором).

Помимо данного примера определения третичного артефакта, существуют дополнительные его толкования. По мнению М. Вартофского, третичные артефакты способны тем или иным образом придавать новую окраску и менять восприятие реального мира, визуализируя изменения текущей практики. Причем при взаимодействии с третичными артефактами приобретаются новые способы поведения, которые не ограничиваются непосредственным контекстом их использования. М. Вартофский распространяет свое понимание третичных артефактов на произведения искусства и процессы восприятия [по: Cole, Derry 2005].

Проиллюстрируем артефактный подход, используя пример, предложенный М. Коулом: топор в качестве первичного артефакта представляет собой материальное орудие труда, созданное в форме, наиболее пригодной для рубки дерева. На втором уровне топор

выступает как материально-идеальное целое, состоящее из орудия и всех возможных сценариев действий с ним: рубки дерева, колки дров, устрашения кого-либо им в качестве холодного оружия и т.д. Наконец, на третьем уровне, как показано у М. Коула (в художественном произведении), топор интерпретируется как символ приведения наказания в исполнение.

Как было показано выше, М. Коул связывает воображаемые практики с мышлением вокруг символа как аксиологической категории – так же как и многие другие исследователи относят третичный артефакт к категории оценочно-мыслительной деятельности. Обоснованием рассмотрения третичного артефакта в статусе символа является его знаковая природа: символ входит в область семиотики, однако относительно иконы и индекса по критерию *близость манифестации к референту* он занимает самую дальнюю дистанцию.

Здесь рассмотрим, как видит место символа заслуженный авторитет философской семиотики Умберто Эко. В работе «Семиотика и философия языка», будучи неудовлетворенным терминологической неопределенностью номинации *символ* в семиотике, он ставит задачу выделения ядра символа через терминологическое отделение символа от знака и исключение тех видов знака, которые не отвечают критериям символа [Есо 1983: 132–133].

Продемонстрировать своеобразие интерпретации символа У. Эко наиболее наглядно можно в сопоставлении с определением символа одного из основоположников семиотики Чарльза Сандерса Пирса. Если в семиотике Ч. Пирса символ – это один из видов знака наряду с иконой и индексом, относящийся к объекту, который он обозначает, на основе Закона (конвенции), прямо и недвусмысленно обозначающий то, для чего он предназначен, на базе ассоциации общих идей [Peirce 1935], то в понимании У. Эко символ является не знаком, а особым модусом или режимом мышления, текстуальной модальностью, актуализирующейся посредством прагматического решения: «Я хочу интерпретировать текст символически» [Есо 1983: 163]. Е. Е. Бразговская в своей монографии «В лабиринтах семиотики. Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства» в разделе, посвященном У. Эко, подчеркивает, что человек сам решает, в каком модусе он интерпретирует символ. Только в этих пластических трансформациях рождается человеческая личность и происходит информационный прогресс культуры. По определению Е. Е. Бразговской, символ – это не знак, а режим

мышления, при помощи которого икона и индекс переводятся в символический план. Когнитивный потенциал символа – выводить человека из физического пространства в пространство идей, тем самым расширяя среду человеческого существования [Бразговская 2018: 42].

О символе как о текстовой категории писал один из основоположников отечественной семиотики Ю. М. Лотман. В своей монографии «Внутри мыслящих миров» он пишет, что символ и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, т. е. обладает некоторым единым, замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста. Ю. М. Лотман выделяет в символе обязательное наличие чего-то архаического, т. е. символ имеет способность еще с дописьменных времен сохранять в свернутом виде обширные пласты текстов. Благодаря такой способности символ выступает конденсатором памяти культуры и в том числе ее системообразующим фактором. Попадая в текст, символ выступает как посланец других культурных эпох. С одной стороны, он трансформирует текст, с другой – под влиянием текста трансформируется сам [Лотман 2022: 167–170].

Вместе с тем У. Эко и Ю. М. Лотман подчеркивают неопределенную природу символа. У. Эко отмечает, что символ – это намек на нечто, что не может быть понято однозначно [Есо 1983: 144], Ю. М. Лотман – что «содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» [Лотман 2022: 167]. Таким образом, в семиотическом аспекте символ – это текстовая категория, т. е. по функциональному потенциалу нечто большее, чем икона и индекс. Сообразно этой идее в артефактной концепции мы идем вслед за У. Эко и Ю. М. Лотманом, потому предполагаем, что символ в тексте предстает как оценочная сущность, некими невидимыми нитями пронизывающая все текстовое полотно, где икона и индекс проявляются как зависящие от символической семантики элементы текста. В этом методологическом ключе – от Ч. Пирса к У. Эко и Ю. М. Лотману, затем к М. Вартофскому и М. Коулу – доказывается понимание третиного артефакта как подсистемы ценностей. Как и в случае со смыслом или месседжем сообщения, адресант обычно не говорит напрямую *я отношусь к этому явлению таким-то и таким образом*, а выражает свое отношение к заданной ситуации

имплицитно, а адресат в процессе восприятия текста приходит к осознанию сути символа, «маячащего» между и за строками, т. е. нематериализовавшегося в определенном знаке.

Методы и материалы

В этом исследовании делается попытка применения описанного выше синтезированного подхода к описанию функционирования китайского письменного знака. Это значит, что с точки зрения культурно-исторической перспективы предпринимается попытка применения теории артефактов в совокупности с семиотическим подходом к анализу китайской письменности на уровне изолированного знака и на уровне текста. Диахронический подход, т. е. обращение к фрагменту лингвогенеза китайского языка, позволяет отследить эволюцию артефактной семантики иероглифа и его приход к символической манифестации образа мира в языке. Актуализация символа в конкретном тексте наглядно демонстрирует как пиктографическая природа, а также технический потенциал иероглифа конструируют эксплицитный ряд образов, декодирование которых способствует наиболее полному пониманию произведения.

Актуализация символической семантики в синхроническом срезе иллюстрируется на примере стихотворения 辛夷坞² (Долина Магнолий):

木末芙蓉花，
山中发红萼。
涧户寂无人，
纷纷开且落。

Данное произведение является восемнадцатым из двадцати двух стихотворений из сборника 辋川集 (Река Ванчуань) известного китайского поэта эпохи Тан Ван Вэй. Стихотворение состоит из четырех строк, в которых автор описывает распускание цветка магнолии, а затем его угасание. В рамках нашего анализа рассматривается первая строка, состоящая из пяти иероглифов, в которой речь идет о распускании магнолии.

Учитывая тот факт, что символ в нашем исследовании определяется как текстуальная модальность, в качестве базового метода исследования произведения используется семиотический анализ как наиболее эффективный метод раскрытия в тексте кодов разных уровней, участвующих в построении образа. По сути – это выявление интертекста (текста в тексте) художественного произведения и понимание его роли в художественном целом.

² Ван Вэй. Река Ванчуань. Собрание стихотворений. СПб.: ИД Кристалл, 2001. С. 129.

Результаты

Наиболее древняя и устойчивая семиотическая классификация иероглифов датируется 121 г. н. э. и принадлежит великому грамматологу и лексикографу Сюй Шэню (58–148 гг. н. э.). В своей работе *说文解字* (Изъяснение письмен и толкование иероглифов) Сюй Шэнь разделил китайские письменные знаки на шесть категорий: пиктографическая, указательная, идеографическая, фоноидеографическая, видоизмененная и заимствованная категории [Готлиб 2019: 44]. Следующая наиболее значимая классификация трех категорий, предложенная в первой половине прошлого века в трактовке синолога-грамматолога Тан Ланя, представляет собой переосмысление шестикатегорийной классификации китайских письменных знаков: пиктограммы, идеограммы и фоноидеограммы [Tang Lan 2005].

В отечественной синологии использовались как традиционные шестисоставные классификации знаков, так и трехсоставные. В. М. Солнцев в статье «Китайское письмо» в Лингвистическом энциклопедическом словаре пишет о шести категориях иероглифов, которые ныне сводятся к трем группам: пиктограммы и идеограммы, фоноидеограммы и заимствованные иероглифы [Солнцев 1990].

В нашей работе мы следуем той классификации китайских письменных знаков, которая характеризует основу всех классификаций знаков, т. е. вскрывает семиотический характер знака и его связь со звучанием определенной языковой единицы, а именно:

- пиктограммы – визуально мотивированные знаки;
- идеограммы – логически мотивированные знаки (имеется в виду мотивированность логического порядка, созданная под влиянием культурных ценностей);
- фоноидеограммы – логически мотивированные знаки, которые включают в себя пиктографический компонент и часть, так или иначе фиксирующую чтение знака, при этом фонетик может не только передавать свое звучание иероглифу, но полноценно участвовать в формировании значения [Готлиб 2019: 54], а пиктографический компонент выполняет некую таксономическую функцию передачи родового признака;
- заимствованные иероглифы (самая малочисленная группа) – произвольные знаки, первоначально созданные для записи определенных слов, а затем заимствованная у них форма выражения использовалась для номинации других слов. Некоторые исследователи считают, что эта группа не имеет

отношения к формообразованию иероглифов. Например, китайский лингвист Ван Ли считает, что двухчастной модели (идеограммы и фоноидеограммы) более чем достаточно для классификации китайских знаков [Wang Li 2015].

Происхождение китайской письменности связано с гадательными практиками периода династии Шан 甲骨文 (гадательные знаки). В ходе гаданий кости животных либо черепахи панцири подвергались нагреванию до появления трещин, чьи вариации считывались как знаки, предсказывающие будущее [Крюков 1973]. Опираясь на понимание символа У. Эко и Ю. М. Лотмана, можно предположить, что эти знаки интерпретировались в символическом модусе мышления: жрецы считывали иконы-образы окружающего мира с икон-схем проступающих на костях рисунков, которые преобразовались в архаичные символы-иероглифы, они же – первые пиктограммы. Таким способом осуществлялась коммуникация с высшими силами: в древнем Китае иероглифы интерпретировались как символические послания богов и тени вещей. Г. П. Сердюченко отмечает, что китайская иероглифика, подобно многим другим видам письменности, развилась из рисуночного письма, иначе называемого пиктографией. Пиктограммы, т. е. рисунки, изображающие форму, внешний вид отдельных предметов или явлений окружающего мира, и были первыми, наиболее древними знаками китайской письменности [Сердюченко 1959].

В книге *说文解字* (Изъяснение письмен и толкование иероглифов) Сюй Шэнь писал, что идеограммы возникли для обозначения абстрактных идей, с этой целью использовались комбинации двух и более пиктограмм с конкретным значением. Поскольку в процессе соединения происходит семантизация в сторону ухода от соответствующих референтов, постольку данные комбинации представляют собой потенциальные метафоры. Э. Феноллоза и Э. Паунд в своей работе «Китайская письменность как средство поэзии» [Fenollosa, Pound 2008] относят пиктограммы к естественному материальному объекту, а идеограммы – к духовному образу, чему-то метафорическому. «В китайской поэзии каждый иероглиф имеет как минимум два оттенка значения: природный и духовный, или образ и его метафорический диапазон» [Taniguchi 1983: 2]. Ф. Ченг в «Китайском поэтическом письме» отмечает, что связь идеограмм с обозначаемыми материальными объектами и между графемами внутри образует метафоро-метонимическую систему.

Соединение двух или более графем часто создает множество различных коннотаций [Cheng 1982]. Здесь логично предположить, что идеограмма как метафорометонимическое образование является триггером для дальнейшего переключения в символический режим знания.

Опираясь на определение третичного артефакта как символического модуса интерпретации, можно предположить, что идеограммы представляют собой категорию сложных знаков китайской письменности, появившихся в результате творческого переосмысления конкретных пиктограмм. Напомним, что пиктограммы как первый этап развития китайской письменности обозначали материальные объекты реального мира, например: 木 (дерево), 人 (человек), 日 (солнце), 月 (луна), 马 (лошадь), 雨 (дождь), 山 (гора) и т. д. С развитием культуры письма естественным образом потребовалась номинация абстрактных объектов, таким образом появляются идеограммы: 亻 (человек) и 木 (дерево) = 休 (отдых); 心 (сердце) и 中 (середина) = 忠 (верность); 亻 (человек) и 言 (речь) = 信 (искренность).

Переосмысление пиктограмм часто, как показывает лингвогенез в общем и диахронические словари, действительно, имело тенденцию видоизменяться в сторону символизма. Например, идеограммы 姤 (ругаться, глупый), 姦 (зло) состоят из суммы простых иероглифов 女 (женщина): буддийская философия отдает предпочтение благородному молчанию, а не праздным и ненужным пересудам и сплетням, источником которых является женщина. Также мы можем предположить, что отрицательная символика, детерминированная поведением болтливой женщины, восходит к древнекитайской философии *инь и ян*, построенной на противопоставлении 阳 (светлого) и 阴 (темного), соответственно, мужского и женского начал.

В некоторых отечественных семиотических исследованиях тенденция перехода от конкретных знаков к абстрактным определяется как процесс семиотического ослабления. С. Г. Проскурин в своей монографии «Семиотика. Язык, культура, право», отмечая, что знаку присуще «выветривание», демонстрирует закон семиотического ослабления на примере эволюционных ступеней концепта *суд*. В древнейшем римском документе присутствует формула *ius ducere*, которую обычно переводят как *вести на судоговорение*, при этом *вести* имеет значение *вести силой*, т. е. подразумевает физическую расправу. Так, тождество знака и действия сохраняется, однако позже концепт сменяется ослабленным семиотическим действием *наказание*,

в дальнейшем – *слабым закон*. Пример эволюции концептов *тянуть – вести – судить* демонстрирует тенденцию стремления знака к семиотическому ослаблению [Проскурин 2024: 64].

В статье Д. С. Лебедевой отмечена тенденция лингвогенеза китайских знаков к семиотическому ослаблению. Автор отмечает, что пиктограммы относятся к сильным знакам, идеограммы – к ослабленным, а фоноидеограммы – к слабым. На примере пиктограммы 日 (солнце) автор демонстрирует, как происходит семиотическое ослабление с течением времени. Если в классическом литературном китайском языке 文言 (вэньянь) знак 日 (солнце) выступал как самостоятельная единица, то при переводе классических текстов на современный разговорный язык 白话 (байхуа) данный знак заменяется на другие синонимичные ему существительные. Пиктограмма 日 (солнце) сейчас чаще всего выступает либо в роли графемы внутри иероглифа и дает ему семантику *день, время* или входит в состав двусоставных существительных с семантикой *повседневность, расписание, восход, закат* [Лебедева 2023: 3283].

На переосмысление в сторону символизма указывает профессор Тайбэйского университета Лянг Тин, особенно в части описания явления под названием *formation*, в нашем переводе – *способ появления иероглифов*. Описывая два способа появления иероглифов – произвольный и мотивированный, он, опираясь на определение символа Ч. Пирса, выделяет среди мотивированных знаков такую группу, как символы. Приведем два примера из его работы, которые ярко иллюстрируют нивелирование ядерного значения денотата в сторону ценностно-символического: идеограмма 武 (военное дело, военное искусство) состоит из иероглифов 止 (останавливать) и 戈 (оружие), что выражает этическое представление китайцев о том, что надлежащей целью использования военной силы является цель остановить войну; иероглиф 信 (истина, доверие или заслуга) представляет собой комбинацию 亻 (человек или народ) и 言 (слова, речь), в результате их сочетания манифестируется семантика *словам человека следует доверять* [Ting 2022: 117]. Оба эти иероглифа можно считать символами, т. к. их структура и идиоматика создания совокупного значения отражают общепринятые в определенный исторический период этические убеждения.

В рамках обсуждаемой темы процесс определения символа как артефакта и разграничение символа как семиотического знака от иконы и индекса можно также описать в рамках принципа номинирования –

с помощью произвольного или мотивированного знака. Логично предположить, что в процессе функциональной эволюции письменности первоначально китайцы избрали визуализирующий путь репрезентации – мотивированный принцип номинирования, затем постепенно происходило пере- и доосмысление, в результате чего возникали символы как продукты договоренности и конвенциональности. Таким образом, первичный мотивированный способ появления иероглифов становится основой внутренней мотивации к дальнейшему осмыслению уже существующих иероглифов в аксиологическом аспекте. Конечно, это не значит, что в Древнем Китае познание было лишено символического мышления: оно передавалось на уровне устного общения.

Проиллюстрировав на уровне лингвогенеза, т. е. диахронии, становление третичного артефакта, мы можем перейти к обсуждению того, как символ актуализируется в конкретном тексте, т. е. в синхроническом срезе.

Пиктографическая (не буквенно-алфавитная, а визуальная) природа иероглифа как одно из средств актуализации символического модуса интерпретации может быть наглядно продемонстрирована на материале стихотворения Ван Вэя под названием 辛夷坞 (Долина магнолий) из цикла 辋川集 (Река Ванчуань):

木末芙蓉花，
山中发红萼。
涧户寂无人，
纷纷开且落。

Рассмотрим первую строку: 木末芙蓉花 (Как будто раскрылись лотосы на ветвях...³). Даже тот, кто совершенно не знаком с китайской письменностью, на примере данной строчки заметит, что каждый последующий иероглиф композиционно сложнее предшествующего. Впечатляет, насколько искусно поэт играет знаками: количество черт увеличивается с каждым последующим иероглифом, т. к. строка визуальна изображает процесс роста, усложнения, цветения магнолии. Первый иероглиф обозначает 木 (дерево), затем тот же самый пиктографический знак 木 (дерево) дополняется горизонтальной чертой, обозначающей 末 (кончики ветвей). Далее следует 芙 (бутоны), затем происходит 蓉 (раскрытие бутона), и, наконец, визуализируется сам 花 (цветок). Интерпретатор наблюдает за раскрытием цветка магнолии на ветвях в развитии, как на киноленте или в комиксе. Символично не только означаемое этих знаков,

но и форма: означающее также поддается интерпретации в символическом модусе. Передать идею развития и роста подобным способом при переводе на алфавитный язык невозможно, что свидетельствует о том, что иероглифическое письмо обладает техническим потенциалом выражения абстрактных идей при помощи икон и индексов, в итоге актуализируя символический модус всего текста. Одновременно считываются эксплицитно заложенная в стихотворении идея физической гармонии и совершенства природы и замысел автора имплицитно передать идею духовного развития человека.

Теперь рассмотрим эту же строку с точки зрения концептуально-композиционной структуры иероглифа, актуализирующей символический модус интерпретации: первые два иероглифа 木 (дерево) и 末 (кончики ветвей) содержат в своей структуре иероглиф 人 (человек). Третий иероглиф 芙 (бутоны) в составе имеет иероглиф 夫 (мужчина), который в свою очередь внутри себя содержит иероглиф 人 (человек), что можно интерпретировать как внутренний мир человека. Четвертый иероглиф 蓉 (раскрытие бутона магнолии) включает в себя иероглиф 容 (лицо), а в иероглиф 容 (лицо) включен иероглиф 口 (рот), интерпретируемый как речь. Наконец, пятый иероглиф 花 (цветок) включает в себя элемент 化 (трансформация), внутри которого присутствует 亻 (человек). То есть в составе каждого иероглифа этой строки скрыт человек (или часть его тела), который, как и цветок, подвержен трансформации.

Таким образом, если в первом анализе этой строки пиктографически в развитии отображается раскрытие магнолии, где с каждым последующим иероглифом наращивается количество черт, то в анализе этой же строки в символическом модусе, посредством технического потенциала иероглифа «мерцает» символическое послание, в котором речь идет уже не о цветке, а о совершенствовании как речи и внешности человека (口 рот, 容 лицо), так и внутреннего мира человека, участвующего во вселенской эволюции (人 человек в 夫 мужчине).

Концептуально-композиционное наращивание структуры иероглифического образного ряда служит для перехода в символический модус интерпретации, где процесс цветения магнолии воспринимается как трансформация внутреннего и внешнего мира человека, в том числе его речи, во имя духовной эволюции человечества.

³ Перевод А. В. Матвеева.

Данная иллюстрация представляет доказательную силу и другого измерения. Подобная композиционная аранжировка китайского текста выдвигает на первый план ту семиотическую разницу восприятия, которая невозможна в случае алфавитной письменности, не владеющей способом передачи мотивированности в визуализации: иероглиф владеет дополнительным техническим потенциалом конструирования эксплицитного ряда образов, считывание которого способствует более эффективному вычленению смысла и морали произведения. А его символический модус управляет и регламентирует появление последних.

Конечно, сам тезис Ю. М. Лотмана и У. Эко, иллюстрировавшийся в исследованиях через европейские языки, релевантен для любого естественного языка: символ выступает как имплицитная текстуальная модальность. Оговорка-поправка заключается в том, что в китайском тексте имплицитная семантика символа, будучи сопряженной с наглядно-визуальным рядом образов, начинает подсказывать, какой символ спрятан за строками.

Заключение

Концепцию символа как текстуальной модальности нельзя понимать в абсолюте применительно к анализу китайского текста: концептуально-композиционная структура, пиктографическая природа письменных китайских знаков являются дополнительными средствами идентификации символа.

Важно отметить, что эволюция изолированного иероглифа шла к символической семантике в случаях, когда графемы складывались в иероглифе логически мотивированно. С диахронической точки зрения в любом языке можно обнаружить появление эксплицитной номинации символа. В этом исследовании мы дополняем концепции Ю. М. Лотмана и У. Эко в текстово-синхронической позиции: опция имплицитного кодирования вкупе с эксплицитными элементами доступна только иероглифической письменности. Исторически так сложилось, что китайский

знак, будучи пиктографическим, не может не указывать эксплицитно на наращивание семантики до символа. В пиктографической письменности визуализация является основным приемом выражения, и письменность, уже будучи развитой и усовершенствованной, не может не производить визуализированный ряд.

Также отметим, что идеи У. Эко и Ю. М. Лотмана служат доказательством того, что третичный артефакт есть ценностная категория, которая в тексте не материализуется в каком-то определенном знаке, а считывается по мере декодирования смысла всего текста, особенно в части, где использованы культурно-рельефные знаки в виде первичных артефактов, индексальных знаков как вторичных артефактов, обозначающих когнитивные культурные схемы, состоящие из сценариев поведения, и далее к заключению о ценностной имплицитной текстовой категории, т. е. о сущности третичного артефакта, иногда представляемого в китайском тексте как эксплицитно, так и имплицитно.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: П. П. Дашинимаева – концептуализация идеи, формулирование целей и задач исследования, разработка методологии, курирование данных. С. В. Дамбуева – сбор теоретического материала, анализ и интерпретация данных в рамках отобранной методологии.

Contribution: P. P. Dashinimaeva developed the research concept, goals, objectives, and methodology, as well as provided scientific counselling. S. V. Dambueva compiled theoretical material and analyzed the data in line with the methodology.

Литература / References

- Бразговская Е. Е. В лабиринтах семиотики. Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 224 с. [Brazgovskaya E. E. *In the labyrinths of semiotics. Essays and studies on general semiotics and semiotics of art*. Moscow-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2018, 224. (In Russ.)]
- Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. 2-е изд., перераб. М.: ВКН, 2019. 312 с. [Gotlib O. M. *Fundamentals of grammar of Chinese writing*. 2nd ed. Moscow: VKN, 2019, 312. (In Russ.)]

- Дашинимаева П. П. Методологическая перезагрузка теории артефактов в вопросе описания функционирования регионального языка. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2018. № 4-2. С. 3–8. [Dashinimaeva P. P. Methodological restart of artifact theory: Regional languages functioning description. *Bulletin of Buryat State University*, 2018, (4-2): 3–8. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-2-4-3-8>
- Косарева Е. К., Стефановская С. В. Классификация 成语 (чэньюй) традиционного свадебного обряда в русле аксиологического подхода. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021. № 12-11. С. 380–388. [Kosareva E. K., Stefanovskaya S. V. Classification of 成语 (chengyu) of traditional wedding ceremony in terms of axiological approach. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2021, (12-11): 380–388. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dvhexv>
- Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997. 432 с. [Cole M. *Cultural psychology: A once and future discipline*. Moscow: Kogito-Tsentr, 1997, 432. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/raxurr>
- Крюков М. В. Язык иньских надписей. М.: Наука, 1973. 135 с. [Kryukov M. V. *The language of Yin inscriptions*. Moscow: Nauka, 1973, 135. (In Russ.)]
- Лебедева Д. С. Семиотическое ослабление сильного иероглифического знака «солнце» в китайском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 10. С. 3280–3286. [Lebedeva D. S. Semiotic weakening of the strong hieroglyphic sign "sun" in the Chinese language. *Philology. Theory & Practice*, 2023, 16(10): 3280–3286. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230509>
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 448 с. [Lotman Yu. M. *Inside the thinking worlds*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2022, 448. (In Russ.)]
- Лурье С. В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. Т. 13. № 2. С. 152–167. [Lurye S. V. Generalized cultural script and socio-cultural systems functioning. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2010, 13(2): 152–167. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ncfhjh>
- Проскурин С. Г. Семиотика. Язык, культура, право. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024. 252 с. [Proskurin S. G. *Semiotics. Language, Culture, and Law*. 2nd ed. St. Petersburg: Lan, 2024, 252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjfnfs>
- Сердюченко Г. П. Китайская письменность и ее реформа. М.: Вост. лит., 1959. 55 с. [Serdyuchenko G. P. *Chinese writing and its reform*. Moscow: Vost. lit., 1959, 55. (In Russ.)]
- Солнцев В. М. Китайское письмо. *Лингвистический энциклопедический словарь*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. [Solntsev V. M. Chinese writing. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. Entsikl., 1990. (In Russ.)] URL: <https://tapemark.narod.ru/les/226a.html> (accessed 10 Feb 2024).
- Хадеева А. П. Номинативная плотность вершины фрейма «свадебный ритуал» как репрезентация ценности ритуала в китайском языке. *II Готтлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: Междунар. науч. конф. (Иркутск, 18–21 сентября 2018 г.)* Иркутск: ИГУ, 2018. С. 291–295. [Khadeeva A. P. The nominative density of top of the "wedding ritual" frame as representation of the value of ritual in the Chinese language. *2nd Gottlieb Readings: Fundamental and topical problems of Oriental and Regional studies of the Asia-Pacific countries: Proc. Intern. Sci. Conf., Irkutsk, 18–21 Sep 2018*. Irkutsk: ISU, 2018, 291–295. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ypgfyd>
- Bakhurst D. *Consciousness and revolution in Soviet Philosophy: From the bolsheviks to Evald Ilyenkov*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 292.
- Cheng F. *Chinese poetical writing*. Charlottesville: Indiana University Press, 1982, 255.
- Cole M. Re-covering the idea of a tertiary artifact. *Cultural-Historical Approaches to Studying Learning and Development. Societal, Institutional and Personal Perspectives*, eds. Edwards A., Fleer M., Bøttcher L. Singapore: Springer, 2019, 303–321. https://doi.org/10.1007/978-981-13-6826-4_20
- Cole M., Derry J. We have met technology and it is us. *Intelligence and technology. The impact of tools on the nature and development of human abilities*, eds. Steinberg R. J., Preiss D. D. NY-L.: Routledge, 2005, 209–227.
- Dewey J. *Human nature and conduct: An introduction to social psychology*. NY: Henry Holt and company, 1922, 333.
- Eco U. *Semiotics and the philosophy of language*. Bloomington: Indiana University Press, 1983, 242.
- Engeström Y. *Learning, working, imagining. Twelve studies in activity theory*. Helsinki: Orienta Konsultit Oy, 1990, 272.
- Fenollosa E., Pound E. *The Chinese written character as a medium for poetry*. NY: Fordham University Press, 2008, 240.
- Habib L., Wittek L. The portfolio as artifact and actor. *Mind, Culture, and Activity*, 2007, 14(4): 266–282.

- Luria A. R. The problem of the cultural development of the child. *Journal of Genetic Psychology*, 1928, 35: 493–506.
- Miettinen R. The riddle of things: Activity theory and actor-network theory as approaches to studying innovations. *Mind, Culture, and Activity*, 1999, 6(4): 170–195.
- Nelson K. Social cognition in a script framework. *Social cognitive development: Frontiers and possible futures*, eds. Flavell J. H., Ross L. NY: Cambridge University Press, 1981, 97–118.
- Peirce C. S. *The collected papers of Charles S. Peirce*. Cambridge: Harvard University Press, 1935, vol. 2, 249.
- Taniguchi I. The Chinese written character as semiogenesis. *The Journal of Human Sciences*, 1983, 19(3): 1–12.
- Ting L. Towards a semiotics of Chinese characters. *Signs and Media*, 2022, 1(2): 111–141. <https://doi.org/10.1163/25900323-12340017>
- Wartofsky M. *Models. Representation and the Scientific Understanding*. Dordrecht: D. Reidel, 1979, 398.
- 唐兰. 中国文字学. 北京: 上海古籍出版社, 2005, 171 页. [Tang Lan. *Chinese philology*. Beijing: Shanghai Ancient Books Publishing House, 2005, 171. (In Chin.)]
- 王力. 古代汉语. 北京: 中华书局, 2015, 572 页. [Wang Li. *Ancient Chinese*. Beijing: Zhonghua Bookstore, 2015, 572. (In Chin.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/loujbv>

Действие закона семиотического ослабления в иероглифической и гадательной системах Древнего Китая

Лебедева Дарья Сергеевна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5470-2855

<https://orcid.org/0009-0008-0722-0096>

darja.lebedeva2012@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены мантические практики Древнего Китая через призму закона семиотического ослабления. Проблема данного исследования заключается в невозможности изучения эволюции иероглифических знаков в отрыве от гадательных практик. Базовые категории, формирующие мировосприятие носителей китайского языка, зародились именно в сфере мантических практик и получили свое оформление в иероглифической записи. Следовательно, изучение взаимосвязи иероглифической и мантической систем позволяет раскрыть особенности развития мысли носителей китайского языка, а именно то, как гадательные практики развились до философской мысли, оформленной в древнем каноническом тексте «Книги перемен». Цель – установить взаимосвязь мантических практик и иероглифических знаков в процессе исторического развития. Актуальность исследования обусловлена всевозрастающим интересом к изучению особенностей лингвокультурных кодов, их формированию и интерпретации. Понимание природы знаков, лежащих в основе каждой культуры, позволит устранить различные проблемы и возможные конфликты, возникающие в ходе межкультурного общения, а также приблизит нас к пониманию устройства человеческого сознания. Данное исследование опирается на труды таких исследователей, как Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, С. Г. Проскурин, В. П. Васильев, Л. С. Выготский, Ю. К. Щуцкий, D. N. Keightley и др. Материалом исследования послужили иероглифические единицы, связанные с практиками гаданий. Использованы методы графемного и этимологического анализа, методы описания и сопоставления. Новизна исследования заключается в том, что изучению китайской культуры с позиции семиотики посвящено относительно небольшое количество публикаций, в сравнении с исследованиями в области индоевропейской семиотики. Полученные результаты позволяют заключить, что гадательная система обладает троичной структурой и проходит три этапа ослабления – тождество, подобие и условность. Основные звенья процесса, которые образуют троичную структуру: получение трещин (первичность), интерпретация (вторичность) и запись результатов (третичность). Иероглифическая система является отражением трансформаций, происходящих в гадательной практике, практика гадания постепенно трансформируется в философскую традицию трактования специальных знаков – триграмм и гексаграмм. Рассмотрение взаимосвязи иероглифической и мантической систем позволяет описать развитие примитивного сознания до философской мысли.

Ключевые слова: семиотическое ослабление, гадания, иероглифика, Китай, триграмма, гексаграмма, Книга перемен, интериоризация

Цитирование: Лебедева Д. С. Действие закона семиотического ослабления в иероглифической и гадательной системах Древнего Китая. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 587–596. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-587-596>

Поступила в редакцию 15.01.2024. Принята после рецензирования 21.02.2024. Принята в печать 26.02.2024.

full article

Semiotic Weakening Law in Ancient Chinese Writing System and Divinations

Daria S. Lebedeva

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5470-2855

<https://orcid.org/0009-0008-0722-0096>darja.lebedeva2012@yandex.ru

Abstract: Academic publications on Chinese semiotics are less numerous than those on Indo-European semiotics. This article shows the mantic practices in ancient China from the perspective of the semiotic weakening law. The evolution of hieroglyphic signs cannot be studied separately from that of mantic practices. The basic mental categories of Chinese mentality originated in mantic practices and were fixed in hieroglyphic writing. This study is an attempt to unravel the evolutionary peculiarities of Chinese mentality, i.e., how mantic practices evolved into philosophy which, in its turn, crystallized as the ancient canonical text of *The Book of Changes*. As the current scientific interest to linguo-cultural codes continues to grow, this research provides an insight into the nature of human mind and hieroglyphic signs, as well as promotes effective intercultural communication. The study relied on the principles developed by C. S. Peirce, C. W. Morris, S. G. Proskurin, V. P. Vasiliev, L. S. Vygotsky, Yu. K. Shchutskii, D. N. Keightley, etc. Hieroglyphs associated with fortune-telling practices were subjected to the methods of grapheme and etymological analyses, as well as the methods of description and comparison, to study the connection of mantic and hieroglyphic systems. The mantic system revealed a ternary structure and three stages of weakening, i.e., identity, similarity, and convention. The main links of the process included cracking (primary), interpretation (secondary), and fixation (tertiary). The hieroglyphic system reflected the transformations of mantic practices, which gradually turned into a philosophical tradition of reading trigrams and hexagrams. The correlation between the two systems made it possible to understand how primitive mantic practices had evolved into philosophy.

Keywords: semiotic weakening, divinations, Chinese characters, China, trigrams, hexagrams, The Book of Change, interiorization

Citation: Lebedeva D. S. Semiotic Weakening Law in Ancient Chinese Writing System and Divinations. *SibScript*, 2024, 26(4): 587–596. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-587-596>

Received 15 Jan 2024. Accepted after peer review 21 Feb 2024. Accepted for publication 26 Feb 2024.

Введение

Мантические практики занимают особое место в системе китайского общества. Помимо того, что гадания оказали существенное влияние на религиозное и философское мировосприятие китайцев, они стимулировали развитие письменной культуры и заложили фундамент для текстологической традиции посредством фиксации гадательного процесса в иероглифической записи. Поэтому изучение практики гаданий и их эволюции позволяет раскрыть особенности развития иероглифической письменности.

Актуальность данного исследования вызвана необходимостью изучения принципов кодирования информации в разных культурах, пониманием, как устроено

сознание носителей разных лингвокультурных кодов. Это понимание позволит помочь в решении проблем, связанных с межкультурной коммуникацией в рамках стремительно растущих темпов глобализации. Описание различных семиотических систем всегда опирается на некоторые закономерности, одной из которых является закон семиотического ослабления, представляющий собой эволюционную закономерность, раскрывающую особенность развития различных феноменов культуры, языка и сознания. В основном данное явление изучено на материалах индоевропейских языков в трудах таких исследователей, как С. Г. Проскурин, А. С. Комкова, Б. М. Клейман.

Однако исследований, направленных на изучение лингвокультурного пространства Китая с семиотической точки зрения, сравнительно мало. Стоит отметить исследования О. М. Готлиба и Feng Lang, предлагающих рассмотреть иероглифическую письменность с применением семиотического подхода. L. Feng подчеркивает, что современная наука, сконцентрированная на когнитивных процессах, рассматривает китайскую иероглифическую письменность как «феномен социального поведения человека, культуры и коллективного психологического познания»¹ [Feng 2023]. Новизна исследования, таким образом, продиктована относительно небольшим количеством трудов и недостаточной степенью изученности китайской культуры с точки зрения семиотики, в отличие от достижений в области семиотики индоевропейской культуры.

Цель – установить взаимосвязь мантических практик и иероглифических знаков в процессе исторического развития. Задачи: рассмотреть принцип троичности, лежащий в основе закона семиотического ослабления; проанализировать процесс гадания с точки зрения синхронии для выявления его взаимосвязи с иероглификой; рассмотреть систему мантических практик в Древнем Китае в диахроническом аспекте для выявления иероглифических изменений, сопровождавших ослабление системы гаданий.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили иероглифические единицы, связанные с практиками гаданий, а также описание самого процесса гадательной практики. При описании иероглифического материала мы опирались на такие методы, как графемный и этимологический анализ. Методы описания и сопоставления использовались при выявлении взаимоотношений между гадательной и иероглифической системами в диахроническом аспекте.

Теоретической базой исследования послужили исследования в сфере семиотики и семиотического ослабления [Моррис 1983; Пирс 2000; Проскурин 2024; Центнер и др. 2015; Jin 2021], научные работы востоковедов, посвященные изучению древних практик гадания в Китае [Виноградский 2014; Еремеев 2005; Зинин 1988; Кожин 2003; Крюков 2012; Щуцкий 1993; Keightley 1978], работы лингвистов о китайской иероглифической письменности [Агеев 2017; Васильев 1898; Гао 1989; Готлиб 2020; Софронов 2007; Feng 2023].

Материалом для иероглифического анализа выступили такие источники, как этимологический онлайн-словарь китайского языка Vividict, онлайн-словарь китайский иероглифов Хань дянь (汉典), Большой китайской русский словарь (БКРС) (онлайн-версия), иероглифический словарь «Шовэнь цзецзы» Сюй Шэня (под редакцией Чай Цзяньхун и Ли Чжаосян, 2001).

Результаты

Для всех семиотических систем характерно наличие некоторой закономерности, в соответствии с которой происходит их развитие. Такой закономерностью выступает эволюционный закон семиотического ослабления, в процессе которого трансформируется и постепенно утрачивается иконичность знаков, что служит ключом к пониманию семантической эволюции семиотических систем. Процесс ослабления знаков подразделяется на несколько трансформационных этапов: «от сильного символа к ослабленному, и затем – совсем слабому» [Проскурин 2024: 69].

Закон семиотического ослабления основывается на принципе троичности, и его проявление характерно для разных феноменов культуры и языка. Так, изначально человеческие жертвоприношения (сильные знаки) замещаются жертвоприношениями животных (субституты), которые в последствии трансформируются в условные знаки, например чтение молитв (слабые знаки) [Центнер и др. 2015: 19].

С. Г. Проскурин подчеркивает, что «троичные структуры регистрируются в социальной организации индоевропейских народов, ... их верованиях (идея Троицы в христианстве), в предрассудках... и суждениях (логический силлогизм), количестве стилей в искусстве (высокий, средний, низкий)» [Проскурин 2024: 21]. Надо отметить, что идея трихотомии имеет особое выражение в культуре и языке Китая. В китайской нумерологии «число "три" символизирует триединство Неба, Земли и человека между ними» [Войтишек и др. 2020: 28]. Данное единство трех составляющих мироздания воплотилось в иероглифе 王 *ван* (правитель). Три горизонтальные линии символизируют единство Неба, Земли и человека, а вертикальная проходит через них, символизируя правителя, объединяющего их. В словаре «Шовэнь цзецзы» иероглиф 王 *ван* разъясняется через слова Конфуция: 一貫三爲王² и *гуань сань вэй ван* – одна черта пересекает три, символизируя правителя.

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² 许慎. 说文解字. 北京: 九州出版社, 2001. 页 8. (Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Цзючжоу, 2001. С. 8.)

Трихотомия находит свое воплощение в специальных знаках – 卦 *gua* (триграммы) – графические знаки, состоящие из комбинации горизонтальных черт двух видов – целые и прерывистые. Всего таких комбинаций может быть восемь, каждая из которых имеет свое название и соотносится с понятиями *инь* и *ян*, с пятью элементами (*у син*), сторонами света, сезонами т.п. Триграммы сочетаются между собой, образуя 64 комбинации гексаграмм. Такие комбинации вместе представляют собой закодированный текст предсказания или философского толкования.

Троичность также видна в классификации иероглифических знаков, представленных в виде трех обобщенных категорий: изобразительные (пиктографические), идеографические и фонетические (фоноидеографические знаки, симвонограммы) [Васильев 1898; Гао 1989: 320; Готлиб 2020: 50–54; Софронов 2007: 471–484]. Из установления соответствия между этапами ослабления и категориями иероглифических знаков следует, что: 1) изобразительная категория иероглифики представляет собой сильные знаки в силу того, что связь между изображаемым объектом и непосредственно знаком очевидна; 2) идеографическая категория представляет собой комбинацию ослабленных изобразительных знаков, направленных на выражение абстрактных понятий; 3) фоноидеографические знаки являются слабыми знаками, поскольку связь между законосителем и референтом условна [Готлиб 2020: 52].

Нельзя не упомянуть Чарльза Сандерса Пирса, который подчеркивал особую роль троичности в семиотической теории, в которой знак традиционно представляют в виде треугольника. Интересна параллель между моделью знака Ч. С. Пирса и моделью иероглифа, представляющего собой единство трех взаимосвязанных компонентов: 形 *син* (форма), 音 *инь* (звучание), 义 и (смысл) [Handbook... 2017: 19] (рис. 1).

Следовательно, идея троичности пропитывает человеческую культуру от античности и до сегодняшнего дня, образуя основу закона семиотического ослабления.

Практика гаданий является одной из древнейших семиотических систем, обладающей своей структурой и своими знаками, и которой свойственны изменения и трансформации. Следовательно, мы можем рассматривать данную систему с точки зрения синхронии и диахронии. В первом случае нас будет интересовать, как протекает процесс гадания с позиции семиотики на конкретном этапе развития; а во втором случае мы сосредоточимся на трансформациях в системе мантических практик и на конкретных формах,

которые данная система приобретала на разных временных отрезках.

За основу рассмотрения гаданий в синхроническом плане мы берем гадания на костях – *бу*, поскольку это древнейшая форма мантической практики в Китае, считающаяся отправным этапом. Стадии процесса гадания на костях и панцирях эпохи Шан-Инь:

1. Первичность (*qualisign*) – образование трещин. Трещины на костях представляют собой первый этап гаданий, на котором перед гадателем стоит задача лишь получения знаков, а не их прочтение. На данном аспекте заострял внимание П. М. Кожин: «Главным правилом гадательной практики является обязательное начало гадания с какого-то эвристического момента, от которого уже далее выстраивается стандартная процедура гадания. Таким моментом наития... может явиться любое неожиданное, непредсказуемое, но явственно выраженное явление: проявление определенного набора графических черт (к примеру, трещин на черепаховом панцире или кости)» [Кожин 2003: 25]. Свойство первичности выражается в том, что гадание на первом этапе получает знаки (трещины), которые по своей сути еще не представляют знака, поскольку они еще не проинтерпретированы. Это лишь качество или потенция, которая может стать знаком. В терминологии Ч. С. Пирса – *qualisign* [Пирс 2000: 171].

2. Вторичность (*sinsign*) – интерпретация результатов гадания. Как только трещины интерпретируются, они становятся реально существующими знаками, конкретными проявлениями или воплощениями, которые интерпретирует гадатель. Так проявляется вторичное

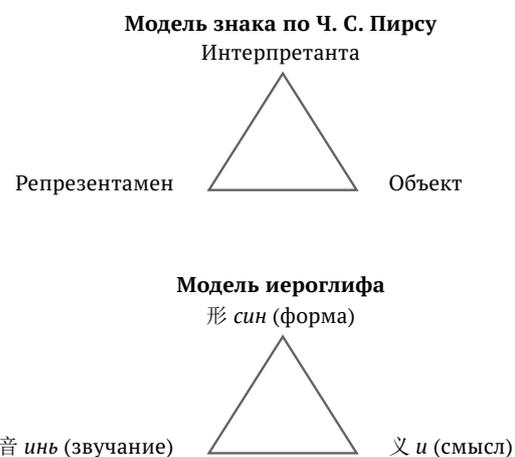

Рис. 1. Модель знака Ч. С. Пирса и модель иероглифа
Fig. 1. Sign model by C. S. Peirce vs. model of Chinese hieroglyph

свойство в гадании, в терминологии Ч. С. Пирса знаки вторичного свойства называются *sinsign* – конкретные проявления [Там же].

3. Третичность (*legisign*) – запись результатов гадания. Третичное свойство гаданий выражается в нанесении на поверхность костей или панцирей результатов гаданий в иероглифической записи. Конкретные знаки (трещины) приобретают свою интерпретацию в форме прогнозов, что формирует гадательные формулы. В терминологии Ч. С. Пирса такой тип знака называется *legisign* [Моррис 1983: 79].

Итак, процесс гаданий по костям представлен тремя взаимосвязанными стадиями. Во-первых, гадатель подготавливал материал для совершения гадательной практики – посредством раскаленного жгута получал трещины в кости. Во-вторых, данные трещины интерпретировались гадателем или правителем в соответствии с заранее определенной темой. В-третьих, результаты гадания записывались иероглифами на кости или панцире в виде предсказания [Keightley 1978: 27].

Та же троичная структура находит свое проявление в гаданиях по тысячелистнику – следующей форме гаданий, пришедшей на смену гаданиям на костях. С помощью 50 стеблей тысячелистника, а впоследствии с помощью монет, гадающий высчитывал по определенной схеме стебли или кидал монеты. Полученные числа (количество стеблей в одном пучке, выпавшее число на монете) соответствуют горизонтальным чертам в триграммах и гексаграммах. Зная соответствие чисел чертам, гадающий получал гексаграмму и с опорой на «Книгу перемен» осуществлял гадание [Виноградский 2014: 25–29]. Первичность выражается в построении вопроса перед проведением гадания и в построении гексаграммы, вторичность проявляется в чтении по «Книге перемен» значения полученной гексаграммы и каждой ее черты, третичность может быть объяснена как интерпретация прочитанного в форме ответа на поставленный вопрос.

Важно отметить, что с появлением гаданий письменная культура получает мощнейшее развитие – оформляется традиция фиксировать результаты гаданий с помощью «иероглифов-пиктограмм, представляющих собой схематизированные изображения предметов» [Еремеев 2005: 16]. Это, в свою очередь, закладывает основу китайской текстологической традиции, например, текст «Книги перемен», где ярко проявилась взаимосвязь иероглифической и гадательной систем. Ю. К. Щуцкий отмечает, что «данный текст неоднороден как со стороны составляющих его

частей, так и со стороны самих письменных знаков, в которых он выражен. Кроме обычных иероглифов, он содержит еще особые значки [триграммы], состоящие из двух типов черт, сяо (по словарю Кан-си), или яо (современное чтение)» [Щуцкий 1993: 85].

Вопрос о соотношении триграмм и иероглифики все еще остается без однозначного ответа [Агеев 2017: 370]. Возможно, сложность решения данной задачи заключается в относительной близости и даже параллельности процессов образования и развития иероглифических знаков и триграмм. Для описания данной гипотезы применим закон семиотического ослабления. Можно предположить, что на более ранних этапах функционировали изобразительные знаки, далее происходили процессы ослабления, замены изобразительных знаков некими субститутами, а на последней стадии возникли триграммы. Триграммы – это высоко символические и абстрактные знаки, по своей сути не имеющие конкретного значения, в отличие от иероглифических знаков. Триграмма символизирует собой целую ситуацию, это своеобразный текст, с помощью которого трактуются и интерпретируются разные ситуации, т. е. непосредственно проводится ритуальная практика гадания. Однако важно сделать замечание, что триграммы не вытеснили иероглифику, но стали ее дополнением или, возможно, даже высшим проявлением. Прямым доказательством является текст «Книги перемен», представляющий собой гетерогенную систему, в которой иероглифы служат пояснением и разъяснением триграмм и гексаграмм. «Вторая часть текста "Книги перемен" написана иероглифами и представляет собою интерпретацию гексаграмм в целом, отношения составляющих их триграмм и отдельных черт. Это, собственно, и есть текст "Книги перемен"» [Щуцкий 1993: 87]. Все это позволяет заключить, что «Книга перемен» с точки зрения семиотики представляет собой гетерогенную систему, сочетающую знаки разного типа [Jin 2021: 75].

Далее рассмотрим трансформации системы гаданий с точки зрения диахронии. Описание эволюции данной семиотической системы будет проходить в рамках закона семиотического ослабления, который маркируется тремя взаимосвязанными стадиями, именуемыми также *типами знака*, которые представляют «устройство той или иной знаковой системы в зависимости от уровня знаковых отношений в терминах "тождество", "подобие", "условность"» [Комкова 2017: 43]. В таблице 1 представлены этапы развития мантических практик с опорой на изложенные выше типы знаков.

Табл. 1. Семиотическое ослабление системы гаданий с точки зрения диахронии

Tab. 1. Diachrony of semiotic weakening in mantic system

Тип знака	Этапы развития гаданий	Материальный носитель
Тожество	Гадание на костях (Шан-Инь)	Трещины
Подобие	Гадание на тысячелистнике (Чжоу)	Стебли тысячелистника
Условность	Гадание по «Книге перемен»	Триграммы, гексаграммы

Рассмотрим подробно каждую стадию:

I. Тожество. К данному этапу относится гадание на костях и панцирях черепах (эпоха Шан-Инь). Как уже было рассмотрено выше, знаки, получаемые гадателем, представляли трещины, которые гадатель должен был проинтерпретировать. Это одна из наиболее древних форм мантических практик в Китае, представляющая собой фундамент, на основе которого практика гаданий будет развиваться, изменять и формировать философское мировоззрение китайцев, корнями уходящее в древние мантические практики.

II. Подобие. Начиная примерно с периода Чжоу оформляется новая форма гаданий по тысячелистнику – *ши*, сосуществующая параллельно с гаданиями по костям *бу*. В. М. Крюков отмечает, что при династии Чжоу гадательных костей найдено уже гораздо меньше (порядка 300 артефактов), в отличие от предыдущего периода Шан-Инь (более 50 тысяч), что говорит о начинающихся трансформациях гадательной практики [Крюков 2012: 46].

По свидетельству D. N. Keightley, в этот период также происходила постепенная утрата сакральности данного типа гаданий. В защиту этого положения исследователь приводит данные, свидетельствующие об ослаблении статуса гадателей. Так, имена гадателей всегда указывались на костях (XIII–XII вв. до н. э.), однако более поздние образцы костей уже не содержат их имен, что свидетельствует о снижении их роли и постепенной утери сакрального статуса данного типа гаданий (XII–XI вв. до н. э.) [Keightley 1978: 31].

Данную точку зрения разделяет П. М. Кожин: «в Чжоускую эпоху происходила резкая смена ориентации религиозных воззрений, вероятно, связанная с усилением сепаратизма кланов властителей, когда значение воли и предписаний предков оценивалось все ниже, а на первый план выступала воля земного, сиюминутного Владыки, и надежда на процветание потомства

(«сыновей и внуков», по словам Чжоуских бронзовых летописей – нарративных надписей на бронзовых ритуальных сосудах)» [Кожин 2003: 27]. Итак, стадия подобия относится к периоду Чжоу, когда гадание *бу* приобретает новые формы – ослабляется, а именно популяризируется и тем самым теряет свою сакральность.

III. Условность – это период формирования текста «Книги перемен» как одного из классических и канонических текстов древней китайской мысли. Это период ослабления гадательной практики и формирования ранней философской мысли, период закладывания гадательных формул, текстологической традиции, нашедших свое проявление в «Книге перемен». Несмотря на то что на этой стадии развития данный текст уже существует, он еще обладает больше гадательной функцией, поскольку является источником цитат и интерпретации триграмм и гексаграмм в процессе гаданий на костях и по тысячелистнику: «цитирование "Чжоу и" как мантического и философского текста структурно одинаково. Эта амбивалентность текста является прообразом позднейшего функционирования "Чжоу и" как канона в области научной и философской методологии, а также в сфере мантики» [Зинин 1988: 163].

Как следует из вышеописанного, трансформации гадательных практик приводят к формированию философского мышления, нашедшего свое проявление в «Книге перемен». Возможно, о том же процессе говорил Л. С. Выготский, исследуя проблему формирования высших психических функций на основе интериоризации, процесс которой он понимает как общий генетический закон культурного развития человека: «все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности» [Выготский 2023: 141]. Другими словами, под интериоризацией понимается переход извне вовнутрь, когда внешние культурные (социальные, по Л. С. Выготскому) действия становятся частью сознания человека. Так формируются высшие психические функции и закладывается основа речевого мышления. Можно вынести предположение, что интериоризация в некоторой степени соотносится с процессом семиозиса – «операция, которая, устанавливая отношение взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания (в терминологии Ельмслева) – или между означающим и означаемым (у Соссюра), – производит знаки» [Греймас, Курте 1983: 526]. Следовательно, интериоризация описывает процесс превращения материального во внутреннюю чистую мысль.

Таким образом, изложенное выше позволяет рассмотреть переход от мантических практик к философскому мировоззрению с позиции интериоризации. Так, проведение ритуала гаданий представляет собой социальные внешние действия, которые с развитием общества постепенно проникают в сознание людей, формируя внутреннюю психическую форму. Итак, становление философских идей в Китае опирается на внешние практики гадания, а переход от гадательного мышления к философскому осмыслению – это процесс интериоризации, представляющий собой особый тип ослабления от сильного знака к слабому условному.

Выше мы рассмотрели трансформации, происходящие в системе гадательной практики. Теперь обратимся к анализу лингвистических изменений, которые иллюстрируют связь иероглифического знака с ритуалами гаданий. В таблице 2 представлены лингвистические свидетельства, отразившие переход от одной практики гадания к другой.

Итак, семиотическому ослаблению подверглась не только система гадания, но и само название этой системы – 卜 бу. Рассмотрим каждую стадию подробно.

I. Стадия тождества. На этапе своего зарождения (записи на костях) иероглиф 卜 бу представляет собой иконический сильный знак, поскольку он повторяет форму трещин на гадательных костях³.

II. Стадия подобия. На данном этапе оформляется новая форма гаданий по тысячелистнику – 卮. Эта мантическая практика подобна гаданию по костям (бу), но в измененной, ослабленной форме, т. к. трещины уже не играют роли, и гадание происходит

по другому материалу (тысячелистнику), однако процедура гаданий формально наследуется. Данный переход фиксируется лингвистически, т. к. начинает применяться лексема бином 卜筮 буши. Таким образом, иероглиф 卜 бу, изначально сильный знак, начинает ослабляться и использоваться в комбинации с другими иероглифами, тем самым фиксируя параллельность существования двух гадательных практик – по костям (бу) и по тысячелистнику (ши).

III. Стадия условности. На данном этапе происходит оформление в систему особых знаков – триграмм и гексаграмм. В иероглифическом написании триграмма, гексаграмма обозначается как 卦, это иероглиф фоноидеографической категории, представляющий собой сочетание смыслового компонента 卜 бу (в значении гадать) и фонетической составляющей 圭 гуи⁴. На этой стадии гадание переходит в стадию философского переосмысления, что фиксируется лингвистически – однозначный иероглиф 卜 бу (изначально сильный знак) теряет свою самостоятельность и становится частью другого иероглифа-слова – 卦 гуа (триграмма, гексаграмма) [Лебедева 2023].

Итак, трансформации в мантических практиках сопровождаются иероглифическими изменениями. На данную взаимосвязь указывает П. М. Кожин: «Учитывая, что изначально предсказания выполнялись в письменной форме, несомненно существовала прямая зависимость между грамматическими структурами и оформлением результатов гаданий. Собственно, наблюдается четкий параллелизм между развитием языка, грамматических структур и самим развитием культуры» [Кожин 2003: 26]. Исходя из этого положения можно заключить, что иероглифика, являясь частью системы языка, также развивается параллельно с культурой.

Мы уже указывали выше, что одним из видов семиотического ослабления является интериоризация. Важно отметить, что ослабление гадательной системы по типу интериоризации зафиксировалось иероглифически, т. е. ослабление иероглифических единиц протекало на основе интериоризации. Иероглифика отразила то, как человек стал воспринимать систему гаданий и как формировались высшие психические функции. Так, иероглифический знак 卜 бу со значением гадать обозначает действие или процесс – совершение мантических практик с целью получения прогноза по какой-либо теме, а в языковой системе он относится к классу

Табл. 2. Отражение ослабления мантических практик в иероглифике

Tab. 2. Weakening of mantic practices in hieroglyphics

Этапы ослабления	Трансформация мантических практик	Лингвистическая основа трансформации
Тождество	Гадание на костях	卜 бу
Подобие	Гадание по тысячелистнику	бином 卜筮 буши
Условность	Текст «Книги перемен», трансформация в философский текст	卦 гуа

³ 许慎. 说文解字. 北京: 九州出版社, 2001. 页 183. (Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Цзючжоу, 2001. С. 183.)

⁴ Там же.

действий или глаголов. Из внешнего социального действия получения трещин на костях происходит движение внутрь сознания и формируется понятие *гадать*, обозначаемое сильным иконическим знаком 卜 бу. Несмотря на то что данный знак внешне изображает трещину, его референтом выступает не сама трещина, а действие, которое совершается с данной трещиной, – процесс гадания. На рисунке 2⁵ представлены изменения внешней формы рассматриваемого знака.

Иероглиф бу теряет свойства иконичности, т. е. свойства, присущие ему как сильному знаку, и переходит в стадию ослабления, т. е. лишается способности использоваться самостоятельно и начинает функционировать следующим образом:

- В комбинации с другими иероглифическими единицами, образуя двусложное слово. Например:
  - 占卜 *чжаньбу* – гадание, гадать;
  - 卜筮 *буши* – гадать на панцире черепахи и тысячелистнике;
  - 卜卦 *буга* – гадать по гексаграммам;
  - 卜辞 *буци* – гадательные надписи⁶.
- Как смысловая составляющая в структуре другого иероглифа. Например:
  - 卦 *гуа* – триграмма, гексаграмма⁷;
  - 占 *чжань* – гадать⁸.

Следует отметить, что интериоризация как процесс перехода внешнего во внутреннее, в терминах Л. С. Выготского, применима для описания процесса гадания, когда внешнее явление, т. е. трещина, переносится в сознание человека и образует ментальный образ для процесса гадания. Это позволяет заключить, что интеллектуальное развитие и формирование мышления человека связано либо с теми действиями, которые люди непосредственно выполняют, либо с реальными предметами, существующими в культуре [Акбембетова, Мушаева 2021: 22].

Заключение

Проведенный анализ показал, что основой закона семиотического ослабления выступает принцип троичности. Во всех явлениях культуры можно найти следы троичной структуры. Ослабление в свою очередь – это основной эволюционный закон, который проявляет себя как тенденция к трансформации сильного знака в ослабленный условный знак, что ярко отражено в иероглифике, фиксирующей трансформации гадательной семиотической системы Древнего Китая. Процесс гаданий представлен тремя типами знаков или тремя стадиями – тождество, действие и подобие, которым соответствуют материальные носители – трещины на костях, тысячелистник и триграммы, гексаграммы.

При рассмотрении процесса гадания с точки зрения синхронии мы выявили и описали основные звенья процесса, которые образуют троичную структуру: получение трещин (первичность), интерпретация (вторичность) и запись результатов (третичность). Иероглифический аспект в процессе гаданий занимает особую роль, поскольку уже в эпоху Шан-Инь результаты гаданий начинают фиксироваться в иероглифической записи, что служит мощным толчком для развития письменной культуры и закладывания основ текстологической традиции в Китае уже в эту эпоху.

Мы рассмотрели систему мантических практик в диахроническом аспекте и обнаружили, что иероглифическая система является отражением трансформаций, происходящих в гадательной практике. Процесс ослабления, затрагивая культурный пласт, неминуемо влияет на сферу языковую (иероглифическую). На примере сильного иконического знака 卜 бу (гадать) мы показали созависимость культурных и лингвистических трансформационных процессов. Иероглиф 卜 бу (гадать) теряет

甲骨文	金文	篆文	隶书	楷书	行书	草书	标准宋体	
卜	卜	卜	卜	卜	卜	卜	卜	
菁 1·1	铁 173·4	昌熹	说文解字	相马经	转群	米芾	王羲之	印刷字库

Рис. 2. Эволюция написания иероглифа 卜 бу (гадать)
Fig. 2. Evolution of character 卜 bu (to divine)

⁵ Vividict. URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/index/index.html> (accessed 12 Jan 2024).

⁶ 卜 (bǔ, bo). БКРС. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=卜> (дата обращения: 12.01.2024).

⁷ 卦. 汉典. (Гуа. *Хань дянь*.) URL: <https://www.zdic.net/hans/卦> (accessed 12 Jan 2024).

⁸ 占. 汉典. (Чжань. *Хань дянь*.) URL: <https://www.zdic.net/hans/占> (accessed 12 Jan 2024).

свою лингвистическую самостоятельность, постепенно приобретая роль смыслового компонента в структуре других иероглифических единиц; в свою очередь, практика гадания 卜 бу постепенно трансформируется в философскую традицию трактования специальных знаков – триграмм и гексаграмм.

Также необходимо сделать еще один вывод и наметить перспективы исследований в данном направлении. Объяснение процесса развития с помощью достижений когнитивистики и психологии позволяет открыть новый взгляд на эволюцию знаковых систем, а именно выдвинуть предположение о том, что существуют разные способы семиотического ослабления, одним из которых является интериоризация, т. е.

знак как внутренний конструкт в сознании человека, закрепленный в иероглифической форме, буквально изображает результат социального действия. В процессе своего ослабления знак трансформируется в функциональном плане, но не имеет радикальных изменений внешней формы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Агеев Н. Ю. Сакральность китайских иероглифов. *Сакральное на традиционном Востоке*, отв. ред. А. Л. Рябинин. М.: ИВ РАН, 2017. С. 370–375. [Ageev N. Yu. Sacredness of Chinese characters. *The sacred in traditional East*, ed. A. L. Riabinin. Moscow: IOS RAS, 2017, 370–375. (In Russ.)]
- Акбембетова А. Е., Мушаева В. И. Лингвокультурное взаимодействие разносистемных языков. *Вестник Калмыцкого университета*. 2021. № 2. С. 22–28. [Akbembetova A. E., Mushaeva V. I. Linguistic and cultural interaction of languages with different systems. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2021, (2): 22–28. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cosger>
- Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1898. Ч. 1. 159 с. [Vasiliev V. P. *Analysis of Chinese characters*. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1898, vol. 2, 159. (In Russ.)]
- Виноградский Б. В. Универсальный способ мышления. Введение в «Книгу Перемен». М.: Эксмо, 2014. 224 с. [Vinogradskiy B. V. *The universal way of thinking. Introduction to the Book of Changes*. Moscow: Eksmo, 2014, 224. (In Russ.)]
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Горшкова А. В. Гадательные ритуалы с использованием благовоний в современной китайской религиозной практике. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19. № 4. С. 25–50. [Voytishek E. E., Yao Song, Gorshkova A. V. Fortune telling rituals using incense in modern Chinese religious practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, 19(4): 25–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-4-25-50>
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2023. 336 с. [Vygotsky L. S. *The history of the development of higher mental functions*. Moscow: Urait, 2023, 336. (In Russ.)]
- Гао М. О насечках на керамике и об истоках китайской иероглифической письменности. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII: Языкознание в Китае*, ред. М. В. Софронов. М.: Прогресс, 1989. С. 299–333. [Gao M. On the notches on ceramics and on the origin of Chinese hieroglyphic writing. *New in foreign linguistics. Iss. XXII: Linguistics in China*, ed. Sofronov M. V. Moscow: Progress, 1989, 299–333. (In Russ.)]
- Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. 2-е изд., перераб. М.: ВКН, 2020. 314 с. [Gotlib O. M. *Fundamentals of grammar in Chinese writing*. 2nd ed. Moscow: VKN, 2020, 314. (In Russ.)]
- Греимас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. *Семиотика*, отв. ред. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 483–550. [Greimas A. J., Courtés J. Semiotics. Explanatory dictionary of language theory. *Semiotics*, ed. Stepanov Yu. S. Moscow: Raduga, 1983, 483–550. (In Russ.)]
- Еремеев Е. В. Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 2005. 598 с. [Eremeev V. E. *Symbols and numbers in the Book of Changes*. 2nd ed. Moscow: Ladamir, 2005, 598. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qtpfyf>
- Зинин С. В. Мантические ритуалы бу и ши в эпоху Чунь цю (VIII–V вв. до н. э.). *Этика и ритуал в традиционном Китае*, отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, 1988. С. 155–172. [Zinin S. V. Bu and Shi: Prophetic rituals in the Chun Qiu Epoch. *Ethics and ritual in traditional China*, ed. Vasiliev L. S. Moscow: Nauka, 1988, 155–172. (In Russ.)]

- Кожин П. М. Древняя теория и практика гаданий в Китае. *Китайская классическая «Книга Перемен» и современная наука*, ред. П. М. Кожин. М.: Луч, 2003. С. 19–28. [Kozhin P. M. Ancient theory and prophetic practices in China. *Chinese classical Book of Changes and modern science*, ed. Kozhin P. M. Moscow: Luch, 2003, 19–28. (In Russ.)]
- Комкова А. С. Феномен семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультуре VII–XI вв. Новосибирск: НГУ, 2017. 170 с. [Komkova A. S. *Semiotic weakening phenomenon in the Anglo-Saxon linguistic culture in VII–XI centuries*. Novosibirsk: NSU, 2017, 170. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytlqlk>
- Крюков В. М. Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. 2-е изд., доп. М.: Памятники ист. мысли, 2012. 399 с. [Kryukov V. M. *Ritual communication in Ancient China*. 2nd ed. Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2012, 399. (In Russ.)]
- Лебедева Д. С. Семиотическое ослабление сильного иероглифического знака «солнце» в китайском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 10. С. 3280–3286. [Lebedeva D. S. Semiotic weakening of the strong hieroglyphic sign "sun" in the Chinese language. *Philology. Theory & Practice*, 2023, 16(10): 3280–3286. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230509>
- Моррис Ч. У. Основания теории знаков. *Семиотика*, отв. ред. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 37–89. [Morris C. W. Foundations of sign theory. *Semiotics*, ed. Stepanov Yu. S. Moscow: Raduga, 1983, 37–89. (In Russ.)]
- Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 411 с. [Peirce C. S. *Collected papers*. Moscow: Logos, 2000, 411. (In Russ.)]
- Проскурин С. Г. Семиотика. Язык, культура, право. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024. 252 с. [Proskurin S. G. *Semiotics. Language, Culture, and Law*. 2nd ed. St. Petersburg: Lan, 2024, 252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjijnfs>
- Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность. М.: АСТ, 2007. 640 с. [Sofronov M. V. *Chinese language and Chinese writing*. Moscow: AST, 2007, 640. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qthjqh>
- Центнер А. С., Хоцкина О. В., Ивлева М. А., Клейман Б. М., Проскурина А. В. Культурные трансферы: проблемы кодов. Новосибирск: НГУ, 2015. 224 с. [Tsentsner A. S., Khotskina O. V., Ivleva M. A., Kleiman B. M., Proskurina A. V. *Cultural transfers: The problems of codes*. Novosibirsk: NSU, 2015, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ueqzyz>
- Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М.: Наука, 1993. 629 с. [Shchutskii Yu. K. *The Chinese classical Book of Changes*. Moscow: Nauka, 1993, 629. (In Russ.)]
- Feng L. Research on the formation of Chinese characters. *Journal of Neuro Spine*, 2023, 1(1). <http://dx.doi.org/10.21203/rs.3.rs-83895/v1>
- Jin X. New interpretation of Western semiotics from the perspective of symbolic concepts in Zhouyi. *Language and Semiotic Studies*, 2021, 7(1): 57–78. <https://doi.org/10.1515/las-2021-070103>
- Keightley D. N. *Sources of Shang history: The oracle-bone inscriptions of Bronze Age China*. Berkeley: University of California Press, 1978, 281.
- 国际汉语教师汉字教学手册. 王秀荣编者. 北京: 高等教育出版社, 2017. 512 页. [Handbook on characters teaching for international Chinese teachers, ed. Wang Xiurong. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2017, 512. (In Chin.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ouxdhi>

Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций

Золотухин Денис Сергеевич

Университет Париж Ситэ, Франция, Париж

eLibrary Author SPIN: 5185-5748

<https://orcid.org/0000-0002-5772-729X>denzolotukhin@gmail.com

Аннотация: Рассмотрены французские и русские терминологические единицы, используемые для описания систем жестовой коммуникации на современном этапе развития науки и общества. На основе научных текстов, словарных статей, юридических и публицистических текстов проведен дефиниционный и контекстологический анализ лексических единиц, используемых для выражения понятий устного языка и жестового языка в соответствующем метаязыке. Выявлены лингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие этические проблемы, связанные с некорректной передачей некоторых терминов с французского языка на русский. Через призму основополагающего общелингвистического разграничения понятий языка и речи осуществлена систематизация всех выявленных единиц рассматриваемого терминополья в русском и французском языках. Выстраиваемые системы представлены в виде таблиц, позволяющих наглядно продемонстрировать границы выражаемых понятий. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ двух систем с указанием на основные морфологические и семантические различия в используемых терминах. На основе полученных результатов выстраивается система эквивалентности французских и русских терминов, представляющая собой научно обоснованную номенклатуру единиц, которая может применяться лингвистами и переводчиками при работе над текстами в сфере коммуникации глухих и слабослышащих русскоговорящих и франкоговорящих стран.

Ключевые слова: терминология, метаязык, терминологическая эквивалентность, специальный перевод, жестовый язык, язык жестов, жестовая речь

Цитирование: Золотухин Д. С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 597–606. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-597-606>

Поступила в редакцию 29.04.2024. Принята после рецензирования 05.06.2024. Принята в печать 10.06.2024.

full article

Language of Signs vs. Sign Language: Equivalence Issues of French and Russian Terms in Metalanguage of Gestural Communication Systems

Denis S. Zolotukhin

Paris Cité University, France, Paris

eLibrary Author SPIN: 5185-5748

<https://orcid.org/0000-0002-5772-729X>denzolotukhin@gmail.com

Abstract: This article examines French and Russian terminological units that describe the current systems of gestural communication. The author studied scientific articles, dictionaries, non-fiction, and law texts to conduct a definitional and context analysis of lexical units that form a lexical-semantic continuum between the expression of the concept

of oral language and the concept of sign language in the corresponding metalanguages. The study revealed linguistic and extralinguistic factors that determined ethical problems associated with the incorrect translation of certain terms from French into Russian. The fundamental distinction between the concepts of language and speech made it possible to systematize all the units identified as part of this terminological field in both Russian and French. The systems were presented as tables that illustrated the boundaries of the concepts. A comparative analysis of the two systems indicated the main morphological and semantic differences in the terms. The research resulted in a system of equivalence between French and Russian terms, i.e., a scientifically based nomenclature that can be used by linguists and translators when working on Russian and French texts in the field of communication of deaf and hard of hearing people.

Keywords: terminology, metalanguage, terminological equivalence, specialized translation, sign language, gestural language, gestural communication

Citation: Zolotukhin D. S. Language of Signs vs. Sign Language: Equivalence Issues of French and Russian Terms in Metalanguage of Gestural Communication Systems. *SibScript*, 2024, 26(4): 597–606. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-597-606>

Received 29 Apr 2024. Accepted after peer review 5 Jun 2024. Accepted for publication 10 Jun 2024.

Введение

При изучении металингвистических проблем с позиций национального терминоведения или в русле передачи лингвистических терминов с одного языка на другой возникает вопрос о прикладном аспекте теоретических размышлений и результатов, получаемых в ходе терминографических классификаций и подбора переводческих эквивалентов. В рамках данной статьи мы продемонстрируем значимость таких исследований для международной коммуникации, от качества которой зависит в том числе множество этических аспектов. Речь пойдет о металингвистических единицах, используемых для описания сферы коммуникации людей, владеющих жестовым языком в России и Франции.

Первые учителя жестового языка прибывали в Российскую Империю из Франции (например, Жан-Батист Жоффре) [Галиева, Науразбаева 2020: 155], но родственность русского и французского жестовых языков опровергается современными лингвистами, указывающими на их кардинальные отличия [Kagirov et al. 2019: 71]. Тем более отличаются наименования, используемые в словесном языке для описания этих систем. В исследовании мы сосредоточились на терминах и дефинициях сферы жестового языка, содержащихся в российских и французских лингвистических словарях и в двуязычных французско-русских и русско-французских словарях, а также на лексических единицах непосредственно в узусе – в научных

и научно-популярных статьях, на сайтах организаций глухих и слабослышащих, в учебных пособиях.

Перед тем как рассматривать французскую и русскую металингвистические системы в отдельности, продемонстрируем общую актуальность выдвигаемой проблематики.

Любой лингвист или переводчик, не имеющий отношения к сообществу глухих и слабослышащих, но работающий над франкоязычным текстом, в котором фигурирует центральный термин соответствующего метаязыка – *langue des signes* (*langue* – язык, *signes* – знаки, жесты; англ. *sign language*; нем. *Gebärdensprache*), может дословно передать терминологическую единицу на русский язык как *язык жестов*. Подтверждение правомерности употребления такого эквивалента обнаруживается во франкоязычном Словаре русских лингвистических терминов З. Георгиева, где в статье, посвященной *языку*, содержится следующее уточнение: "ce même terme est employé également pour d'autres systèmes de communication, comme les gestes des sourds-muets – язык жестов, ручной язык, кинетический язык"¹ (этот же термин также используется для обозначения других коммуникативных систем, как например жестов глухонемых – язык жестов, ручной язык, кинетический язык²).

Проблема заключается в том, что в современном русском научном и общепотребительном метаязыке для обозначения системы, используемой людьми,

¹ Gueorguiev Z. *Dictionnaire de termes linguistiques russes*. Paris: L'Harmattan, 1999. P. 450.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

которые имеют отношение к сообществу глухих и слабослышащих, употребляется только сочетание прилагательного и существительного – *жестовый язык* [Комарова 2020], не являющееся синонимом для *языка жестов*, который в свою очередь отсылает к совокупности телодвижений, сопровождающих любую речь и не всегда выстраиваемых в полноценную систему общения. Однако в российских лингвистических словарях зафиксирован именно термин *язык жестов*³ в значении «средства общения, наряду со звуковым языком (членораздельной речью) и разными вспомогательными системами общения»⁴. В словарных статьях данного термина в качестве примера приводится язык жестов, используемый в некоторых австралийских племенах⁵ и среди американских индейцев⁶. В словаре Т. В. Матвеевой *жест* трактуется не как единица жестового языка, а лишь как движение, которое «может быть самостоятельной информационной единицей (например, утвердительный кивок головой), но чаще дополняет словесное высказывание, выделяя какой-либо его фрагмент или участвуя в управлении ходом речевого общения»⁷.

При этом ни в одном лингвистическом словаре мы не обнаруживаем термин *жестовый язык*, который бы отсылал читателя к системе коммуникации глухих и слабослышащих. О различии между *жестовым языком* и *языком жестов* возможно узнать только из публицистических и научно-популярных статей. Всё это привело к частым ошибкам профессиональных переводчиков при передаче французских и английских текстов на русский язык. Так, в русском переводе популярной книги о мире глухих "Seeing Voices" англоязычного автора О. Сакса ключевой термин *sign language* передан как *язык жестов*, что не могло не вызвать возмущения русскоязычных читателей [Сакс 2019]. И это если не говорить о популярных сервисах автоматических переводов, которые, казалось бы, давно адаптировались к адекватному точечному переводу на уровне отдельных терминологических единиц. Проведенный нами обзор таких платформ позволяет установить, что *langue des signes* в 90 % случаев передается как *язык жестов*.

Отсутствие внимания терминоведов и терминографов к данному метаязыку объясняется относительно недавним признанием жестового языка как самостоятельной системы коммуникации в разных странах. В конце XIX в. по итогам Миланской конференции жестовый язык вообще был запрещен: провозглашалась важность устного метода обучения глухих⁸. Отношение к жестовому языку как к менее важной системе, чем система звучащего языка, устанавливается и в лингвистике: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем» [Соссюр 1999: 72]. Внимание некоторых русскоязычных лингвистов было сосредоточено на *языке жестов* как первоначальной системе коммуникации между людьми, которые постепенно пришли к устному языку: человек, согласно неоднократно критикуемой теории Н. Я. Марра, пользовался исключительно жестами и другими визуальными сигналами до возникновения «звучащего языка» [Марр 1933: 217–220].

В относительно современном Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий обнаруживаем следующий фрагмент, который так резюмирует точку зрения лингвистов на жестовый язык: «Существуют и специальные сигнальные, или знаковые, системы для передачи информации: мимика, жесты, азбука Морзе, дорожная и морская сигнализация и т. д. Такие и другие знаковые системы, используемые для передачи информации, называются семиотическими. Очень широко используется язык жестов, или ручной язык (кинестическая речь), для передачи информации глухонемыми, среди разноязычных племен американских индейцев, у которых многие сообщения можно передать при помощи жестов. Однако из всех знаковых систем наиболее совершенной является звуковой язык, язык слов. Как говорит русская пословица, "языком не расскажешь, так пальцами не растычешь". А из помощников языка главным является письменный язык,

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 571 с. <https://elibrary.ru/qquqnx>

⁴ Язык жестов. In: Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 473.

⁵ Там же.

⁶ Функции языка. *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык*, ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. Т. 1. С. 222.

⁷ Жест. In: Матвеева Т. В. *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 103–104. <https://elibrary.ru/quyaor>

⁸ Berke J. The Milan Conference of 1880: When Sign Language Was Almost Destroyed. *VeryWell Health*, 16 Jun 2023. URL: <https://www.verywellhealth.com/deaf-history-milan-1880-1046547> (accessed 14 Apr 2024).

или письмо, которое может заменить звуковой язык в определенной ситуации»⁹.

Затем осознание роковой ошибки Миланской конференции привело к постепенному признанию жестового языка как самостоятельной знаковой системы на международном и национальном уровнях. Во Франции в 2005 г. был принят соответствующий закон¹⁰, а в 2012 г. – в России¹¹. Законы, соответственно, влияют на юридическую интеграцию жестового языка в образовательную и социальную системы, на научный интерес со стороны лингвистов.

Результаты

Терминология в русском языке (табл. 1)

В русскоязычном узусе, во многом благодаря научным трудам Г. Л. Зайцевой [Зайцева 2000], утверждается противопоставление *языка жестов* (совокупность жестов, сопровождающих или заменяющих вербальное общение) и *жестового языка* (самостоятельная система общения глухих, включающая не только жесты). Однако, как было показано выше, лингвистические словари фиксируют именно первый термин, иногда ошибочно присваивая ему оба значения, что, безусловно, затрудняет понимание и корректную интерпретацию терминов и соответствующих понятий. Попробуем систематизировать обнаруженные нами в данной сфере русские лексические единицы для того, чтобы предпринять попытку подбора адекватных эквивалентов во французском языке.

Язык жестов как определенный этап в истории развития человеческого языка назывался Н. Я. Марром *кинетическим, линейным и ручным языком* [Марр 1933: 217–220]. Согласно его теории, не основанной на научных фактах [Sériot 2014], до *звуковой речи* человек говорил жестами и мимикой, и такой процесс применения языка жестов Н. Я. Марр называет *кинетической речью*. В процессе развития производства и более высоких форм общественной жизни возникла потребность в более дифференцированном орудии общения, т. е. *звуковой речи*. Данная теория, соответственно, ассоциирует жесты с доисторическим примитивизмом. Однако *язык жестов*, согласно лингвистическим словарям, во вполне

непримитивном виде существует и сегодня, например в туземных племенах: «язык жестов наблюдается у многих племен. У австралийского племени аранда известно около 450 различных жестов, которые указывают на конкретные предметы и обозначают общие представления»¹². Такая же практика наблюдается и среди североамериканских племен. Важно отметить, что *язык жестов* используют как слышащие аборигены в связи с культурными особенностями, продиктованными традициями их народа, в качестве универсального средства межэтнического общения, так и глухие индейцы [Davis 2015: 164]. Г. Л. Зайцева относит такой язык к *жестовым системам общения*, которыми пользуются не только племена североамериканских индейцев и австралийцев, но и члены ряда монашеских орденов, принимающих обет молчания [Зайцева 2000: 6]. Использование таких систем исследователь называет *жестовой речью* [Там же].

Следовательно, *жестовая речь*, противопоставляемая *звуковой речи*, – это реализация одной из *жестовых систем общения*. Получается, что *жестовая речь* – максимально широкое понятие, и соответствующий термин многозначен. *Жестовая речь* включает в себя непосредственное индивидуальное использование жестов (*жестовая речь – parole* в сосюрсовском понимании) и жестовую систему (*жестовый язык – langue* в сосюрсовском понимании), принадлежащую языковому сообществу. Жестовую систему (доисторический примитивный язык в марровской интерпретации или язык австралийских и североамериканских племен в современном понимании) некоторые лингвисты называют *языком жестов*, или *кинетическим, линейным, ручным языком*, а другие употребляют термин *жестовый язык*. Для одних лингвистов *язык жестов* и *жестовый язык* – синонимичные термины, для вторых – совершенно разные термины, выражающие разные понятия, а для третьих существует только один корректный термин – *жестовый язык*.

Чтобы разрешить данную проблему, следует признать, что понятие системы жестовой коммуникации крайне неоднородное и представляет собой сложную систему, на одном полюсе которой находится *устный*, или *звуковой, звучащий, словесный*

⁹ Функции языка. *Энциклопедический словарь...* С. 222.

¹⁰ LOI N° 2005-102 du 11 février 2005 pour l'égalité des droits et des chances. Art. 75. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000002062948#:~:text=%2D%20La%20langue%20des%20signes%20fran%C3%A7aise,des%20conditions%20de%20son%20%C3%A9valuation (accessed 14 Apr 2024).

¹¹ О внесении изменений в ст. 14 и 19 ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ». ФЗ N° 296-ФЗ от 30.12.2012. *ИПП Гарант*.

¹² Язык жестов. In: Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов...* С. 473.

Табл. 1. Русские термины сферы жестового языка

Tab. 1. Russian terms for sign language domain

		жестовый язык		жестовая речь (в широком понимании)
язык (система знаков, принадлежащая сообществу)	устный / звуковой / звучащий / словесный язык	дактилология дактиль ручной алфавит / ручная азбука дактильный алфавит / дактильная азбука / пальцевый алфавит / пальцевая азбука		
речь (реализация системы говорящим)	звуковая / словесная / устная речь	маноральная речь / жестовое артикулирование	калькирующая жестовая речь	дактилология дактильная речь
			жестовая речь (в узком понимании)	

язык, проявляющийся в звуковой (словесной, устной) речи, а на другом – непосредственно жестовый язык и жестовая речь.

На первом этапе движения от устного к жестовому языку мы обнаруживаем маноральную речь, или жестовое артикулирование при проговаривании слов [Таранех и др. 2017]. Маноральная речь используется для визуального сопровождения звуковой речи, которая может считываться глухими благодаря лабиальному артикулированию. Однако есть звуки, которые не имеют лабиального различия (например, слоги *па, ба, ма* артикулируются одинаково), поэтому их сопровождают жестами, соотносящимися с такими звуками. Жестовый язык при этом не используется.

Маноральную речь не следует путать с калькирующей жестовой речью – вторичной знаковой системой, которая калькирует лингвистическую структуру словесного языка и усваивается на базе и в процессе изучения глухим ребенком словесной речи [Зайцева 2000: 9]. Калькирующая жестовая речь – это дословный перевод звучащей речи с использованием жестов, но с нарушением морфологии и синтаксиса жестового языка. Такой подход используется, например, в синхронном переводе, когда невозможно мгновенно передать информацию, излагаемую в устной речи, средствами жестового языка, требующего совершенно иной грамматической логики изложения.

При реализации полноценного жестового языка в жестовой речи могут использоваться элементы дактилологии, или дактиля – системы жестовых обозначений букв устного языка, т.е. «обозначения обозначений» [Зайцева 2000: 7], образующих дактильный алфавит, или дактильную азбуку, ручной алфавит, или дактильную азбуку, пальцевый алфавит, пальцевую

азбуку. Используя набор дактильных знаков, говорящий следует грамматике словесного языка. Так образуется дактильная речь – «своеобразная кинетическая форма словесной речи, вербальной коммуникации» [Там же]. Дактильная речь необходима, например, когда в жестовой речи возникает потребность произнести имя собственное, не имеющее зафиксированного жеста. То же самое может происходить при выражении узких реалий.

И наконец, мы подходим к жестовой речи в чистом виде, представляющей собой реализацию жестового языка – единственно возможный термин, который выражает понятие системы жестовой коммуникации глухих и слабослышащих. Термин язык жестов для обозначения данной системы употребляется ошибочно и, по сути, не входит в рассматриваемый метаязык. Он становится архаичным и используется в рамках описания раскритикованной теории Н. Я. Марра. Иногда термин употребляется для обозначения жестовой коммуникации североамериканских и австралийских племен¹⁵. Это может объяснять негативную коннотацию, которую приобретает язык жестов для описания системы коммуникации глухих и слабослышащих: данный термин якобы сводит развитую самостоятельную систему жестового языка к совокупности вспомогательных средств жестовой системы общения. Отметим, что в таком случае термин язык жестов не совсем удачен и для обозначения языка аборигенов, использующих жесты рук, движения головы, положение тела и мимику для общения между племенами, говорящими на разных звучащих языках. Их язык – это тоже сложная система коммуникации, система знаков, имеющая, безусловно, другую социально-культурную основу [Wurtzburg, Campbell 1995].

¹⁵ Язык жестов. In: Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов...*; *Функции языка. Энциклопедический словарь...* С. 222.

Со стороны русского языка проблема заключается в сочетаемости двух существительных *язык* и *жест*, связанных родительным падежом, который актуализирует значение принадлежности языка жестам. Слово сочетание *язык жестов* по своей структуре аналогично таким выражениям, как *язык телодвижений* [Пиз 2020], *язык тела*, *язык танца* и т. п., в которых *язык* воспринимается не как полноценная система коммуникации, а как интерпретация того, что представляют собой произвольные и непроизвольные движения тела, мимику, сопровождающие или заменяющие вербальное общение слышащих, – всё это часто является предметом психологических и психолингвистических исследований, а также популярных псевдонаучных изысканий.

Добавим, что возможна дальнейшая конкретизация выражаемых понятий в направлении от жестового языка и жестовой речи как языковедческих абстракций к национальным системам. Так, существует *русская жестовая речь* – система общения при помощи средств русского жестового языка. *Русский жестовый язык* – языковая система, обладающая собственной лексикой и грамматикой, которую используют жители России и некоторых других русскоязычных стран [Комарова 2022; Burkova et al. 2019]. Равно своеобразны и системы американского, британского, французского и многих других жестовых языков мира.

Терминология во французском языке (табл. 2)

Первое, что мы замечаем в системе французского языка – отсутствие термина *parole*, который бы указывал на отграничение системы от ее реализации, т. е. *языка* (устного или жестового) от *речи* (устной или жестовой соответственно). Вместо этого для обозначения устного языка и устной речи употребляются словосочетания, которые комбинируют в себе обе единицы: *langue parlée (sonore)*¹⁴ и *langage parlé*, или *langage articulé* [Segui, Ferrand 2000], т. е. дословно *произносимый, звучащий, членораздельный (артикулируемый) язык*. Можно утрировать различие между терминами *langue* и *langage* и предположить, что первый отсылает нас к системе, а второй – к реализации системы в речи. Однако это было бы неправомерно

в связи с иногда синонимичным употреблением этих единиц и более широкой семантикой *langage*, который может включать язык и речь.

Если следовать логике, которой мы придерживались, рассматривая русский метаязык, то сначала мы постоянно будем сталкиваться со словосочетаниями, дополняющими и уточняющими именно термин *langue*. Так, для выражения понятия маноральной речи используется термин *langue parlée visuelle*, или *langue parlée complétée* (визуальный или дополненный звучащий язык)¹⁵, а также заимствованный из английского *cued speech*. Калькирующая жестовая речь обозначается термином *langue signée*, или *discours signé* (язык или речь, переведенные в жесты). Интересны сочетания, используемые для описания национальной калькирующей речи. Помимо *français signé* (французский, переведенный в жесты) используется *langue des signes francisée* («францизованный» жестовый язык) и *langue des signes à syntaxe française* (жестовый язык с французским синтаксисом) [Tournadre, Hamm 2018].

Дактилологическая речь обозначается термином *dactylogogie*¹⁶, а соответствующая ей система знаков – как *dactylogogie*, *dactyle*, *alphabet manuel*, *alphabet dactylogique*, *alphabet digital*¹⁷.

Использование жестов в коммуникации (во всех смыслах) обозначается как *langage gestuel* или *langage visuo-gestuel* (жестовая или визуально-жестовая языковая / речевая деятельность). Но данный термин используется для обозначения любой жестикуляции, сопровождающей или заменяющей вербальное общение, в том числе как *язык тела* (синонимично *langage du corps*, *langage corporel*), что соотносится с русским *язык жестов*: "Le langage gestuel désigne l'ensemble des énoncés signifiants véhiculés par des gestes"¹⁸. Отдельного термина, который бы соотносился с русским *жестовая речь* для обозначения реализации жестового языка в коммуникации, во французском не обнаруживается.

Для ограничения широкосмысленности, которую несут в себе термины *langage gestuel* и *langage visuo-gestuel*, во французском языке жестовый язык обозначается термином *langue des signes* [Sallandre, Garcia 2021]. Для пояснения того, что из себя представляет жестовый язык, используется словосочетание с широкой

¹⁴ Qu'est-ce que la Langue française Parlée Complétée – LfPC? Centre national d'information sur la surdité, 12 Jul 2022. URL: <https://www.surdi.info/qu-est-ce-que-la-langue-francaise-parlee-completee/> (accessed 14 Apr 2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Trésor de la langue Française informatisé. ATILF – CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (accessed 14 Apr 2024).

¹⁷ Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J.-B., Mével J.-P. Dictionnaire de linguistique. Paris: Larousse, 1994. P. 221.

¹⁸ Ibid.

Табл. 2. Французские термины сферы жестового языка

Tab. 2. French terms for sign language domain

		langue des signes		
langue (система знаков, принадлежащая сообществу)	langue parlée (sonore)	langue parlée visuelle / langue parlée complétée / (le) cued speech	dactylogogie dactyle alphabet manuel / alphabet dactylogologique / alphabet digital	
parole (реализация системы говорящим)	langage parlé / articulé		langue signée discours signé	dactylogogie

семантикой *langue visuo-gestuelle* (визуально-жестовый язык). Следует уточнить, что франкоязычными носителями жестового языка термины *langage gestuel* и *langage des signes*, в которых используется именно лексическая единица *langage*, обозначающая способность к языку, а не *langue* – абстрактную языковую систему знаков, воспринимается негативно¹⁹, равно как негативно язык жестов воспринимается в русскоязычном пространстве.

Сравнительно-сопоставительный анализ

Несмотря на наличие во французском языке прилагательного *gestuel* (жестовый) и словосочетаний *langage gestuel*, *langage visuo-gestuel*, *langue visuo-gestuelle*, русскому термину *жестовый язык* соответствует именно *langue des signes*, зафиксированный в научных и юридических текстах. Крайне нежелательный дословный перевод *langue des signes* через существительные *язык жестов* на русский язык наблюдается при передаче соответствующего понятия совокупности жестов, используемых, в частности, представителями племен и других специфических групп носителей звучащего языка. Напротив, во французском языке сочетание прилагательного и существительного *langage gestuel* используется для обозначения любой формы жестикюляции и не должен употребляться в отношении жестового языка. Следовательно, наблюдается следующая асимметрия между русской и французской системами:

- **жестовый язык** (прилагательное + существительное) = *langue des signes* (существительное + существительное) – жестовая система коммуникации глухих и слабослышащих;
- **язык жестов** (существительное + существительное) = *langage gestuel* (существительное +

прилагательное) – язык телодвижений, любая жестикюляция, использование жестов.

Обратим внимание на сам термин *жест*, обозначающий основную семантическую единицу жестового языка, которая состоит из двух основных компонентов – конфигурации и движения, характеризующегося локализацией в пространстве, направлением и качеством [Зайцева 2000: 21]. Оппозиции компонентов жеста релевантны для выражения лексико-семантических и грамматических значений в жестовом языке [Там же]. При этом в жестовом языке, как отмечалось выше, вместе с жестами используются и другие средства: мимика, положение тела, артикуляция и дактиль. Все эти элементы – разные *знаки*, образующие знаковую систему, без которой невозможен ни один язык.

Во французском *langue des signes* дословно означает не язык жестов, а язык знаков, т. е. термин дает понять сложность, самостоятельность и статусность такого языка, не сводящегося к жестах. *Signe* – это любой знак, не только жест. Во французском языке есть и слово *geste*, который эквивалентен русскому *жест*. Можно предположить, что если бы во французском языке существовала единица *langue des gestes*, то она бы тоже приобрела негативную коннотацию и отрицалась бы глухими носителями жестового языка во Франции. Как отмечают исследователи французского жестового языка, *знаки (signes)* не сводятся к *жестам (gestes)*, т. к. это было бы равнозначно сведению незнакомого устного языка к совокупности звуков [Markowicz 1979].

И в русском, и во французском языках *жест* может означать либо действие, либо знак. Так, во французском лингвистическом словаре приводятся два примера: поднять руку, чтобы поправить очки, –

¹⁹ Que doit-on dire: Langue des Signes OU Langage des Signes? *ARILS*. URL: <http://arils.ch/langue-des-signes-ou-langage-des-signes/> (accessed 16 Apr 2024).

это жест-действие, поднять руку, чтобы попрощаться с кем-то, – это жест-знак²⁰. Соответственно, в жестовом языке жест как единица оказывается еще сложнее – это именно языковой знак, способный выразить сложное понятие, а также соединяться с другими знаками в синтагмы в соответствии с морфологическими и синтаксическими нормами, принятыми в жестовом языке. Кроме того, французские лингвисты отмечают, что жестовый язык включает в себя три подсистемы, основывающиеся на разных механизмах функционирования: *structures de grande iconicité* (иконические жесты, означающее которых продиктовано означаемым, т. е. жест прямо напоминает называемый объект), *signes standard* (стандартные знаки-жесты, характеризующиеся большей произвольностью соотношения означаемого и означающего) и *alphabet dactylogologique* (дактилологический алфавит) [Tournadre, Hamm 2018].

То, что знаки жестового языка – это не простые жесты, отмечают и англоязычные исследователи: "the signs of American Sign Language (ASL) are not gestures: they are not holistic icons" [Sandler 2006: 330]. Знаки жестового языка состоят из множества мельчайших элементов, схожих, например, с фонемами звучащего языка: форма, положение, движение, направление, мимика и т. д. Добавим, что в английском жестовый язык, *sign language* [Brentari 2010], так же как и во французском – это буквально *знаковый язык*, но в некоторых словарях встречается словосочетание *gestural language*. Оба английских термина многозначны и указывают на систему общения глухих, представителей племен, монахов и т. д. [Watt 2006]. В немецком языке, напротив, термин *Gebärdensprache*, принятый для обозначения жестового языка, образован именно посредством сочетания двух существительных [Parasprugou et al. 2008]: *Gebärde* (жест) и *Sprache* (язык). А термин *Zeichen*, обозначающий языковые знаки, в таком словосочетании не используется: *Zeichensprache* – искусственно созданная система общения, например, при дайвинге²¹.

Во французском языке термин *langue des signes* подчеркивает тот факт, что речь идет именно о языковых знаках (*signes*), выражающих понятия и образующих языковую систему, потому что просто *жесты* (*gestes*) могут пониматься как бессмысленное движение руки или как осознанная передача информации

(например, прощание), но не всегда в рамках развитой системы коммуникации со своей грамматикой. В русском языке предпочтение термина *жестовый язык* термину *язык жестов* является предостережением от понимания *жеста* как элемента, не имеющего содержания или имеющего поверхностное содержание. К тому же *язык жестов* рассматривался Н. Я. Марром как *линейный язык* [Марр 1933], что полностью противоречит характеристикам жестового языка, который исключает линейность и предполагает нелинейное взаимодействие сразу нескольких визуальных каналов, в том числе на уровне одного жеста (положение руки, движение, направление и т. д.). Кроме того, употребление в словосочетании прилагательного *жестовый* вместо существительного *жестов* переносит смысловое ядро на *язык*, подчеркивая самостоятельность и сложность его устройства и отграничивая понятие жестового языка от таких ненаучных понятий, как *язык тела* или *язык танца*. Жестовый язык – это сложная семиологическая система, в которой, по аналогии с устными языками, лингвистические знаки выстраиваются в парадигматические и синтагматические отношения. У *жестов* нет своего языка. Есть язык, составными элементами которого являются жесты.

В таблице 3 отражены результаты сравнительно-сопоставительного анализа терминов французского и русского метаязыков, позволяющие подобрать адекватные эквиваленты.

Заключение

Результаты проведенного исследования подчеркивают, во-первых, важность осознания чувствительности сообщества носителей русского жестового языка к употреблению терминов, обозначающих их языковую систему, во-вторых, необходимость признания ответственности лингвистов и терминографов за соблюдение этических норм и правил. Возникшие особенности объясняются лингвистическими (морфологическая характеристика словосочетания, семантика термина *жест*) и экстралингвистическими факторами (влияние существовавших лингвистических идей, законодательные процессы по признанию жестового языка, интерпретация любой жестикуляции). Эти факторы обусловили разграничение следующих понятий, требующих подбор адекватного термина:

²⁰ Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J.-B., Mével J.-P. Dictionnaire de linguistique. P. 221.

²¹ Gehörlose "Eine Kultur bringt sich zur Sprache". URL: <https://www.deaf.li/gebraedensprache.html#:~:text=Sehr%20oft%20wird%20der%20Begriff,gleichwertig%20wie%20eine%20Lautsprache%20ist> (accessed 14 Apr 2024).

Табл. 3. Французские и русские эквиваленты терминов сферы жестового языка

Tab. 3. French and Russian terminological equivalents in sign language domain

Французский термин	Русский термин
langue parlée (sonore) / langage articulé / langage parlé	устный язык / звуковой язык / звучащий язык / словесный язык
langue signée discours signé	калькирующая (жестовая) речь
langue parlée visuelle / langue parlée complétée / (le) cued speech	маноральная речь / жестовое артикулирование
dactylogogie	дактилология / дактильная речь
dactyle	дактиль
alphabet manuel	ручной алфавит / ручная азбука
alphabet dactylogique	дактильный алфавит / дактильная азбука
alphabet digital	пальцевый алфавит / пальцевая азбука
langue des signes	жестовый язык жестовая речь
langue (visuo-) gestuelle / langage (visuo-) gestuel	кинетический язык / язык жестов (нежелательное употребление)

- 1) совокупность произвольных и непроизвольных движений тела, сопровождающая или заменяющая вербальное общение (*язык жестов, langage gestuel*);
- 2) понятие доисторической системы коммуникации, предшествовавшей устному языку, по теории Н. Я. Марра (*язык жестов, langue des gestes, langage gestuel*);
- 3) система коммуникации представителей североамериканских и австралийских племен, а также монашеских сообществ (*язык жестов* (зафиксировано в словарях) / *жестовый язык* (рекомендуемое употребление), *langue des signes*);
- 4) система жестовой коммуникации глухих и слабослышащих (*жестовый язык, langue des signes*).

Устранение этической проблемы возможно на основе приведенной эквивалентности, которую необходимо применять при переводе текстов с французского языка на русский, при написании новых текстов на русском языке, при составлении как специальных лингвистических словарей, так и двуязычных словарей общепотребительной лексики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Галиева Д. А., Науразбаева Л. В. История возникновения и распространения жестовых языков. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 3. С. 152–158. [Galieva D. A., Naurazbaeva L. V. The history of origin and evolution of sign languages. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, (3): 152–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jqbjzg>
- Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: Владос, 2000. 192 с. [Zaitseva G. L. *Sign language. Dactylogy*. Moscow: Vlados, 2000, 192. (In Russ.)]
- Комарова А. А. Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 164. № 1-2. С. 116–134. [Komarova A. A. Russian sign

- language: Main problems of vocabulary study. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, 164(1-2): 116–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.116-134>
- Комарова А. А. Сообщество глухих и жестовый язык. М., 2020. 257 с. [Komarova A. A. *Deaf community and sign language*. Moscow, 2020, 257. (In Russ.)]
- Март Н. Я. Избранные работы. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. Л.: ГАИМК, 1933. 437 с. [Marr N. Ya. *Selected works. Vol. 1. Stages of development of Japhetic theory*. Leningrad: SAHMC, 1933, 437. (In Russ.)]
- Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам (фрагмент). *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 8. С. 249–260. [Pease A. Body language. How to read others' thoughts by their gestures (fragment). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, (8): 249–260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwtxwo>
- Сакс О. Зримые голоса. М.: АСТ, 2019. 286 с. [Sacks O. *Seeing Voices*. Moscow: AST, 2019, 286. (In Russ.)]
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. 432 с. [Saussure F. de. *General linguistics*. Ekaterinburg: Ural University, 1999, 432. (In Russ.)]
- Таранех Р., Валипур А., Каллиома Л. А., Горолатова Т. С. Медиаобразовательный контекст педагогических и медицинских подходов комплексной реабилитации детей с нарушением слуха в общей системе их социокультурной адаптации. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2017. Т. 2. № 3. С. 268–275. [Taraneh R., Valipour A., Kallioma L. A., Gorolatova T. S. Media-educational context of pedagogical and medical approaches to complex rehabilitation of children with violation of hearing in the general system of their social-cultural adaptation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2017, 2(3): 268–275. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjsfdj>
- Brentari D. *Sign languages*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, 691.
- Burkova S., Filimonova E., Kimmelman V., Kopylova V., Semushina N. Lexical expression of time in Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 2019, 19(2): 175–203. <https://doi.org/10.1353/sls.2018.0031>
- Davis J. E. American Indian sign language: Documentary linguistic methodologies and technologies. *Endangered Languages and New Technologies*, ed. Jones M. C. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 161–178. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107279063.015>
- Kagirov I., Ryumin D., Ivanko D., Axyonov A., Karpov A. Russian sign language: History, grammar and sociolinguistic situation in brief. *Proceedings of the Language Technologies for All (LT4All)*, Paris, UNESCO Headquarters, 5–6 Dec 2019. ELRA, 2019, 71–74.
- Markowicz H. La langue des signes: réalité et fiction. *Langages*, 1979, (56): 7–12.
- Papaspyrou C., Meyenn von A., Matthaei M., Herrmann B. *Grammatik der deutschen Gebärdensprache aus der Sicht gehörloser Fachleute*. Hamburg: Signum, 2008, Bd. 6, 232.
- Sallandre M. A., Garcia B. Langue des signes française et linguistique: Enjeux actuels. *Le Français Moderne. Revue de linguistique Française*, 2021, 89(2): 281–292.
- Sandler W. Sign language: Overview. *Encyclopedia of Language & Linguistics*, ed. Brown K. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006, 328–338. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00239-X>
- Segui J., Ferrand L. Chapitre premier. Langue, langage, parole. *Leçons de parole*, sous la direction de Segui J., Ferrand L. Paris: Odile Jacob, 2000, 15–26.
- Sériot P. Le monde perdu de Nikolaj Marr: Un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne. *Penser l'histoire des savoirs linguistiques*, eds. Archaimbault S., Fournier J.-M., Raby V. Lyon: ENS Éditions, 2014, 601–609. <https://doi.org/10.4000/books.enseditions.32365>
- Tournadre N., Hamm M. Une approche typologique de la langue des signes française. A typological approach of French Sign Language. *TIPA Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*, 2018, 34. <https://doi.org/10.4000/tipa.2568>
- Watt W. C. Sign language: Semiotic approaches. *Encyclopedia of Language & Linguistics*, ed. Brown K. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006, 350. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01452-8>
- Wurtzburg S., Campbell L. Source North American Indian sign language: Evidence of its existence before European contact. *International Journal of American Linguistics*, 1995, 61(2): 153–167.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vdgpoo>

Аксиологическая составляющая фразеологических единиц с колоративом красный в русском и персидском языках

Хаджи Мусаи Светлана Александровна
Тегеранский университет, Иран, Тегеран
shsveta21@mail.ru

Мадаени Аввал Али
Тегеранский университет, Иран, Тегеран

Аннотация: Фразеологические единицы, содержащие в своем составе колоратив, составляют существенный пласт фразеологии русского и персидского языков, представляя собой микросистему, объединенную семантикой цвета, компоненты которой вступают между собой во внутриязыковые и межъязыковые фразеологические отношения с полной или частичной эквивалентностью, синонимией, омонимией либо антонимией. Проведен сопоставительный анализ переносных (вторичных) значений цветового компонента в составе фразеологических единиц с цветовым компонентом *красный* на основании лингвокультурологического и аксиологического анализа, что отражает некоторые фрагменты национального менталитета двух народов, которые складывались на протяжении многих десятков лет под воздействием исторических событий и религии, традиций и обычаев, природных условий и системы ценностей конкретной нации. Цель – выявить аксиологическую составляющую во фразеологических единицах с цветовым компонентом *красный* в русской и персидской лингвокультурах. Научная новизна работы состоит в изучении их ценностных характеристик. Материалом послужили 53 фразеологизма в русском и 20 – в персидском языках. Методологической основой исследования является лексико-аксиологический анализ фразеологических единиц с цветовым компонентом *красный*, позволяющий использовать материалы данного исследования в преподавании курсов общего языкознания, современного русского и персидского языков, теории и практике перевода, сравнительной типологии русского и персидского языков, в лексикографической практике, при написании курсовых и дипломных работ по данной проблематике. Выявлено, что колоратив *красный* в большинстве фразеологизмах русского языка имеет положительное значение (66 % от общего числа отобранных русских ФЕ), а в персидском языке – отрицательное (80 %). В русском языке колоратив *красный* имеет положительное значение фразеологических единиц в таких категориях, как красота; почтение, парадность; праздник, веселье; особо ценный; ораторское искусство; главное, начало; достижение; ответное действие; смущение; категории с отрицательным значением: красота; робость, застенчивость; ораторское искусство; предел, опасность; огонь; агрессия; ответное действие; стыд. В персидском языке положительное значение обнаружено для следующих категорий: внешний вид; смущение; сохранение собственного достоинства, призыв; отрицательное: изменение цвета лица; хлопоты; предел, опасность; гнев, раздражение; двуличие; воспрепятствование; жестокость; негативные последствия. 19 % от общего числа отобранных русских фразеологизмов отнесены к нейтральным и характеризуют категории торговли, революционной и коммунистической деятельности. Подтверждена гипотеза о присутствии бинарной аксиологической оппозиции.

Ключевые слова: фразеология, аксиология, картина мира, оценка, значение, колоратив, цветообозначение, красный, пословицы, русский язык, персидский язык

Цитирование: Хаджи Мусаи С. А., Мадаени Аввал А. Аксиологическая составляющая фразеологических единиц с колоративом красный в русском и персидском языках. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 607–617. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-607-617>

Поступила в редакцию 01.11.2023. Принята после рецензирования 23.01.2024. Принята в печать 29.01.2024.

full article

Color Name Red in Russian and Persian Phraseology: Axiological Aspect

Svetlana A. Haji Musaei
University of Tehran, Iran, Tehran
shsveta21@mail.ru

Ali Madayeni Avval
University of Tehran, Iran, Tehran

Abstract: This article contains a comparative analysis of the axiological component in phraseological units with the color name red in Russian and Persian linguistic cultures. Phraseological units with color names are numerous in both languages and represent a microsystem united by the semantics of color, the components of which enter into intralingual and interlingual relationships of full or partial equivalence, synonymy, homonymy, or antonymy. The research objective was to compare figurative meanings of the color component in phraseology of the two different languages on the basis of culture linguistics and axiological analysis. The study provided an insight into the national mentality of the two peoples, which emerged as such under the influence of historical events, climate, religion, traditions, and values. The research material included 53 Russian and 20 Persian phraseological units. Both worldviews demonstrated an axiological component in the idioms with color name red, as well as a binary axiological opposition. In Russian, it demonstrated a positive meaning (66%) whereas in Persian it had a mostly negative meaning (80%). In Russian, the color red had a positive meaning in such categories as beauty; respect, festivity; holiday, fun; especially valuable; oratory; the key thing, the beginning; achievement; response action; embarrassment. Categories with negative meaning included beauty; timidity, shyness; oratory; limit, danger; fire; aggression; response action; shame. In Persian phraseology, positive meaning was detected in such categories as appearance; embarrassment; preserving one's dignity, appeal. The negative categories included change in complexion; troubles; limit, danger; anger, irritation; duplicity; obstruction; cruelty; bad consequences. In addition, 19% of Russian phraseological units were classified as neutral and belonged to the categories of trade, revolution, and communism. The method of lexical-axiological analysis makes it possible to use the results in teaching general linguistics, Russian, Persian, translation, and comparative typology, as well as in lexicographic practice.

Keywords: phraseology, axiology, worldview, assessment, meaning, color, color name, red, proverbs, Russian language, Persian language

Citation: Haji Musaei S. A., Madayeni Avval A. Color Name Red in Russian and Persian Phraseology: Axiological Aspect. *SibScript*, 2024, 26(4): 607–617. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-607-617>

Received 1 Nov 2023. Accepted after peer review 23 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

Введение

Применение тех или иных слов и словосочетаний в разных языках напрямую связано с картиной мира носителей данных языков. Фразеологизмы же наиболее ярко отражают мировидение и миропонимание носителей данного языка, их культуру и мировоззрение [Белолюбская 2020; Телия 1966]. «Народной физиономией языка» называл В. Г. Белинский, известный русский литературный критик, фразеологию, и с этим сложно не согласиться, т. к. во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве¹. Особенность таких

знаний состоит в том, что они представляют собой не только имеющиеся знания, но и результат их образного переосмысления.

Цвет присутствует во всех аспектах жизни человека и обогащает мир вокруг нас. Помимо биологического или нейробиологического феномена цветоощущение, это и культурный феномен, необходимыми составляющими которого являются знание, память, воображение, эмоции, отношения с другими людьми, а если взять шире – вся жизнь человека в обществе [Пастуро 2018: 12]. При помощи цвета мы не только

¹ Белинский В. Г. Литературная хроника. In: Белинский В. Г. *Собрание сочинений. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840.* М.: Худ. лит., 1977. С. 407.

называем физические объекты, но и наделяем их значениями и придаем определенную смысловую нагрузку, которая может отличаться в культурах разных народов.

Работы по сопоставительному анализу фразеологических единиц (ФЕ) с цветовым компонентом *красный* проводились и ранее: ФЕ русского языка сопоставлялись с английскими [Матвеева 2020; Сизова 2022; Степанова, Балуюн 2017], с арабскими [Ашук 2018]. Исследования по сопоставлению ФЕ с цветовым компонентом в русском и персидском языках также проводились, но в качестве цветового компонента исследовались только желтый [Халедиан 2013], черный и белый цвета [Хадеми Могаддам, Резаи 2018].

Актуальность настоящего исследования определяется возросшим в последние годы интересом к проблеме цветообозначения в различных языках. Лексика этого направления обладает огромной значимостью для человека и представляет собой легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы. Исследования в данной области уже проводили филологи, но в то же время следует отметить, что исследования цветообозначений в идиоматике, особенно в сопоставительно-аксиологическом плане, еще не получили достаточного освещения в рамках теории языка и лингвокультурологии и требуют дальнейшего изучения.

Фразеологизмы, употребляемые носителями того или иного языка, можно назвать зеркалом души, они лаконично и точно характеризуют различные аспекты жизни человека, отражают глубины человеческого сознания, характеризуют состояния и ситуации, отражают совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью, являются значимыми для всех носителей данного языка. Такой точности и глубине способствует применение в них цветового компонента, в том числе и колоратива *красный*, который может иметь различные значения. Исследования ценностей в лингвокультурологии объединяют достижения представителей в смежных областях знаний, раскрывая в значениях слов и фразеологических сочетаниях способы фокусировки ценностей, норм и повседневности в стандартных образцах поведения в типичных обстоятельствах [Вежбицкая 2001; Верещагин, Костомаров 2005; Зализняк и др. 2005; Радбиль 2020; Серебренникова 2011].

Аксиологический аспект способствует наилучшему пониманию ценностных ориентиров в языке, и в особенности это является актуальным при изучении иностранного языка [Адонина и др. 2017: 60]. Ценностные ориентиры, понятия о хорошем и плохом, добром и злом, опасном и безопасном и т. д. способствуют не только лучшему овладению иностранным языком, но и помогают понять мировоззрение и мироустройство, восприятие и оценки действительности людьми, говорящими на нем [Серебренникова 2011: 11]. Ценности определяют «важнейшие смыслы человеческой деятельности, и в этом качестве имеют как универсальную (психологическую), так и культурно-специфическую природу» [Лебедева 2001: 26], с помощью языковых средств выражают речевую объективацию оценок, ценностей и основанных на них суждений [Сигал 2022: 92].

Красный цвет как в русской, так и в персидской культуре занимает значимое место. Недаром он присутствует на флагах двух стран, символизируя энергию, мужество и кровь, пролитую за Отечество². Выражения *красный как кровь* в русском языке и *فرمز مثل خون* (гермес месле хун)³ в персидском языке характеризуют красный цвет, в том числе и как цвет крови. В одежде популярных национальных футбольных клубов двух стран «Спартак» (Россия) и «Персполис» (Иран) тоже преобладает красный цвет, который символизирует собой энергию и силу. Такую же значимость красного цвета мы можем увидеть, посмотрев на национальные русские одежды, в которых изобилует красный цвет, символизируя жизненную силу, долголетие и плодородие. Присутствует красный цвет и в национальных костюмах северных провинций Ирана, символизируя энергию жизни.

В русской цветовой картине мира красный цвет является значимым, уступая место только белому и черному, которые входят в так называемую символическую триаду цветов [Завьялова 2011: 159]. Русское слово *красный* образовано от краткой формы *краснь* > *красень* и является полной формой прилагательного с окончанием *-ый*, которая возникла в общеславянский период от праславянского существительного *краса* со значением «красота, прелесть, стройность, изящество, украшение и т. д.»⁴. Помимо данного значения, «в отношении исторических лиц, известных своими положительными

² رنگ در فرهنگ ایران. (Цвет в иранской культуре). URL: <https://powertrain.blogsky.com/1390/04/14/post-470/> 2021 (accessed 29 Sep 2023).

³ Здесь и далее перевод и русская транскрипция из персидских источников выполнены авторами статьи.

⁴ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1989. С. 196. <https://elibrary.ru/nxkwbw>

качествами, слово *красный*, наверное, может значить не только 'красивый', 'привлекательный', а 'достойный', 'знаменитый', 'славный' и прочее» [Бахилина 1975: 164].

Красный цвет в персидском языке представлен двумя словами: *سرخ* (соркх) и *قرمز* (гермез). Красный – теплый цвет, который пробуждает мощную энергию и указывает на любовь, теплоту и близкую дружбу. Стоит отметить, что красный цвет составлял триаду цветов вместе с белым и зеленым, традиция использования которых была заложена в империи Ахеменидов (558–330 гг. до н. э.), что подтверждается найденным штандартом, на котором был изображен золотой орел с распростертыми крыльями, по периметру которого имеется кайма из красно-бело-зеленых треугольников. Данная традиция использования красного цвета на штандарте, известном как *Деравиш Кавиани*, была продолжена и в период государства Сасанидов (с начала и до середины I в. н. э.). В период шахиншахского правления одним из символов Ирана был герб, на котором в верхней правой четверти на красном фоне изображен Фарвахар – главный символ зороастризма, известный со времен династии Ахеменидов, когда зороастризм стал государственной религией страны [Баранов 2020: 68]. В Исламе красный цвет – символ жертвы на пути религиозной веры. В иранской культуре к красному цвету сейчас наблюдается двойное отношение. Он символизирует как радость, счастье, так и кровь, агрессию, гнев. Красный цвет представляется как огонь и является символом жизни, мужества, самопожертвования, борьбы, силы, жизнерадостности, амбиций, любви. В персидской фразеологической картине мира красный цвет по употреблению стоит практически наравне с желтым цветом, значительно уступая таким цветам, как белый и черный.

Методы и материалы

Материалом стали 53 ФЕ русского и 20 ФЕ персидского языков с компонентом цветообозначения *красный* (всего 73 ФЕ), образованные независимо от степени семантической слитности компонентов ФЕ и способа фразеологизации, временной характеристики, речевой или языковой принадлежности, включаемых в состав пословиц, поговорок, высказываний, отобранные методом сплошной выборки из толковых, фразеологических, этимологических и энциклопедических словарей русского и персидского языков: Г. П. Цыганенко (1989), Н. Ю. Шведова (2011), Ю. А. Рубинчик (1985), Декххода Али-Акбар (1994),

Г. С. Голева (2000), Б. Ю. Иванова (2002), А. И. Фёдоров (2008), Д. Н. Ушаков (1939), В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко (1990), Фарсадманеш Сафар-Али, Л. Ежова (2005), А. Н. Тихонов (2007), Д. В. Дмитриев (2003). Необходимо отметить, что в исследовании включены все найденные в персидском языке ФЕ. Основными методами являются сопоставительный метод и аксиологический анализ.

Результаты

Рассмотрим выявленные значения колоратива *красный* в русском и персидском языках.

Красота. Первичное значение слова *красный* сохранилось в таких выражениях, как *красна девица* – красивая девушка, *красный молодец* – красивый, здоровый, пользующийся симпатией у окружающих молодой человек. При этом красный цвет может иметь и дополнительные значения. Например: пренебрежительное значение имеет выражение *красный каблук*, называющее того, кто имеет пристрастие к дорогим, изысканным нарядам; фразеологизм *красна девица* может употребляться в значении *робкий, застенчивый*, если речь идет об очень скромном молодом человеке.

Фразеологизм *красно солнышко* символизирует то, что дает жизнь, *весна красна* – начало жизни, *лето красное* – торжество жизни. Данные ФЕ имеют идиоматическое наполнение, напрямую восходящие к первичному значению слова *красный* в значении *красота*⁵. Они наиболее употребительны в народном творчестве, встречаются в пословицах и поговорках: *красно солнышко на белом свете черную землю греет; весна красна цветами, осень – обильными плодами; красное лето – зеленый покос.*

Фразеологизм *на миру и смерть красна* ассоциирует красную смерть с красотой, легкостью, которую легко перенести не в одиночку, а вместе, сообща. У пословицы есть и персидский эквивалент: *mārg be anbu* (دآست-е) джами – джашн аст (مرگ به انبوه دست جمعی), который можно перевести как *смерть в массе (с коллективом) – есть праздник.*

Состояние, внешний вид. Сочетание слов *белый* (سفید) и *красный* (سرخ) в персидском языке в основном несет положительное значение, а выражение *سرخ و سفید* (соркх-сефид) означает *здоровый, румяный* (букв. красно-белый). Состояние внешних покровов кожи характеризует выражение *سرخ فام* (соркхфам), которое употребляется в значении *красноватый,*

⁵ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбукович, 2011. С. 83.

*красный*⁶. Персидскому выражению *قرمز شدن* (гермес шодан), которое буквально переводится как *становиться красным*, соответствует русское *покраснеть*, имеющее значение изменения цвета лица на красный при смущении⁷. В персидском языке о том, кто наводит внешнюю красоту, подкрашивается, используют фразеологизм *سرخاب و سفیداب کردن* (соркх-аб ва сефид-аб кардан), который буквально означает *сделать красную воду белой*⁸.

Под влиянием эмоций изменяется цвет лица на красный, и персидский фразеологизм *سرخ (و زرد) شدن* (соркх (ва зард) шодан), буквально означающий *стать красным (и желтым)*, описывает данное изменение цвета лица, которое наступает вследствие смущения или раздражения. Выражение может быть употреблено, когда человек бледнеет либо конфузится, и соответствует русскому *измениться в лице*⁹.

Почитаемый, парадный. Дорогого гостя, который приятен и вызывает положительные эмоции у хозяев, на Руси называли *красный гость*. Располагая у себя дома гостя, которому хозяева были рады, говорили: *красное место красному гостю*, подразумевая под данным выражением, что самое лучшее, удобное место в доме предоставляется для гостившего. Наиболее почитаемое место в доме, где располагаются объекты, которым придавалась высшая культурная ценность, например: иконы, священные книги, освященные в храме предметы и т. п., называют и сейчас *красный угол*¹⁰. Крыльцо, которое идет по всей лицевой стороне московского царского дворца, от Благовещенского собора до Грановитой палаты, с середины XVII в. получило название *Красное крыльцо*, и данное выражение закрепилось в языке. Со времен царской России обеспеченные люди, имевшие дворцы или большие усадьбы, называли *красным крыльцом* парадный вход, который служил местом для встречи гостей и проведения торжественных событий.

Праздник, веселье. Со времен СССР сохранилась традиция праздничные дни в отрывных календарях выделять красным цветом, вследствие этого в народе

закрепилось выражение *красный день (календаря)*, которое в настоящее время ассоциируется с хорошим, праздничным, памятным днем. Здесь же стоит упомянуть и фразеологизм *красные дни*, который означает время удач, хорошей жизни¹¹.

– Ведь вишь, – сказал, между прочим, Ипатов, прислушиваясь к завываньям ветра, – какие ноты выводит! Лето-то уж давно прошло; вот и осень проходит, вот и зима на носу. Опять завалит кругом сугробами. Хоть бы поскорее снег выпал. А то в сад выйдешь, тоска нападет... Словно развалина какая-то. Деревья ветками стучат... Да, прошли красные дни! (Тургенев И. С. Затишье. 1856).

Первую неделю после Пасхи называют *Красная горка*. Как писал в своей книге «Народная Русь» Аполлон Коринфский, данный праздник берет свое начало от «седой древности», и красный цвет он характеризовал как прекрасный, веселый, радостный и молодой. Горы же он называл «колыбель человечества и обитель богов и естественные пределы их владений»¹². По этой причине, а также из-за того, что земля на горках и возвышенностях первой освобождалась от зимнего снега, большинство богослужебных обрядов и связанных с ними обычаев, праздников и гуляний проходили на возвышенностях. Эти дни со времен Руси считались днями веселья, радости и временем проведения свадеб.

Особо ценный. Колоратив *красный* в сочетании с такими словами, как *зверь, дичь, гриб, лес, дерево*, приобретает значение *ценный*: *красный зверь* – для охотника наиболее ценный зверь (медведь, лось, куница, лисица и др.), из шкур которого шили зимнюю одежду; *красная дичь* – лучшая болотная дичь, *красным грибом* называют подосиновик, хвойный лес известен под названием *красный лес* или (краснолесье), а выражение *красное дерево* употребляется в значении древесины некоторых деревьев, преимущественно тропических, употребляемых для изготовления высших сортов столярных изделий¹³.

⁶ Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. Т. 2. С. 219.

⁷ Там же. С. 265.

⁸ 1373. دخندا علی اکبر. فرهنگ توضیحی زبان فارسی. ایران: روزانه، 1994.)

⁹ Голева Г. С. Фарси-русский фразеологический словарь. М.: Грааль, 2000. С. 325.

¹⁰ Российский гуманитарный энциклопедический словарь, ред. Б. Ю. Иванов, С. Р. Малкина, Г. В. Якушева. М.: Владос, 2002. Т. 2.

¹¹ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: АСТ, 2008. С. 880. <https://elibrary.ru/gpueox>

¹² Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. С. 255.

¹³ Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1939. Т. 3. С. 789.

Составленный список редких и находящихся под угрозой исчезновения (вымирания или истребления) видов животных, растений и грибов был впервые выпущен в 1963 г., заглавная страница которого имела красный цвет, предложенный исследователем Питером Скоттом. Цвет был выбран, т. к. служил сигналом об опасности, а виды животных, растений и грибов, входящие в этот список, необходимо оберегать из-за угрозы их исчезновения. Сейчас в России составлен аналогичный список животных, растений и грибов, которые находятся под риском полного исчезновения, и данный список известен как *Красная книга*.

Ораторское искусство. Выражение *красное слово (слово)* означает *меткое, хлесткое замечание*¹⁴. Данное выражение обладает положительной коннотацией, указывая на то, что говорящий обладает остроумием. Но фразеологизм *ради красного словца* имеет противоположное значение и говорится с неодобрением, часто с оттенком иронии. Так, придание речи говорящим яркости, красоты, остроты происходит только для того, чтобы приукрасить действительное положение дел, иногда пренебрегая тем, что сказанное может обидеть кого-либо¹⁵.

Выражение *красно говорить (писать, сказать)* служит описанием складной, остроумной и меткой речи. Данный фразеологизм и связанные с ним выражения часто можно встретить в пословицах и поговорках русского народа, характеризующих умение красиво, складно говорить: *красна речь умом; красную речь красно и слушать; без обеда не красна беседа*.

Главное, начало. До начала книгопечатания каждый новый текстовый или смысловой фрагмент текста в рукописях необходимо было выделить, и их выделение начинали с красиво оформленной первой буквы, которую порой украшали цветными рисунками, а иногда и золотом. От данной традиции украшения начала каждого абзаца и пошло выражение *с красной строки*, которое сейчас буквально означает начало текста или абзаца, имеющего небольшой отступ вправо. Этот фразеологизм способствовал появлению такого выражения, как *проходить красной строкой*, в значении *быть главным, наиболее значимым* [Бессонова 2016].

Метафора *проходить красной нитью*, означающая постоянное присутствие в чем-либо в качестве главной идеи, темы или тенденции, вошла во фразеологию русского языка благодаря произведению немецкого писателя Иоганна Гете «Родственные натуры», в котором описано как красная нить вплеталась в морской канат таким образом, что ее нельзя было убрать, не повредив весь канат. Одновременно выражение *проходить красной нитью* приобрело переносный смысл, символизируя симпатию и привязанность главной героини книги на протяжении всего романа.

Сохранение собственного достоинства. Защищая свою свободу, сохраняя свою гордость и независимость, в персидском языке используют фразеологизм *مرگ سرخ به از زندگی ننگین* (ма́рге соркх, бе аз зендеги нāнгин), который соответствует русскому *лучше умереть стоя, чем жить на коленях*, сообщающий о том, что ни в каких ситуациях человек не должен терять собственное достоинство. Буквально перевести данный фразеологизм можно как *красная смерть от позорной жизни*. Также данное выражение может быть призывом к активным гражданским действиям в борьбе за свободу и независимость¹⁶.

Достижение. Учащиеся и студенты, показавшие отличные результаты в процессе обучения, т. е. отличившиеся как лучшие, после окончания учебного заведения получают диплом, который в разговорной речи называют *красным дипломом* [Чепкова и др. 2013: 18], получившим свое название из-за цвета обложки. Выражение *доска почета*, называемая в народе *красная доска*, означает стенд, на которой вывешивается список отличившихся в чем-нибудь, т. е. лучших в каком-то деле. Данный фразеологизм берет свое начало с советских времен, когда стенды, поощряющие работников, обтягивались красной материей¹⁷.

Связь с торговлей. *Красный ряд* (уст.) – торговый ряд, в котором продавались ткани, мануфактура, *красный товар* (уст.) – текстильная продукция, *красная цена* – хорошая, достаточно высокая цена¹⁸.

Символ революции, связанный с коммунистическим строем. Такие выражения, как *красные полки, красная гвардия, красная армия, красный флот*, возникли после Революции 1917 г. и называли

¹⁴ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, отв. ред. Н. Ю. Шведова... С. 376.

¹⁵ Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1990. С. 133.

¹⁶ 139 سی. فرسامنشن صفر علی، یژووا ال. فرهنگ روسی - فارسی ضرب المثل و گفته. ایران: دانشگاه تهران، ۱۳۸۵. س. 139.

¹⁷ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка... С. 880.

¹⁸ Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков... Т. 1. С. 751.

революционные полки, отряды, дружины, сухопутные и морские вооруженные силы РСФСР и СССР в первой половине XX в.¹⁹ Атрибутами коммунистического строя были *красная звезда* и *красный галстук*, служившие символами левых организаций и движений. В советский период, в противоположность красному углу, ранее описанному нами, стали организовывать *красный уголок* – стенд или место для революционной агитации.

Хлопоты. Пословица *کلاف ابریشم خود را به درخت گل سرخ انداختن* (калаф абришам ход ра бе драхте голь соркх андахтан), которая буквально переводится как *бросить свой шелковый клубок на розовый куст*, означает добровольно взятые на себя хлопоты, заботы²⁰ и соответствует русскому *не знала баба горя, купила баба пороса*.

Предел, опасность. *Красная линия (черта)* – в архитектуре предел, за который нежелательно или нельзя переступить²¹. Данный фразеологизм также имеет еще одно значение: предел терпения одной из сторон, при нарушении которого безопасность более не гарантирована. Аналогичный фразеологизм присутствует и в персидском языке: *хат гермез (خط قرمز)*, который буквально означает *красная линия* и имеет такое же значение, что и в русском языке.

Ассоциация красного цвета с опасностью и осторожностью [Уварова, Иванова 2021] способствовала появлению таких выражений, как *красная опасность* – угроза левого переворота, коммунизма, *рыжий да красный – человек опасный*, т. к. на Руси людей с волосами оттенков огненного цвета причисляли к ведьмам и колдунам, порождениям нечистой силы. В персидском языке присутствует выражение, означающее опасную, критическую ситуацию: *زیر نور قرمز* (зир нуре гермез), дословно переводимое как *под красным светом*.

Огонь, предупреждение об осторожности. Древнее значение красного цвета в русском языке, помимо значения *красивый*, связывалось с огнем, а петух в древних языческих мифах причислялся к живым существам, которые обладают сверхъестественными способностями. Возможно, это и послужило тому, что возник фразеологизм *красный петух* в значении *пожар*, а выражение *пустить красного петуха* применяется в значении *поджечь что-либо, устроить пожар*²².

Ассоциативно красный цвет в персидском языке также символизирует огонь, который напоминает о подстерегающей опасности. Вследствие этого и возник фразеологизм *قرمز را ببین، به سوی خطر حذر کن* (гермез ра бебин, бе суйе хатар хазар кон), который буквально можно перевести как *увидишь красный, остерегайся опасности*.

Агрессия, гнев. Фразеологизм как *красная тряпка для быка*²³ (как бык на красную тряпку) возник как ассоциация с испанской корридой, где матадор, чтобы привлечь внимание быка к себе и разозлить его, размахивает перед ним красной тряпкой. В русском языке данный фразеологизм имеет следующее значение: вызванное кем-то или чем-то состояние крайнего раздражения, недовольства и т. п.

В персидской культуре человека, испытывающего гнев или крайнюю степень раздражения вследствие каких-либо событий, могут характеризовать такие персидские фразеологизмы, как *چشم سرخ کردن* (чешм соркх кардан), *قرمز سوخته* (гермез суخته) и *سرخ رو* (соркх ру), которые буквально переводятся как *сделать глаза красными, сгоревший красный и красное лицо* соответственно. Такое же значение имеет и фразеологизм *مثل آتش سرخ شدن* (месле аташ соркх шодан), который буквально означает *становиться красным как огонь* [Рубинчик 1981: 253].

Ответное действие. Выражение *долг платежом красен* возникло в то время, когда купцы, давая друг другу деньги в долг, требовали возврата с процентами, что делало долг *красным*, т. е. *хорошим*. Но в настоящее время данное выражение получило еще одно толкование: на добро или зло отвечают тем же. У данной пословицы есть и персидский аналог: *خار خوردهای، پاس دادنی، پس دادنی هم دارد* (хар хордәнеи, пас дадәнеи, пас дадәнеи).

Признак смущения, стыда. У человека, испытывающего сильное волнение из-за переполняемых чувств, наблюдается прилив крови к лицу, вследствие чего его лицо краснеет, и в таких случаях используются выражения *краснеть как рак (помидор)*, *краснеть до корней волос (до ушей)*²⁴. Аналогичное значение такого состояния можно выразить и при помощи персидского фразеологизма *رنگ زردی کشیدن*

¹⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, отв. ред. Н. Ю. Шведова... С. 376.

²⁰ 176. فر هنگ روسی - فارسی ضرب المثل و گفته. (Фарсадманеш Сафар-Али, Ежова Л. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок... С. 176.)

²¹ Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков... Т. 3. С. 789.

²² Фразеологический словарь русского языка, ред. А. Н. Тихонов. М.: Русский язык-Медиа, 2007. С. 195.

²³ Толковый словарь русского языка, ред. Дмитриев Д. В. М.: Астрель, 2003. С. 356.

²⁴ Фразеологический словарь русского языка, ред. А. Н. Тихонов... С. 121.

(раанг зарди кешидан), буквально перевести который можно как *рисовать желтой краской*.

– Дарья Александровна, – сказал он, **краснея до корней волос**, – я удивляюсь даже, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого. Как вам просто не жалко меня, когда вы знаете... (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1877).

Выражение *врать и не краснеть* указывает нам на говорящего, который нагло, беззастенчиво врет. Но иногда человеку сложно выразить свои мысли вслух, поэтому он все свои мысли и чувства (обычно негативные) излагает на бумаге, и в этом случае уместно выражение *бумага от стыда не краснеет*, которое соответствует персидскому галām низ вā кагāз тиз (قلم نیز و کاغز نیز), буквально означающему *перо острое и бумага скользкая*.

Двуличие. И в русской, и в персидской культуре отрицательно относятся к людям, которые говорят одно, думают другое, а делают третье. Таких людей в персидском языке называют سفید و سرخ (ба соркхо сефид), что буквально означает *с красным и белым*, а в русском – *лицемер*.

Выражение صورت را با سیلی سرخ نگه داشتن (сурāt ра ба сили соркх негāх даштāн)²⁵ буквально переводится как *держат лицо красным от пощечины*, употребляется, когда говорят о том, кто при очень скромных доходах ведет себя как обеспеченный, ни в чем не нуждающийся человек. У данного фразеологизма есть и русский эквивалент: *пускать пыль в глаза, строить из себя*.

Воспрепятствование. Фразеологизм قلم قرمز کشیدن (роу) (галām гермез кешидан (руе)), буквально означающий *положить красную ручку (на)*, имеет значение воспрепятствования принятию какого-либо решения в одностороннем порядке и соответствует русскому *наложить вето*, т. е. *запретить* [Голева 2006].

Жестокость. Жестокоего человека характеризует персидский фразеологизм سرخ چشم (соркх чешм)²⁶. Это же выражение может называть и палача, т. е. человека, который с легкостью может казнить, лишит другого человека жизни (букв. *красные глаза*).

Сборище этих безвольных яростных палачей каждого тирана и демона-предводителя его восстания (словарь Анджаман Ара Насери).

جوقی از این زردگوش گاه غضب سرخ چشم هر یک طاغی و دیو رهبر طغیان او
(فرهنگ انجمن آرای ناصری)

В разговорной речи можно услышать выражение *یه سرخ* (яге соркх), которое называет человека, совершающего преступления с использованием насилия, но обладающего очень высоким влиянием и властью в обществе, не боящегося того, что его преступления будут раскрыты (букв. *красный воротник*).

Негативные последствия. Часто необдуманные, резкие слова могут привести к негативным последствиям. Об этом нам говорит и персидская пословица زبان سرخ سر سبز میدهد بر باد (зāбане соркх сāре сāбз мидāхād бār бād), что буквально означает *красный язык зеленую голову ветром уносит* и соответствует русским выражениям *кто много болтает, тот беду на себя накликает* или *язык мой – враг мой*. Советский и российский филолог-иранист Ю. А. Рубинчик *красный язык* (زبان سرخ) в данном выражении перевел как *бойкий язык*, а *зеленую голову* (سر سبز) – как *юная голова* [Рубинчик 1981: 244].

Заключение

По итогам проведенной работы фразеологизмы с колоративом *красный* можно представить в виде групп, выражающих положительные и отрицательные аксиологические составляющие.

В русском языке колоратив *красный* имеет положительное значение ФЕ в таких категориях, как красота (9 ФЕ); особо ценный (6 ФЕ); ораторское искусство (5 ФЕ); почтение, парадность (4 ФЕ); праздник, веселье (3 ФЕ); главное, начало (3 ФЕ); достижение (2 ФЕ); смущение (2 ФЕ); ответное действие (1 ФЕ). Отрицательное значение: предел, опасность (2 ФЕ); огонь (2 ФЕ); стыд (2 ФЕ); красота (1 ФЕ); робость, застенчивость (1 ФЕ); ораторское искусство (1 ФЕ); агрессия (1 ФЕ); ответное действие (1 ФЕ).

В персидском языке положительное значение ФЕ с колоративом *красный* зафиксировано для следующих категорий: внешний вид (2 ФЕ); смущение (1 ФЕ); сохранение собственного достоинства, призыв (1 ФЕ). Отрицательное значение: гнев, раздражение (4 ФЕ); предел, опасность (3 ФЕ); жестокость (2 ФЕ); изменение цвета лица (2 ФЕ); двуличие (2 ФЕ); хлопоты (1 ФЕ); воспрепятствование (1 ФЕ); негативные последствия (1 ФЕ).

²⁵ Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь... Т. 2. С. 142.

²⁶ Там же. С. 33.

ФЕ, имеющие значение торговли (3 ФЕ), революционной и коммунистической деятельности (7 ФЕ), можно отнести к нейтральным, т. к. они в основе своей, взятые отдельно от контекста, не отражают ни положительной, ни отрицательной коннотации, и составляют приблизительно 19 % от общего числа отобранных русских ФЕ.

В ходе проведенного исследования установлено, что аксиологическая составляющая ФЕ, содержащих в своем составе колоратив *красный*, в большинстве фразеологизмах русского языка имеет положительное значение (66 % от общего числа отобранных русских ФЕ), а в персидском языке – отрицательное (80 % от общего числа отобранных персидских ФЕ). Можно объяснить доминирование в русском языке положительной составляющей фразеологизмов, содержащих в своем составе колоратив *красный*, особенностями русской лингвокультуры, т. к. в первую очередь красный цвет в русской картине мира – это цвет, который ассоциируется с природной или внешней красотой, позитивом и достижением. Тот факт, что в персидском языке большинство рассмотренных фразеологизмов, содержащих в своем составе колоратив *красный*, имеют отрицательную эмоциональную окраску, по-видимому, может быть объяснен тем, что для представителей персидской культуры красный цвет в первую очередь ассоциируется с опасностью, гневом

и раздражением, т. е. служит выражением негативного внутреннего и внешнего состояния. Следовательно, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что особенностью оценки цветообозначения *красный* в семантике ФЕ русского и персидского языков является присутствие бинарной аксиологической оппозиции.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. А. Хаджи Мусаи – общая концепция исследования, сбор, обработка и интерпретация фактического материала, обсуждение результатов, написание текста статьи (70 %). А. Мадаени Аввал – обсуждение результатов, написание текста статьи (30 %).

Contribution: S. A. Haji Musaei developed the general research concept, collected the data, processed and interpreted the material, discussed the results, and wrote the manuscript (70%). A. Madayeni Avval discussed the results and wrote the manuscript (30%).

Литература / References

- Адолина Л. В., Лазарев С. В., Никитина В. В., Смирнова С. В., Фисенко О. С., Чернова Н. В. Методика обучения иностранцев фразеологической системе русского языка: лингвокультурологический аспект. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 6. С. 59–65. [Adonina L. V., Lazarev S. V., Nikitina V. V., Smirnova S. V., Fisenko O. S., Chernova N. V. The teaching methods of foreigners with phraseological system of Russian language: Lingua-cultural aspect. *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2017, (6): 59–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yztuz>
- Ашуак М. М. Семантика и символика фразеологизмов с компонентом цветообозначения (на материале арабского и русского языков). *Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: XIX Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 15 октября – 25 ноября 2018 г.) М.: МЦНО, 2018. С. 93–102. [Ashuak M. M. Semantics and symbolism of phraseological units with a color designation component in Arabic and Russian. *Scientific forum: Philology, art history and cultural studies: Proc. XIX Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 15 Oct – 25 Nov 2018*. Moscow: ICSE, 2018, 93–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkqien>
- Баранов А. В. Мнемонизация исторической памяти в государственной символике Ирана. *История и историческая память*. 2020. № 21. С. 63–81. [Baranov A. V. The mnemonization of the historical memory in states symbols of Iran. *Istoriia i istoricheskaiia pamiat*, 2020, (21): 63–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hglstd>
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с. [Bakhilina N. B. *History of color terms in the Russian language*. Moscow: Nauka, 1975, 292. (In Russ.)]
- Белолобская В. Г. Концепт «цвет» как компонент национальной картины мира на материале эвенского языка. *Филология: научные исследования*. 2020. № 1. С. 56–65. [Belolyubskaya V. G. The concept of "color" as an element

- of ethnic worldview of the materials of Even language. *Philology: scientific research*, 2020, (1): 56–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.1.31387>
- Бессонова Л. А. Цветофразеологизмы как средство познания национальной культуры на занятиях по РКИ. *Карповские научные чтения*, отв. ред. А. И. Головня. Мн.: ИВЦ Минфина, 2016. Вып. 10. Ч. 1. С. 158–162. [Bessonova L. A. Color phraseological units as a means of understanding national culture in classes of Russian as Foreign Language. *Karpov scientific readings*, ed. Golovnya A. I. Minsk: IVTs Minfina, 2016, iss. 10, pt. 1, 158–162. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: ЯСК, 2001. 288 с. [Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words*. Moscow: IaSK, 2001, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumhvv>
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с. [Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienthemes*. Moscow: Indrik, 2005, 1040. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdwuyh>
- Голева Г. С. Фразеология современного персидского языка. М.: Муравей, 2006. 225 с. [Goleva G. S. *Phraseology of the modern Persian language*. Moscow: Muravei, 2006, 225. (In Russ.)]
- Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 321 с. [Zavyalova N. A. *Phraseological units with a color component as part of routine discus in Japan, Great Britain, and Russia*. Yekaterinburg: UrFU, 2011, 321. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqvgff>
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: ЯСК, 2005. 544 с. [Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: IaSK, 2005, 544. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvxtnd>
- Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре. *Психологический журнал*. 2001. Т. 22. № 3. С. 26–36. [Lebedeva N. M. Value-motivational structure of personality in Russian culture. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2001, 22(3): 26–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roppiz>
- Матвеева Л. А. Фразеологизмы с компонентом «красный» / "red" в английском и русском языках. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2020. № 2. С. 60–65. [Matveeva L. A. Phraseological units with component "red" in the English and Russian languages. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2020, (2): 60–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zstwkj>
- Пастуро М. Красный. История цвета. М.: НЛО, 2018. 160 с. [Pastoureau M. *Red. History of color*. Moscow: NLO, 2018, 160. (In Russ.)]
- Радбиль Т. Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике русского языка. *Мир русского слова*. 2020. № 1. С. 5–10. [Radbil T. B. Analyticity vs syntheticity in active processes in modern Russian grammar. *Mir russkogo slova*, 2020, (1): 5–10. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-11005>
- Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М.: Наука, 1981. 276 с. [Rubinchik Yu. A. *Fundamentals of phraseology of the Persian language*. Moscow: Nauka, 1981, 276. (In Russ.)]
- Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа. In: Серебренникова Е. Ф., Антипов Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г., Хahalova С. А., Казыдуб Н. Н., Литвиненко Т. Е., Семенова Т. И., Готлиб О. М., Малинович М. В., Шарунов А. И., Кулагина О. А. *Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов*. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26. [Serebrennikova E. F. Aspects of axiological linguistics. In: Serebrennikova E. F., Antipiev N. P., Ladygin Y. A., Malinovich Yu. M., Plotnikova S. N., Tareva E. G., Khakhalova S. A., Kazydub N. N., Litvinenko T. E., Semenova T. I., Gotlib O. M., Malinovich M. V., Sharunov A. I., Kulagina O. A. *Linguistics and axiology: Ethnosemimetry of value meanings*. Moscow: Tezaurus, 2011, 7–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqjodf>
- Сигал К. Я. Аксиология в синтаксических структурах. In: Милованова М. С., Сигал К. Я., Карасик В. И., Слышкин Г. Г., Фоминых Б. И., Боженкова Н. А., Гончарова, Л. М., Матрусова А. Н., Шамсутдинова Р. Р., Катышев П. А. *Общая и русская лингвоаксиология*. М.: Канцлер, 2022. С. 91–147. [Seagal K. Ya. Axiology in syntactic structures. In: Milovanova M. S., Sigal K. Ya., Karasik V. I., Slyshkin G. G., Fominykh B. I., Bozhenkova N. A., Goncharova L. M., Matrusova A. N., Shamsutdinova R. R., Katyshev P. A. *General and Russian linguistic axiology*. Moscow: Kantsler, 2022, 91–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lptgqw>

- Сизова О. С. Сравнительный анализ фразеологизмов с компонентом цвета «красный» в английском, немецком и русском языках. *Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: межвуз. науч.-практ. конф.* (Москва, 18–20 октября 2021 г.) М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2022. Т. 3. С. 150–154. [Sizova O. S. Phraseological units with the color component "red" in English, German and Russian. *Foreign language in the professional field: Pedagogy, linguistics, and intercultural communication: Proc. Interuniv. Sci.-prac. Conf., Moscow, 18–20 Oct 2021.* Moscow: Kosygin State University of Russia, 2022, vol. 3, 150–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kqircz>
- Степанова А. А., Балуйан С. Р. Идиоматические выражения с компонентом «красный цвет» русского и английского языков и их отражение в языковой картине мира. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2017. № 1-3. С. 174–177. [Stepanova A. A., Baluyan S. R. Idiomatic expressions with the component red color of the Russian and English languages and their reflection in the corresponding linguistic worldviews. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, (1-3): 174–177. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhxuyr>
- Телия В. Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 86 с. [Teliya V. N. *What is phraseology.* Moscow: Nauka, 1966, 86. (In Russ.)]
- Уварова Л. Н., Иванова В. Д. Психология цвета в маркетинге. *E-Scio.* 2021. № 1. С. 399–403. [Uvarova L. N., Ivanova V. D. Psychology of color in marketing. *E-Scio*, 2021, (1): 399–403. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bspjat>
- Хадеми Могаддам М., Резаи М. Сопоставительный анализ персидских фразеологизмов с компонентом черного и белого цветов и их русские эквиваленты. *Филологические науки в МГИМО.* 2018. № 4. С. 114–119. [Khademi Moghaddam M., Rezaei M. Comparative analysis of Persian phraseological units with a component of black and white colors and their Russian equivalents. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2018, (4): 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/voisnk>
- Халедиан Р. Фразеологизмы с колоративным компонентом «желтый» в русском и персидском языках: лингвокультурологические аспекты. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки.* 2013. № 2. С. 106–110. [Khaledian R. Phraseological units with a colorative component "yellow" in Russian and Persian: Lingvo-cultural aspects. *Vestnik of Polotsk State University. Series: Humanities*, 2013, (2): 106–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpkqxl>
- Чепкова Т. П., Мартыненко Ю. Б., Степанян Е. В. Русские фразеологизмы. Узнаем и учим. М.: Флинта, 2013. 108 с. [Chepkova T. P., Martynenko Yu. B., Stepanyan E. V. *Russian phraseological units. Discover and learn.* Moscow: Flinta, 2013, 108. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sxyggq>

Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц

Дубаков Леонид Викторович

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, Шэньчжэнь

eLibrary Author SPIN: 8955-5605

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Scopus Author ID: 58250401700

dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация: В рамках исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, анализируются поэтические и прозаические произведения Е. А. Шварц, в которых обнаруживаются буддийские идеи, мотивы, образы, определяются особенности и функции их творческого освоения. В своем художественном мире поэт создает жизнеспособную экуменическую утопию, существующую благодаря мистической широте и глубине героев ее произведений, благодаря особому пространству, внутри которого они пребывают: его территориальное и культурное сужение вынуждает их договариваться. Буддизм среди христианства, иудаизма и ислама в творчестве Елены Шварц представляет собой альтернативный, иной и одновременно сущностно схожий с авраамическими религиями вариант обретения трансцендентного. Его существование в петербургском или, шире, российском духовном пространстве воспринимается героями как тайна и вместе с тем как божественная данность, за которой стоит безразличие к вероучительной и сотериологической разнице религий на фоне возможного проявления сострадания. Буддизм в шварцевском творчестве стилистически русифицируется, христианизируется, равно как и, напротив, он оказывается способен к буддификации окружающей реальности. В творчестве Елены Шварц буддийские идеи, мотивы и образы соседствуют с христианскими, создавая органическое духовное единство. Также выявлен параллельный авраамическим религиям буддийский сюжет духовного преображения героев шварцевских произведений, проходящих путь от явления им Будды до буддийского просветления.

Ключевые слова: Елена Шварц, буддизм, экуменизм, мистицизм, буддификация, русификация, трансцендентное

Цитирование: Дубаков Л. В. Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 618–628. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628>

Поступила в редакцию 01.04.2024. Принята после рецензирования 02.05.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen

eLibrary Author SPIN: 8955-5605

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Scopus Author ID: 58250401700

dubakov_leonid@mail.ru

Abstract: This article is part of a study of the Buddhist text in modern Russian literature. It focuses on Elena A. Schwartz, who developed some Buddhist ideas, motives, and images in her poetry and prose. Her artistic world is a viable ecumenical utopia that exists due to the mysticism of personages and environment. This chronotope gets narrower and narrower in a territorial and cultural sense, thus forcing the personages to adapt. Buddhism in Christian, Judaic,

or Islamic environment is an alternative to conventional Buddhism: it is essentially similar to the Abrahamic religions as a way to fathom the Transcendent. Buddhism in Russia in general and in St. Petersburg in particular is a mystery and a divine gift, tolerant to the doctrinal and soteriological difference of religions in the face of compassion. Schwartz's Buddhism is stylistically Russified and Christianized, which does not prevent it from the Buddhification of reality. Buddhist ideas, motifs, and images coexist with Christian ones in an organic spiritual unity. The Buddhist plot of spiritual transformation goes parallel to that of Abrahamic religions as Schwartz's characters ascend from their meeting with Buddha to obtaining Buddhist enlightenment.

Keywords: Elena Schwartz, Buddhism, ecumenism, mysticism, Buddhification, Russification, transcendence

Citation: Dubakov L. V. Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose. *SibScript*, 2024, 26(4): 618–628. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628>

Received 1 Apr 2024. Accepted after peer review 2 May 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Творчество Елены Шварц – сложное образование, наполненное многочисленными, часто неожиданно сплетенными отсылками к различным культурным, литературным, художественным, религиозным, мистическим, эзотерическим и иным традициям, к их «начальным основаниям» [Марков 2020: 52]. Это отмечали В. И. Шубинский [Шубинский 2001], К. В. Воронцова [Воронцова 2016], А. Шмитт [Шмитт 2019], И. С. Скоропанова [Скоропанова 2022] и другие исследователи. Во многих работах, в которых анализируется специфика художественного мира Елены Шварц, появляется слово *экуменизм*. Валерий Шубинский шварцевский экуменизм считает утопией, однако эта утопия оказывается у нее все же возможной и органичной за счет того, что можно назвать, например, «поэтической алхимией» [Дубаков 2008], и благодаря тонкому балансу между философской серьезностью и иронической «кукольностью» [Шубинский 2001]. Елена Шварц о своей героине устами вымышленного издателя «Трудов и дней Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» говорит, что той были свойственны *органический экуменизм, а также неортодоксальность, сочетающаяся с глубокой верой*¹. Эти слова могут быть применимы и к позиции автора.

Интересно, что определение *органический* (не *органичный*) заставляет подумать не только о естественности этого экуменизма, но и о других значениях слова. Так, монахиня Лавиния принадлежит к ордену Обрезания Сердца, и в поэме часто проявляются мотивы сердечного исповедания и преображаемой телесности. То есть экуменизм героини –

это то, что связано с физической и духовной работой органов тела. *Органический* означает также принадлежность к животному и растительному миру, и действительно, Лавиния по сюжету поэмы находится в духовной связи с этими царствами (ее учитель – Ангел-Волк, становящийся Ангелом-Львом). Наконец, слово *органический* вызывает в сознании образ органа – сложного, большого инструмента, способного создать музыкальный, религиозный космос (порядок) в отдельно взятом пространстве – к примеру, монастыря или коммунальной квартиры.

Экуменическая утопия экуменический проект Елены Шварц имеет несколько способов реализации. Например, в статье «Варианты религиозного примирения в поэмах Е. Шварц» А. А. Дубакова, анализируя «Прерывистую повесть о коммунальной квартире» и «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца», пишет следующее: у поэтессы «Решения, которые способствуют формированию и принятию экуменического взгляда на мир, связаны <...> с насыщенностью культурного пространства [“поликультурный” и “текстовый” экуменизм], а также – с сопоставлениями микрокосма (человеческого мира) с макрокосмом (миром Вселенной) и с “микромикрокосмом” (миром природы) [“космический” и “растительный” экуменизм]» [Дубакова 2009: 120]. Органический экуменизм автора и ее героев рождается естественным образом – не только «в ограниченных топосах» [Там же] монастыря и коммунальной квартиры, но и в более широком, но тем не менее ограниченном пространстве города: «петербургская коммуналка – метафора, модель Земли,

¹ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца. In: Шварц Е. А. Лоция ночи: Книга поэм. СПб.: Сов. писатель, 1993. С. 68–140. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-8.html> (дата обращения: 01.02.2024).

где сосуществуют в "полилоге" христианин, иудей, мусульманин и буддист, и это не книжный экуменизм, а реальность, жгучая современность» [Анпилов 1999: 363]; Россия у Е. А. Шварц (чье творчество связано с «мистически-эзотерическими воззрениями, которые зиждутся на своеобразном религиозном синкретизме и эклектизме» [Шмитт 2020: 107]) в образе города Петербурга «выступает как географическое пространство, назначением которого является примирение и синтез различных религиозных и культурных течений человечества» [Шмитт 2019: 104].

В представленной статье решается частная задача – описать и охарактеризовать особенности и функции образа буддизма как одной из религий в экуменическом проекте поэзии Елены Шварц. Однако решение этой задачи вписывается в рамки большого исследования, посвященного изучению буддийского текста современной русской литературы [Бернюкевич 2018; Уланов 2006].

Отечественное литературоведение, отталкиваясь от работ В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Н. П. Анциферова о петербургском тексте [Анциферов 2014; Лотман 1998; Лотман, Успенский 1982; Топоров 1995], осуществило перенос структурно-семиотического подхода в географическую и урбанистическую [Богумил 2017; Люсый 2016; Манн 1998; Меднис 1999; Тюпа 2002], а в недавнее время и в религиозную сферу [Алексеев 2014], в частности, заговорили о буддийском тексте русской литературы. Так, Р. Ф. Бекметов видит буддийский текст частью ориентального дискурса в истории русской литературы позапрошлого века [Бекметов 2018].

Результаты

В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» (1996) Елена Шварц уже в предисловии «Гишпанский Петербург» задает ракурс рассмотрения своей *имагинативной* поэмы: в вымышленном городе Петербурге, как в средневековой Испании, живут как соседи вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм, *одолжаясь друг*

*у друга в случае нужды*². Петербург – это коммунальная квартира, и этим соседям в ней просто некуда друг от друга деться.

При этом религии – *как буквы разной крови, что Кружатся, не смыкаясь в Слово*³. Земные тела и буквы, сведенные в единый образ, малосильны, они не могут охватить божественную реальность целиком и тем равны. Православие, ислам, иудаизм в коммунальной квартире Петербурга – это *Три светильника, горящих на Восток*⁴ (позже появится четвертый «светильник», горящий не только на Восток, но и на самом дальнем Востоке – буддизм). Их тесное соседство, сцепка и даже, возможно, их избыток – тайна для поэта, но таково решение Провидения для сумеречного града и обманчивого мира. Другое сравнение – религии *как стебли*:

*Каждый прошел, возрос
В кружащийся над головой цветок,
И это Бог*⁵ –

напоминает о «Розе мира» Д. Л. Андреева: «Если старые религии – лепестки, то Роза Мира – цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков»⁶. О «Розе мира» напоминают и следующие строки: ангелы убитых раввина, суфия и православного святого:

*В сиянье унесли
Страны небесной.
В одно сиянье – В разные углы*⁷.

Так выглядит андреевское иномирие: над каждой значимой мировой культурой надстоят затомисы – небесные страны, куда поднимаются после смерти герои, гении и праведники, страны, разные по своей мощи и специфике, но единые в своем благословенном делании. Над некоторыми городами также есть их духовные двойники, например Небесный Петербург (о котором Е. Шварц вспомнит в стихотворении «Освобождение Лисы»⁸ [Дубаков, Го 2022: 91]).

Мир коммунальной квартиры *гишпанского Петербурга* в другом повороте сюжета поэмы это алхимическая реторта, в которой по воле героини

² Шварц Е. А. Западно-восточный ветер: Новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 96 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Редакция журнала «Урания», 1998. С. 27.

⁷ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

⁸ Шварц Е. Трость скорописца: Книга новых стихотворений. СПб.: Пушкинский фонд, 2004. 104 с. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html (дата обращения: 01.02.2024).

*Три крошечных танцуют тени:
Раввин, и суфий, и святой*⁹.

Но одновременно и она сама живет в этой коммунальной квартире, в соседней комнате. Таким образом, алхимический опыт производит не только героиня поэмы, но и Бог как создатель мира: Бог творит кукол, по определению В. И. Шубинского, которые сами творят кукол, которые в свою очередь тоже творят кукол: героиня, созданная Богом, создает Давида, который создает Голема, – и в этом творении, в творчестве все возможно.

Появление (явление) Будды в тесном мире коммунальной квартиры, который обращает глаза *В* *своей* *покой*, в *свою* *густую* *тьму*¹⁰, вызывает сочувственную реакцию у ее обитателей, а иудей Давид в сострадании Веры (веры) провидит близость Шехины, божественной реальности. Само имя *Вера* дает возможность прочесть его не только как имя героини поэмы, но и как воплощенную реальность религиозной веры. Неслучайно, когда *Раввин, и суфий, и святой* на похоронах Веры, стоя *как три свечи*¹¹ и ставшие частью погребального обряда, будут убиты, последует фраза, характеризующая силу их религиозного горения: *Так с Верой и в земле не разлучились*¹². Мальчик Будда остается в квартире один, он, *Окаменев, достиг Нирваны*, и за ним

*Тогда спустился Иисус,
И, маленького Будду взяв,
Унес на небо легкий груз*¹³.

Итак, буддизм в «Прерывистой повести о коммунальной квартире», в мире *гишпанского Петербурга*, оказывается кем-то вроде неожиданного найденыша, однако в финале из трагически разрешившегося тесного соседства и из апокалипсически рушащегося, поглощающегося *минус-светом* пространства коммунальной квартиры его, этого найденыша, забирает на небо Сам Иисус. Соседство трех религий

в *гишпанском Петербурге* поэмы – тайна и творческий произвол Провидения, тем большая тайна – появление буддизма, Будды, но и это появление оказывается, по мнению автора, санкционировано Богом, у Которого на небе есть *разные углы*. Елена Шварц в поэме снимает вопрос о вероучительной и сотериологической разнице религий, оставляя его на усмотрение Высшей силы, но на первый план выводя их сходство в сострадании всему живому.

В поэме «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» (1984) *органический экуменизм*¹⁴ героини и автора сводит вместе на служение Богу, помимо монахинь, связанных одновременно с православной и католической традицией, лам, будд и даже бесов¹⁵ (последнее звучит очень громко, но единственный бес этой поэмы – крещеный черт Теофил). Это книга о монахине, *живущей в многоверном монастыре, одновременно православном, католическом и буддийском*¹⁶. Этот монастырь находится вне конкретного пространства и конкретного времени, он пребывает в месте-времени постоянного духовного поиска.

Как и в «Семи ликах буддийского храма», и в «Буддийском храме» (и в коммунальной квартире «Прерывистой повести»), у Елены Шварц в поэме *Храм – тем больше храм, чем меньше храм он*¹⁷. В третьей главе умаление человеческого позволяет духу жить более интенсивно и не обращать внимания на земные различия религий: разрушающиеся

*Пагода, собор или костел –
Это звездный, это – Божий дом*

(так же как и храмом тела человека после его разрушения

*Завладеют <...> ветер, небо,
Тишины неукротимый вой*¹⁸).

Религии (и их исповедующие) оказываются близки друг другу после физического разрушения форм и границ.

⁹ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шварц Е. А. Три особенности моих стихов. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 82–86. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-6.html> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁷ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

¹⁸ Там же.

Четвертая глава поэмы начинается со строки *Жизнь семерична, восьмерична, гнута...*, и ее можно прочесть как отсылку к разным способам символически кодировать реальность¹⁹. Христианство одним из сакральных чисел считает семь, буддизм – восемь. Неслучайно далее в стихотворении появляется образ Будды, что растворяется в пространстве и обнаруживает Себя во всех объектах – в рыбах и рыбаках, которые пришли их ловить, во льду над рыбами и под рыбаками (*в этих ты и в тех*²⁰). То же – в главе 69 *Прости, Господь, – Ты был Фазан...*, в которой

*Фазан, охотник и стрела
Стремительно меняются местами*²¹.

В этом стихотворении опровергается иллюзия субъектно-объектной дихотомии [Торчинов 2002b: 142]: после осознания неразделенности реальности героиня стихотворения видит, что

*Исчезнет все под небесами,
И сами небеса, и сами*²².

Сцена рыбалки в 4 главе, конечно, может быть прочитана и как духовная ловитва *ловцами человека* тех, кто спит, кто не открыл для себя Бога. Интересно, что и *ловцы человека* – тени, их природа перед Богом не безусловна (то же – в структуре персонажей «Прерывистой повести»). Лавинии явился *надрывный Будда*, но, кажется, она могла здесь использовать и слово *Бог*, и при этом по сути ничего бы не изменилось. Тем более определение *надрывный* в большей степени вызывает мысль о христианстве, чем о буддизме с его установкой на успокоение страстей. Вероятно, ее видение именно Будды связано в этом стихотворении с восприятием мира как иллюзии, которую рождают лунный свет, туман, лед, а такое восприятие свойственно больше буддизму. Подобное «мерцание», возможную взаимозамену образов христианского Бога и Будды А. А. Романов обнаруживает в стихотворении «Сонаты темноты»²³: «Внутренний Будда, возможно, в метафорическом смысле означает душу, которой чуждо все материальное» [Романов 2020: 220].

Глава 25 «Перед праздником», как в «Семи ликах буддийского храма», соединяет разные культурно-религиозные традиции. Христианство в его русском изводе проявляется в стилистической стороне стихотворения: монахини ведут на пастбище *буренушек*, из строки в строку переходят фольклорные повторы и инверсии. Схожая ситуация – в главе 75 «Сатори», где описывается состояние дзэнского просветления [Андросов 2001; Сидоров 2005; Стрелков и др. 2006; Торчинов 2000]. Начальный ритм этой главы стилизован под ритм восточной поэзии с ее парцелированным указанием на отдельные объекты и состояния. Кроме того, как и в ряде других глав «Трудов и дней», буддийское мировидение совмещается здесь с христианскими мотивами. Буддийское переживание опыта, во время которого человек постигает свою истинную природу, соседствует с образом собора, что *процвел – глазами, крыльями*, вызывающего ассоциацию с явлением многоочитых и многокрылых херувимов.

Буддизм упоминается в главе 25 «Перед праздником» прямо: *Вся наша сторона буддийская!*, *сестры моют будд водою чистою*, Лавиния крутит, сидя на заборе, *молитвенную мельницу*²⁴. Кстати, похожий прием вписывания одной традиции в другую через язык позже использует Э. В. Лимонов в стихотворении «Путница», которое «выглядит как палимпсест: как будто текст, посвященный православной паломнице, переписан под образ девушки-буддистки» [Дубаков 2022: 121]. В результате и у Е. Шварц, и у Э. Лимонова различия между христианством и буддизмом оказываются лишь стилистическими.

Отчасти схоже построена и глава 28 «Вижу – святой отшельник...», в которой левитирует то ли святой христианской традиции (например, Иосиф Купертинский), то ли буддийской (например, Миларепа Шепа Дордже). Как и в главе «Перед праздником», в тексте присутствует скрытый внутренний контраст – между делателями и созерцателями (как между евангельскими Марфой и Марией). Лавиния в главе 25 подчеркивает, что она

*...бездельная
И больше ни на что не годная*²⁵,

¹⁹ О числовой символике у Е. Шварц см. статью Д. А. Захаровой [Захарова 2022].

²⁰ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Шварц Е. А. Стихи. Л.: Ассоциация «Новая литература», 1990. С. 26.

²⁴ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²⁵ Там же.

но она единственная, кто смотрит не вниз, на землю, а наверх, на небо. В начале стихотворения она крутит молитвенную мельницу, в конце – вертит ее. В ее поведении есть высокое устремление и, возможно, одновременно настроение веселой, самоироничной игры (*кручу-верчу*), снимающей излишнюю серьезность. Н. А. Бердяев так писал о смехе: «В стихии смеха может быть преодоление противоречий бытия и подъем ввысь. Смех целомудренно прикрывает интимное, священное. Смех может быть самодисциплиной духа, его бронированием»²⁶.

Святой отшельник из 28 главы, как и Лавиния, провидит смешную сторону реальности – веселый пригорок:

*Клевер – смешок земли, –
Клевер – ее «хи-хи»,
Белая кашка – «ха-ха»,
Отшельник парит над ними,
Забывши и званье греха»²⁷.*

И, как и в главе 4 «Жизнь семерична, восьмерична, гнута...», вопрос о местонахождении Будды актуализирует буддийскую идею о присутствии будды в каждом живом существе:

*Быть может, Будда – ты?
Быть может – я?»²⁸*

(в том смысле, например, что, согласно теории Татхагатагарбхи, «каждое живое существо потенциально наделено природой Буддой, потенциально является Буддой» [Торчинов 2002b: 185]). Отдельно можно обратить внимание на две последние строки главы 28:

*Быть может – я в его ладони
Щепотка разварного риса?»²⁹,*

в которых местоимение я, хоть и не взятое в кавычки, читается как обозначение личности. Таким образом, представленные строки могут содержать буддийскую идею анатмавады: буддизм отрицает существование атмана – индивидуального субстанциального

простого я, или души; буддизм рассматривает «личность (пудгала) как имя для обозначения структурно упорядоченного соединения групп элементов (дхарм)» [Торчинов 2002a: 17]. Образ разварного риса выглядит как иллюстрация к этой идее, согласно которой личность есть условная преемственность схожих, сменяющих друг друга страдающих иллюзорных форм. Схожая метафора, основанная на иллюзии разделенности единого объекта, – в главе 54 «За работой»:

*Что такое «я»? Фонтан
В океане. Бульк – и сгинул...»³⁰*

Глава 40 «Я вчера псалмы читала ночью...» также отсылает к теории Татхагатагарбхи: *Ты же Будда! Ты же мог быть Буддой!*³¹ – к обеим ее истолкованиям: «Если первая интерпретация теории гарбхи утверждала, что все существа могут стать Буддами, то вторая провозглашала, что все живые существа уже есть Будды, и им надо только реализовать свою потенциальную "буддовость"» [Торчинов 2002b: 186]. Елена Шварц обращается к жанру русского похоронного причитания, но трансформирует его: по покойнику плачет не другой живой человек, но его душа; душа мыслит не в христианских категориях, но в буддийских. Одновременно это стихотворение напоминает о «Разговоре души и тела» Ф. Вийона, но тело покойного в шварцевском тексте молчит: ему нечего сказать на справедливые упреки души, героиня стихотворения лишь трижды отмечает, что *покойник сунулся печально*³².

В главе 72 «В трапезной» Лавиния приуговоряется к собственному уходу из жизни. Вслед за описанием некоторых своих прошлых рождений она категорически заявляет о нежелании вновь появляться на свет, потому что *Сотлела нить на бусах Кармы*³³. Лирический сюжет «В трапезной» содержит мотивы, отсылающие к Тайной Вечери: героиня крошит хлеб, вспоминает, как текла ее кровь (образ крови поддержан красной тенью от морса и красной скатертью). Одновременно в стихотворении присутствует отсылка к буддийской идее кармы – закона

²⁶ Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. V. [Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев]. Париж: YMCA-Press, 1997. 578 с. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Алексей_Степанович_Хомяков_\(Бердяев\)#3](https://ru.wikisource.org/wiki/Алексей_Степанович_Хомяков_(Бердяев)#3) (дата обращения: 01.02.2024).

²⁷ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

причины и следствий: существование, идущее по кругу (образ нити, на которой висят бусины многих жизней), прекращается то ли в результате тления – медленного перегорания жажды бытия, то ли из-за воздействия некоей внешней силы: в начале текста героиня слышит зловещий звук *чик-чик*, который издает скворец, но который заставляет вспомнить о парках – богинях судьбы с нитью и ножницами (имя последней из них – Морты – может быть зашифровано в морсе, отбрасывающем темно-красную тень на скатерть).

«Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» – поэма, в которой, как и в «Прерывистой повести о коммунальной квартире», спокойно уживаются разные культурно-религиозные традиции. В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» их воплощали четыре персонажа, в «Трудах и днях Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» они сходятся в голове и в сердце одной героини – монахини Лавинии. Ее духовный опыт позволяет ей вмещать идеи разных религий – в данном случае, прежде всего, христианства и буддизма. Существование на краю жизни, в виду смерти позволяет забыть о религиозных различиях. Буддийские идеи и образы, приметы буддийской жизни Елена Шварц соединяет с христианскими идеями, образами и приметами. Буддизм русифицируется и христианизруется поэтом через жанр и стиль, отсылающие к народной христианской традиции, или, напротив, они в конкретных главах поэмы буддифицируются.

В «крошечном эссе» «Яма» из сборника «Определение в дурную погоду» Е. Шварц пишет, что *в гневе и вдохновении* кажется себе *Ямой, как на тибетских иконах*³⁴, и что, когда в нее входит Яма, она становится пространством («русское» прочтение: «яма» – это провал, вход (в самом имени бога русским языком отпечатывается эта яма-преисподняя), но и отсылка к действию – падению-полету, как в мучительном сновидении» [Дарк 2004: 208]). То, что христианскому сознанию могло бы показаться одержанием, для экуменически и мистически настроенного поэта – вариант инспирации, отменяющей все границы.

То же – в рассказе «Габала», где героиня помышляет о своей избранности, а о своем черепе, черепе поэта и мистика, – как о буддийской реликвии³⁵. Перед вдохновением и творчеством поэту равно неинтересны, пресны *Парадиз и нирвана*³⁶ (стихотворение «Мед под Казанским собором» (2006)); они равно отвергаются, но в этом равном отвержении – их близость.

Отмена пространственно-временных границ присутствует и в отдельных стихотворениях «Западно-восточного ветра». «Времяпровождение #2 (в Стрельне)» (1996) соединяет два пространственно-временных пласта. Читая о путешествиях француженки Александры Давид-Неель в Тибет в начале XX в., героиня настраивается на чудо, вспоминая о событиях, которые были на слуху в середине 1990-х гг.: так, в 1995 г. в Нью-Дели статуя Ганеши попросила молока; в 1996 г. в Вифлееме, в церкви Рождества Христова, начал плакать образ Спасителя; в этом же году умерла знаменитая предсказательница Вангелия Пандева Гуштерова, или Ванга. Мир вокруг также поет о чуде и о жизни: героиня слушает радио «Орфей», а в траве слышится инсектоморфный Орфей – кузнечик:

...тенор из травы и праха
Поет так жадно: «Вита миа!»³⁷.

Как когда-то Давид-Неель *брела среди снежных гор* – через ледяную пустыню, так героиня стихотворения бредет в *пустое море* возле Петербурга, т. е. к Маркизовой луже. И далее происходит чудо:

плавно колесо Сансары
Остановилось наконец...
И юный старец в Гималаях
Наводит зеркальце³⁸

в ум героини. Это зеркальце – мелонг, символ изначального состояния человеческого ума, которое способно обнаруживать иллюзорность объектов. Исчезновение границ между временами и пространствами происходит из-за установившейся таинственной связи между сознаниями – ламы и героини «Времяпровождения #2 (в Стрельне)». При этом Елена Шварц сохраняет возможность иронического прочтения: оксюморон *юный старец* содержит

³⁴ Шварц Е. А. Определение в дурную погоду. Крошечные эссе. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 48–66. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-3.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³⁵ Шварц Е. А. Габала. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 114–118. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-9.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³⁶ Шварц Е. А. Вино седьмого года: Книга новых стихотворений. СПб.: Пушкинский фонд, 2007. С. 7.

³⁷ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

³⁸ Там же.

в себе не только намек на мудрость этого насельника Гималаев, но и указывает на оставшиеся в нем проявления детского характера: возможно, он наводит зеркальце, чтобы просто создать пятно света, или солнечного зайчика, и тем самым пошутить над читательницей давид-неелевских «Мистиков и магов Тибета».

Сближение разных миров происходит также в стихотворении «Подарок» (1996). На хадаке, ритуальном тибетском шарфе, подаренном героине этого произведения, изображен небесный пейзаж Страны снегов. Свет этого пейзажа, усиленного люстрой, на которую его повесила героиня, развеял *тьму лазарета*³⁹, привнес в нее северные горы, снег, пруд, прохладу. Важно, что подарок был доставлен ей во время Рождества. Таким образом, буддийские божества этого хадака оказались внутренне созвучны состоянию и настроению героини: они напоминают ей о смерти, о боли и о всеблагих – о Рождестве и о Воскресении из *тьмы лазарета*.

Заключение

Елена Шварц – поэт экуменической ориентации. Она создает утопию религиозного сближения, примирения в своих произведениях, но эта утопия оказывается вполне жизнеспособной. Эту жизнеспособность обеспечивают героини ее поэзии и прозы, их особый духовный опыт, героини, для которых, часто на грани их смерти, границы между религиями перестают быть важными, а также место, где происходит действие, обычно локализовано, а потому людям разных убеждений в нем приходится договариваться.

Помимо христианства, ислама и иудаизма, в произведениях Елены Шварц значимую роль играет буддизм. В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» появление буддизма представляется тайной, но персонажи поэмы принимают эту тайну как данность, как веление божественного промысла

и отставляют в сторону вопросы о вероучительной и сотериологической разнице своих религий, религий Книги и буддизма. В «Трудах и днях Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» главная героиня, мистик, вмещает в своем сознании многие религиозные традиции – в особенности христианскую и буддийскую. Буддийские идеи и образы в главах этой поэмы соседствуют с христианскими, создавая единое, органическое духовное пространство. Буддизм в поэме оказывается религией, снимающей границы – между душой и телом, человеком и Богом, разными жизнями. «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» рассказывают историю духовного преображения героини *от Рождества до Пасхи*, но имеют и параллельный буддийский сюжет – от явления героине Будды до ее сатори, просветления.

Границы между религиями снимаются в творчестве Елены Шварц посредством широкого и глубокого сознания героев ее произведений, они способны вместить в себя многое, преодолеть границы между пространствами и временами, живым и мертвым, божественным и человеческим. Буддизм в ее творчестве предлагает другой, нежели привычный христианский, иудейский или мусульманский, т. е. авраамический, взгляд на трансцендентное, на понимание бога и реальности, на понимание специфики духовного спасения, однако этот другой взгляд оказывается у нее возможным и одновременно близким, мистически схожим с вышеуказанными.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексеев П. В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 188 с. [Alekseev P. V. *Muslim East in the literature of Russian Romanticism of the 1820s–1830s*. Gorno-Altai: GASU, 2014, 188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykvaqo>
- Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М.: Вост. лит., 2001. 508 с. [Androsov V. P. *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts*. Moscow: Vost. lit., 2001, 508. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ruuycb>

³⁹ Там же.

- Анпилов А. Д. Светло-яростная точка: [О стихах Е. Шварц]. *Новое литературное обозрение*. 1999. № 35. С. 362–372. [Anpilov A. D. Light-furious point: [About the poems by E. Schwartz]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1999, (35): 362–372. (In Russ.)]
- Анциферов Н. П. Душа Петербурга. М.: Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. 400 с. [Antsiferov N. P. *The Soul of St. Petersburg*. Moscow: Bertelsmann Media Moscow (BMM), 2014, 400. (In Russ.)]
- Балашова А. А. «Ты меду музыки лизнул, но весь ты в тине, все тот же грязи ты комок и смерти косточка в тебе посередине»: смерть в поэзии Елены Шварц 1970–1980-х гг. *Новые российские гуманитарные исследования*. 2020. № 15. [Balashova A. A. "You licked the honey of music, but you're all in mud, you're still a handful of dirt, and death is the bone in your core": Death in Elena Schwartz's poetry in the 1970s–1980s. *Novye rossiiskie humanitarnye issledovaniia*, 2020, (15). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lwssau>
- Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с. [Bekmetov R. F. *Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)*. Kazan: Shkola, 2018, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyrmqx>
- Бернюкевич Т. В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с. [Bernyukevich T. V. *Buddhism in Russian literature of the late XIX – early XX century: Ideas and reminiscences*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, 168. (In Russ.)]
- Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий. *Филология и человек*. 2017. № 4. С. 155–164. [Bogumil T. A. Defining the Altai text and Altai literature. *Filologiya i chelovek*, 2017, (4): 155–164. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zwutmb>
- Воронцова К. В. Пространство, время, андрогин... Модели пространства в поэзии Елены Шварц. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. 164 с. [Vorontsova K. V. *Space, time, and androgynous... Models of space in Elena Schwartz's poetry*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016, 164. (In Russ.)]
- Дарк О. И. Волна и пламень. О прозе Елены Шварц. *Знамя*. 2004. № 8. С. 206–211. [Dark O. I. Wave and flame. Elena Schwartz's prose. *Znamia*, 2004, (8): 206–211. (In Russ.)]
- Дубаков Л. В. Буддийская экзотика в творчестве Э. В. Лимонова: философская и эстетическая критика. *Вестник Костромского государственного университета*. 2022. Т. 28. № 1. С. 118–122. [Dubakov L. V. Buddhist exoticism in the works of Eduard Limonov: Philosophical and aesthetic criticism. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, 28(1): 118–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-118-122>
- Дубаков Л. В. Мотивы алхимического превращения в поэзии Е. Шварц. *Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языков*: Межвуз. науч.-практ. конф. (Елабуга, 22–23 ноября 2007 г.) Елабуга: Елабужский гос. пед. ун-т, 2008. С. 198–201. [Dubakov L. V. Motives of alchemical transformation in the poetry by E. Schwartz. *Relevant issues of modern philology and methods of teaching languages*: Proc. Interuniv. Sci.-Prac. Conf., Elabuga, 22–23 Nov 2007. Elabuga: Elabuga State Pedagogical University, 2008, 198–201. (In Russ.)]
- Дубаков Л. В., Го В. Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц. *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 3. С. 81–94. [Dubakov L. V., Guo W. The cultural image of the were-fox in Elena Schwartz' poetry. *World of Russian-speaking countries*, 2022, (3): 81–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>
- Дубакова А. А. Варианты религиозного примирения в поэмах Е. Шварц. *Культура. Литература. Язык*: конф. «Чтения Ушинского». (Ярославль, 1 января – 31 декабря 2009 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2009. С. 118–120. [Dubakova A. A. Variants of religious reconciliation in the poems by E. Schwartz. *Culture. Literature. Language*: Proc. Conf. "Ushinsky Readings", Yaroslavl, 1 Jan – 31 Dec 2009. Yaroslavl: YSPU, 2009, 118–120. (In Russ.)]
- Захарова Д. А. Символика числа четыре в цикле Елены Шварц «Элегии на стороны света». *Littera terra*: X Междунар. конф. молодых ученых. (Екатеринбург, 3 декабря 2021 г.) Екатеринбург, 2022. Вып. 16. Ч. 1. С. 41–46. [Zakharova D. A. The symbolism of the number four in Elena Schwartz's cycle "Elegies to the Cardinal directions". *Littera terra*: Proc. X Intern. Conf. of Young Scientists, Ekaterinburg, 3 Dec 2021. Ekaterinburg, 2022, iss. 16, pt. 1, 41–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogoftc>
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. In: Лотман Ю. М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 14–285. [Lotman Yu. M. The structure of a literary text. In: Lotman Yu. M. *About art*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1998, 14–285. (In Russ.)]

- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к вопросу средневековой традиции в культуре барокко). *Художественный язык Средневековья*, отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 236–249. [Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Echoes of the concept of Moscow as the Third Rome in the ideology of Peter the Great: Medieval tradition in baroque culture. *The Artistic language of the Middle Ages*, ed. Karpushin V. A. Moscow: Nauka, 1982, 236–249. (In Russ.)]
- Люсьи А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 11. С. 161–171. [Lyusy A. P. The Crimean text in Russian literature: History and the present. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, (11): 161–171. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/taunmz>
- Манн Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя: штрихи к теме. *Москва и «московский текст» русской культуры*, отв. ред. Г. С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 63–81. [Mann Yu. V. Moscow in Gogol's creative consciousness. *Moscow and the Moscow text of Russian culture*, ed. Knabe G. S. Moscow: RSUH, 1998, 63–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzbjod>
- Марков А. В. Синергетический фатализм и ситуативный хронотоп архитектурных образов Елены Шварц. *Творчество и современность*. 2020. № 2. С. 52–58. [Markov A. V. Synergetic fatalism and the situational chronotope of Elena Schwartz architectural images. *Tvorchestvo i sovremennost*, 2020, (2): 52–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rctuvt>
- Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с. [Mednis N. E. *Venice in Russian literature*. Novosibirsk: NSU, 1999, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpywok>
- Романов А. А. Оппозиции пространственного кода в лирике Елены Шварц. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20. № 2. С. 218–222. [Romanov A. A. Oppositions of spatial code in the poems of Elena Schwartz. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, 20(2): 218–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znirry>
- Сидоров С. А. Буддизм: история, каноны, культура. М.: Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2005. 487 с. [Sidorov S. A. *Buddhism: History, canons, and culture*. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia; Astrel; AST, 2005, 487. (In Russ.)]
- Скоропанова И. С. Теософско-антропософский экзистенциализм Елены Шварц. *Аксиологический диапазон русской литературы*, ред. Л. Л. Авдейчик. Мн.: БГУ, 2022. С. 138–148. [Skoropanova I. S. Theosophical and anthroposophical existentialism of Elena Schwartz. *The axiological range of Russian literature*, ed. Avdeichik L. L. Minsk: BSU, 2022, 138–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uumjsh>
- Стрелков А. М., Торчинов Е. А., Монгуш М. В., Рябов С. В. Буддизм. Каноны. История. Искусство. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с. [Strelkov A. M., Torchinov E. A., Mongush M. V., Ryabov S. V. *Buddhism. Canons. History. Art*. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia, 2006, 600. (In Russ.)]
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему). In: Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367. [Toporov V. N. Petersburg and the Petersburg text in Russian literature: Introduction. In: Toporov V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: A mythopoetic study. Selected works*. Moscow: Progress-Kultura, 1995, 259–367. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vkxbqn>
- Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь. СПб.: Амфора, 2002а. 187 с. [Torchinov E. A. *Buddhism: A pocket dictionary*. St. Petersburg: Amfora, 2002a, 187. (In Russ.)]
- Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Акад. проект, 2000. 334 с. [Torchinov E. A. *Introduction to Buddhology: A course of lectures*. St. Petersburg: Akad. proekt, 2000, 334. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vrsdkp>
- Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петерб. востоковедение, 2002b. 320 с. [Torchinov E. A. *Philosophy of Mahayana Buddhism*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2002b, 320. (In Russ.)]
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы. *Сибирский филологический журнал*. 2002. № 1. С. 27–35. [Tyupa V. I. Siberia mythology: To the question of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2002, (1): 27–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ybsllf>

- Уланов М. С. Буддизм в русской культуре конца XIX – первой половины XX века. Элиста: КалмГУ, 2006. 115 с. [Ulanov M. S. *Buddhism in Russian culture of the late XIX – first half of the XX century*. Elista: KalmSU, 2006, 115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rokgyd>
- Шмитт А. Метапоэтическая поэзия Елены Шварц: теория и практика художественного слова. «Вакансия поэта»-2: конф. (Воронеж, 18 мая – 28 ноября 2020 г.) Воронеж: Воронежская областная типография, 2020. С. 106–121. [Schmitt A. The metapoetic poetry of Elena Schwartz: Theory and practice of artistic expression. *Vacancy for a Poet 2: Proc. Conf., Voronezh, 18 May – 28 Nov 2019*. Voronezh: Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, 2020, 106–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uyfrja>
- Шмитт А. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц. *Критика и семиотика*. 2019. № 1. С. 93–107. [Schmitt A. The function of the concepts of EAST and WEST in the poetry of Olga Sedakova and Elena Schwartz. *Kritika i Semiotika*, 2019, (1): 93–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2019-1-93-107>
- Шубинский В. И. Садовник и сад. О поэзии Елены Шварц. *Знамя*. 2001. № 11. С. 200–210. [Shubinskiy V. I. The gardener and the garden. Poetry by Elena Schwartz. *Znamia*, 2001, (11): 200–210. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wdnbjk>

Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923)

Маликова Юлия Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2891-1920

<https://orcid.org/0000-0001-7312-2664>

malikovaele@yandex.ru

Аннотация: Роман К. Г. Паустовского «Романтики» (1923), являясь первым образцом работы автора в подобном жанре, тем не менее отражает трансформацию представлений о романтической любви и выстраивает взаимосвязь этой темы с творчеством как наивысшим образцом созидательной деятельности человека. Данная тема в настоящее время является малоизученной, что обуславливает ее новизну, одновременно с этим усиливающийся в последние годы интерес к романному творчеству К. Г. Паустовского подчеркивает ее актуальность. Цель – изучить тему любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики», ее трансформацию и взаимосвязь с темой творчества. Цель достигается через анализ и интерпретацию образов персонажей, испытывающих любовные переживания, выявление и характеристику типов таких персонажей, рассмотрение влияния любви на процесс преобразования личности главного героя. Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода с применением метода сопоставительного анализа. Отмечено, что К. Г. Паустовский обращается в своем раннем произведении к романтической традиции, трансформируя ее и создавая собственную концепцию жизни и творчества, основанную на принципах гуманизма и жизнелюбия. Главный герой – писатель Максимов, создающий в течение всего произведения книгу под названием «Жизнь», одновременно с этим переживает ситуацию любви к двум женщинам, а также трагедию Первой мировой войны. Творческий кризис Максимова, возникающий уже в начале произведения, постепенно разрешается благодаря встрече с героинями, образы которых соотносятся с двумя типами романтических красавиц, ангельским и демоническим. Любовь к Хатидже и Наташе показывает Максиму новые стороны жизни и позволяет преодолеть внутренний конфликт. Потеря же в результате войны одной из возлюбленных приводит не к вынужденному выбору одной из них, а к слиянию женских образов в гармоничный Вечно Женственный, в чем видится переосмысление романтической традиции. Через соприкосновение с опасностями герой познает суть жизни, которая заключается в ее торжестве над смертью благодаря любви.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, роман, «Романтики», тема любви, тема творчества, образ, тип героя, романтизм, неоромантизм, неореализм

Цитирование: Маликова Ю. В. Тема любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики» (1923). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 629–636. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-629-636>

Поступила в редакцию 11.03.2024. Принята после рецензирования 13.06.2024. Принята в печать 17.06.2024.

full article

Love in Konstantin Paustovsky's *Romantics* (1923)

Yulia V. Malikova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 2891-1920

<https://orcid.org/0000-0001-7312-2664>

malikovaele@yandex.ru

Abstract: Konstantin G. Paustovsky's novels remain understudied as a research material. *Romantics* (1923) is his first novel in this genre. The novel reflects the transformation of his ideas about romantic love and connects it with the motif of creativity as an ultimate form of human activity. The article describes the characters-in-love and the effect of love on their personality development. The study relied on the method of comparative analysis

as part of historical and literary approach. In his early works, K. G. Paustovsky referred to the romantic tradition, which he transformed to create his own concept of life and creativity based on the principles of humanism and love of life. Maximov, the main character of *Romantics*, keeps writing a book called *Life* while being in love with two women against the tragic background of World War I. Maximov's feelings for the two women gradually resolve his creative crisis. Hatija and Natasha represent two sides of romantic beauty, i.e., angelic and demonic. Love shows Maximov new sides of life and allows him to overcome the internal conflict. When one of the women is lost to him in the chaos of war, both female images merge into a single harmonious Eternal Femininity, which is a remake of the romantic tradition. By facing various dangers, Maximov learns the essence of life: love brings about its triumph over death.

Keywords: Konstantin G. Paustovsky, novel, Romantics, theme of love, theme of creativity, image, type of personage, romanticism, neo-romanticism, neorealism

Citation: Malikova Yu. V. Love in Konstantin Paustovsky's *Romantics* (1923). *SibScript*, 2024, 26(4): 629–636. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-629-636>

Received 11 Mar 2024. Accepted after peer review 13 Jun 2024. Accepted for publication 17 Jun 2024.

Введение

Тема любви является одной из вечных для произведений искусства самых разных направлений. Особое место она занимает в искусстве рубежа XIX–XX вв. в связи с философско-эстетическим мифом эпохи модерна о спасительной любви. Развитие стилевых тенденций этого периода привело к актуализации и романтической традиции, в связи с чем многие исследователи стали говорить о возрождении романтизма на новом уровне его развития, который получил наименование *неоромантизм*. Согласно замечанию З. Г. Минц, неоромантизм в самом широком его понимании возник как реакция на «бытописательные тенденции русского реализма» второй половины XIX в. [Минц 2004: 317]. В то же время, как отмечает М. Н. Липовецкий, комплекс мотивов и тропов, характерный для неоромантизма, объединяет писателей и поэтов, принадлежащих к разным литературным группам, в том числе представителей социалистического реализма [Липовецкий 2018]. Одним из писателей, в творчестве которого обнаруживаются черты неоромантизма, является К. Г. Паустовский. Это свойство его художественного мира неоднократно привлекало исследовательское внимание. Как отмечает Л. С. Ачкасова, «романтическая форма концепции социалистического реализма» [Ачкасова 1977: 5], «романтическая стилевая линия социалистического реализма» [Там же: 14]. Подобное мнение разделяют и некоторые другие исследователи [Алексанян 1969; Кременцов 1982; Левицкий 1977].

В романном творчестве К. Г. Паустовского, а особенно в малоизученном произведении «Романтики» (1923), название которого прямо отсылает к романтической традиции, реализуется классическая

для романтиков концепция любви. Помимо того, что любовь у К. Г. Паустовского изображается как «высочайшая реальность, вхождение в область высших идеальных ценностей» [Манн 1995: 32], она неразрывно связана с творчеством, что опять же характерно для романтической аксиологии. К примеру, именно благодаря любви к Матильде главный герой романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» становится настоящим поэтом, любовные переживания раскрывают в нем его творческую натуру. Любовь в представлении романтиков способна вывести человека за грань реальности, стать импульсом для творческой деятельности. Эта связь категорий любви и творчества, на наш взгляд, предопределяет развитие сюжета произведения «Романтики», отражаясь в судьбе главного героя.

Наследие К. Г. Паустовского на данный момент исследовано достаточно подробно. При этом наиболее изученными следует назвать тему творчества [Ачкасова 1977; Карпеченко 2000], проблему взаимодействия человека и природы [Мантрова 2010], жанровое своеобразие творческого наследия автора [Алексанян 1969; Хрящева, Сухорукова 2012]. Эти же аспекты привлекают внимание исследователей в XXI в. в связи с переосмыслением методологических установок: вместо соцреализма в трудах современных литературоведов утверждается мысль о развитии реалистической традиции в творчестве автора. Р. Д. Рахимова пишет о формировании гуманистической концепции у К. Г. Паустовского [Рахимова 2023]. М. В. Скороходов рассматривает особенности личной библиотеки писателя, а также его героев [Скороходов 2023]. И. С. Болдонова

и С. С. Имихелова путем детального исследования повести «Мещерская сторона» исследуют сущность натурфилософской концепции понимания взаимоотношений человека и природы в творчестве К. Г. Паустовского [Болдонова, Имихелова 2019]. Продолжается исследование мотивного комплекса творчества автора в работах Д. М. Борисовой [Борисова 2022; 2023]. В статье В. Ю. Даренского затрагивается вопрос о функции взаимосвязанных категорий любви и творчества как символов преодоления смерти в произведениях К. Г. Паустовского [Даренский 2022].

Однако исследований, посвященных рассмотрению темы любви в творчестве К. Г. Паустовского, на данный момент недостаточно. Кроме того, без детального осмысления темы любви, на наш взгляд, невозможно полноценное постижение смысла исследуемого произведения.

Цель статьи – изучить тему любви в романе К. Г. Паустовского «Романтики», ее трансформацию и взаимосвязь с темой творчества. Нарастающий в последние десятилетия интерес к романной прозе К. Г. Паустовского [Девятярова 2011; Налегач 2020; Хрящева, Сухорукова 2012] обуславливает актуальность предлагаемой работы, а анализ развития темы любви в указанном романе обеспечивает ее новизну.

Методы и материалы

Материалом стал роман К. Г. Паустовского «Романтики»¹ (1923). Отбор анализируемых эпизодов происходил с учетом актуализации в них любовной тематики с учетом их роли в романе как художественном целом, имеющем политематическую организацию. Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода с применением метода сопоставительного анализа, что обусловлено соотношением авторской аксиологии, проявленной в заглавии романа со стилевыми установками эпохи романтизма.

Результаты

Как отмечают некоторые исследователи, в «Романтиках» концепция любви выражается в тяге героя к поиску выхода из хаоса мировой войны в иррациональной любви [Грешилова 2023; Сивова 2023]. Однако мы считаем, что тема любви уже в раннем творчестве писателя гораздо сложнее и не ограничивается лишь одной функцией спасения героя. Главный герой романа, писатель Максимов – человек, обладающий уникальным,

отличным от большинства мировоззрением, особым отношением к любовным переживаниям. Наивысшей ценностью, помимо любви, для него становится творчество, которому он как истинный писатель посвящает всего себя. И именно через изображение процесса создания героем своего романа и через взаимодействие героя с его возлюбленными женщинами К. Г. Паустовский показывает изменение Максимова.

Тема творчества возникает в «Романтиках» уже в первой главе с появлением старика Оскара, школьного учителя Максимова, Сташевского и Винклера. Он с самого детства мечтал заниматься музыкой и даже написал фантастическую оперу, оставшись тем не менее непонятым как близкими людьми, так и профессиональными музыкантами. Возможность заниматься творчеством была для Оскара единственной радостью, приносящей при этом страдания и заставляющей переживать критику и насмешки. Являясь учителем Максимова, Оскар, безусловно, оказал влияние на процесс его становления и показал своим примером неразрывность творчества и страданий в жизни человека, избирающего путь творца, но вместе с тем поделился счастьем, которое приобретает человек благодаря возможности творить.

В формировании личности Максимова немаловажную роль сыграл и круг его чтения, культурная среда, безусловно, романтическая, в которой он воспитывался, а также самые незначительные детали окружающего мира: *Я пишу о теплом женском дыхании, сумраке приморских кафе, о Шелли, о снежной музыке Грига, о желтых берегах Эллады и смерти Байрона* (с. 25). Герой влюблен в жизнь во всех ее проявлениях, и это вдохновляет его в его творческой деятельности. Влияние, оказываемое на Максимова той средой, в которую он попадает, теми людьми, с которыми он взаимодействует в течение жизни, постепенно преобразует личность героя. В этом наблюдаются жанровые черты романа становления, среди которых помимо упомянутого «Генриха фон Офтердингена», безусловно, следует назвать роман Ф. Шлегеля «Люцинда», «Жизнь Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса, «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гете, в которых герой зачастую, как и Максимов, оказывается влюбленным как в героиню, так и в саму жизнь.

С самого начала романа Максимов трудится над созданием книги, которую он называет «Жизнь». По его собственным замечаниям, работа над романом

¹ Паустовский К. Г. Романтики. In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений в восьми томах*. М.: Худ. лит., 1967. Т. 1. С. 21–190. Далее по тексту цитаты из романа приведены с указанием страниц в круглых скобках после цитаты по данному изданию.

движется тяжело: *Все выходило нудно, глупо. Я рвал написанное. Дни проходили без всякого смысла* (с. 73); *Всю крепость свою я отдал «Жизни»* (с. 88). Максимов связывает отсутствие вдохновения с недостатком в своей жизни страданий, в том числе любовных, которые он воспринимает как источник получения писательского опыта. Это напоминает пушкинскую концепцию связи вдохновения и любовных переживаний, выраженную в его знаменитом стихотворении «К ***»:

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви².*

Показательно в этой связи, что преодоление творческого кризиса начинается в момент встречи с Хатидже. Эту девушку он знал еще в детстве, поэтому момент встречи героев напоминает платоновское припоминание: через соприкосновение с объектом чувственного мира Максимов окунается в мир идеального. Увидев Хатидже впервые, Максимов замечает прекрасное астрономическое явление – зодиакальный свет, который также наблюдал герой «Божественной комедии» А. Данте, когда встретил Беатриче, оказавшую огромное влияние на судьбу героя и его формирование как поэта. Благодаря упоминанию героини итальянской поэмы актуализируется мотив спасительной любви, способной провести героя через сложнейшие испытания и преобразить его личность.

В «Романтиках» Максимов видит красоту души Хатидже, и возникающая к ней любовь начинает преобразовать героя: *Я опускаю глаза, чтобы встречные женщины не подумали, что я люблю их всех, Сташевский посмотрит и обо всем догадается* (с. 56). Притягательность героини возбуждает соперничество между Максимовым и его близким другом, художником Винклером, который всей душой полюбил Хатидже. Однако она сделала выбор в пользу Максимова, ощущая в нем несгибаемый дух жизни. Сравнивая Максимова и Винклера, можно заметить, что, оказавшись в тяжелой ситуации, первый продолжает жить и находит в себе силы созидать, второй же добровольно уходит из жизни и уничтожает собственные картины, тем самым уступая смерти. Таким образом К. Г. Паустовский выстраивает концепцию героя-творца, достойного любви, а ситуация

выбора Хатидже в пользу Максимова отражает идею возможности рождения подлинного искусства лишь из духа жизни.

Между эстетикой смерти, распространенной в искусстве начала XX в., и духом жизнеутверждения, характерным для неореализма в этот период, К. Г. Паустовский всегда выбирает жизнь. Закономерно, что впоследствии он напишет предисловие к собранию сочинений А. И. Куприна, акцентировав в творческой системе автора гуманизм и трепетное отношение к жизни: «Любовь Куприна к человеку проступает ясным подтекстом почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов»³. А одним из своих главных учителей К. Г. Паустовский считает гения неореализма И. А. Бунина: именно ему на суд он отправляет свои первые стихи. Немаловажным фактом в творческой биографии писателя является и его идейная связь с литературным объединением «Серрапионовы братья», в творчестве и жизни которых, как видно из цикла очерков «Литературные портреты», он обнаруживал вдохновляющую силу искусства, органически выращенного на традиционных ценностях великих русских классиков.

С появлением в «Романтиках» еще одной героини – Наташи – начинается усложнение любовной темы. Встретив ее, Максимов поначалу испытывает муки совести, ощущая страсть к другой женщине. Однако встреча с Наташей актуализирует традиционную для романтизма ситуацию внутреннего противоречия героя, мечущегося между двумя типами красавиц, ангелоподобной и демонической. Ю. В. Манн характеризует наличие в романтических произведениях противоположных по характеру женских персонажей как «противоречие между идеалом Мадонны, которая "выше мира и страстей", и вакхическим идеалом чисто "земной", не знающей компромиссов языческой страсти» [Манн 1995: 62]. В. М. Жирмунский отмечает, что данные типы романтических героинь восходят к байроническим образам: «восточная женщина с черными глазами и темными волосами и прекрасная христианка, голубоглазая и светловолосая» [Жирмунский 1978: 161]. Исследователь подчеркивает, что контраст между героинями прослеживается не только в их внешнем облике, но распространяется на их внутренний мир: «нежная, кроткая, добродетельная христианка и страстная, необузданная, преступная гаремная красавица» [Там же: 164].

² Пушкин А. С. К *** (Я помню чудное мгновенье...). In: Пушкин А. С. *Стихотворения Александра Пушкина*. СПб.: Наука, 1997. С. 192.

³ Паустовский К. Г. Поток жизни (заметки о прозе Куприна). In: Куприн А. И. *Собрание сочинений в 6 томах*. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 8.

Если говорить об изображении любви к двум женщинам в произведении романного жанра, то следует упомянуть классический образец эпохи романтизма – «Айвенго» В. Скотта, в котором также представлены две героини – леди Ровена и Ребекка. Первая – образец средневековой прекрасной дамы, символизирующая классический объект любви храброго рыцаря. Вторая же, Ребекка, страстная и деятельная, но вместе с тем самоотверженная героиня. В конечном итоге, выбирая Ровену, Айвенго совершает традиционный для романтического героя выбор в пользу ангелоподобной белокурой красавицы. Выбор между мечтающей о простом семейном счастье Лабаньей и страстной и непокорной Кэти приходится делать герою романа «Последняя поэма» («Шешер кобита») индийского писателя Р. Тагора. Интерес вызывает тот факт, что в финале произведения после совершенного героями выбора Лабанья, переживающая разлуку с возлюбленным, пишет прощальное стихотворение, преобразуя тем самым драматическое переживание в объект искусства. Намного более сложный по своей структуре и содержанию роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» также содержит в себе ситуацию выбора героя. Однако в нем, по мнению О. А. Гримовой, метания Юрия Живаго между Тоней, Ларой, а затем и Мариной отражают не только ситуацию его самоопределения как влюбленного мужчины, но и демонстрируют перипетии жизненного пути человека, оказавшегося жертвой глобального исторического процесса [Гримова 2013]. При этом из тяжелейших переживаний поэта рождается поистине ценное и вечное – поэтическая тетрадь героя, его творческое наследие.

В «Романтиках» возлюбленных Максимова – Хатидже и Наташу – действительно можно соотнести с двумя типами романтических красавиц. Носительница экзотического имени Хатидже – девушка, обладающая при этом абсолютно ангелической внешностью: *Она быстро шла к вокзалу, вся в белом. Ее волосы золотились под солнцем, лицо посмуглело и темно-зеленые радостные были глаза* (с. 116). В момент встречи с Максимовым Хатидже находится в состоянии поиска нового смысла жизни после окончания обучения в Сорбонне и переезда из Парижа обратно в Россию. Герой и его творчество становятся для Хатидже этим смыслом, она, подобно Беатриче, превращается в его ангела-хранителя. Безграничная доброта, которая есть в Хатидже, поддерживает Максимова, однако герой считает, что счастье не дает писателю того опыта, которым он может поделиться с читателями,

поэтому стремится разлучиться с возлюбленной. И именно в этой разлуке Максимов встречает Наташу.

Наташа во многом является противоположностью Хатидже. Даже территориально Хатидже находится на юге, а Наташа встречается Максиму в Москве, увозя затем героя на север, в Архангельск. Наташа – эмоциональная, импульсивная женщина, обладающая разрушительной энергией. Так, при встрече с Максимовым она, не раздумывая, выбрасывает за борт его книгу, в которой лежит еще непрочитанное письмо от Хатидже. Максимов считает, что любовь героини способна сохраняться только в экзотических условиях: *С Наташей жить нельзя. Месяц вместе – и потом конец. Есть люди, которые не выносят любви, похожей на часовой механизм, любви, что стучит ежедневно, размеренно и скоро надоедает. Через месяц ее уже надо заводить, потом пружина ослабевает, и заводить надо уже не раз в месяц, а каждый день* (с. 146). Наташа для Максимова – источник сильного чувства, напоминающего горящий огонь. Хатидже – теплый домашний очаг. В отличие от своей соперницы Наташа не готова делить Максимова с кем-либо, в одном из их разговоров она поет песню: *Запомни фразу, лихой моряк: Любить двух сразу нельзя никак* (с. 167).

Своей своенравностью, импульсивностью и эгоизмом Наташа напоминает демона. В противоположность ангелоподобной сущности Хатидже демоническая натура Наташи очень быстро притягивает к себе Максимова, но также сильно она и отталкивает его от себя своей ненадежностью и непостоянством.

Узнав о влюбленности Максимова в Наташу, Хатидже испытывает боль: *Получила письмо из Архангельска. Тяжело, но спокойно. Кроме тебя никого нет* (с. 95). Как женщине ей грустно осознавать, что ее возлюбленный полюбил кого-то кроме нее, однако она понимает, что Максиму как писателю необходимы подобные переживания: *Очевидно, все, что ты делаешь, – нужно. В твоей жизни будет много потрясений, любви, горя, ты должен пройти через все, но всегда, когда ты захочешь, я буду около тебя* (с. 98). Позднее, когда Максимов привозит Наташу на Четыр-Даг, где находится и Хатидже, ангелоподобная героиня относится к гостю не как к сопернице, а как к доброй подруге, даже укрывает своей шалью, не давая замерзнуть. Крымский пейзаж, на фоне которого происходит первая встреча соперниц, напоминает сюжет известной романтической поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Однако, несмотря на сходство, в пушкинском произведении страстная грузинка Зарема, противостоящая похищенной ханом Гиреем невинной княжне

Марии, открыто требует вернуть ей любовь героя: *Оставь Гирея мне: он мой*⁴. Мария, как и Хатидже, неоднократно сравниваемая с нежным и хрупким ангелом, смиренно выслушивает свою соперницу. Зарема имеет общие черты с Наташей – с ее демонической красотой, страстностью и непокорностью.

У А. С. Пушкина противостояние героинь заканчивается гибелью обеих, К. Г. Паустовский же трансформирует романтический сюжет, внося в него иронию. Хатидже, обладающая экзотическим именем, имеет совершенно обычную для русской девушки внешность, а Наташа увозит Максимова в город Архангельск, название которого отсылает к ангелическому началу, однако происходящие там события (по сути, измена Хатидже) идут с этим смыслом вразрез. Вместо погибающего ангела Марии в романе К. Г. Паустовского в конце концов умирает демоническая Наташа, и именно ее смерть коренным образом действует на героя, полностью меняя его мировоззрение и понимание роли писателя в судьбе человечества. Таким образом, автор лишь использует проверенные романтические образы и символы, переосмысляя и усложняя их.

Изображение противоположных по характеру героинь в «Романтиках» напоминает попытку воплотить образ идеальной натуры, совмещающей в себе несовместимое. Подобный поиск идеала отсылает к одной из ключевых идей символизма о Вечной Женственности, описанной в трудах В. С. Соловьева [Соловьев 1991]. Двоение этого символа наиболее ярко воплотилось в поэзии А. Блока в сложном соотношении символов Прекрасной Дамы и Незнакомки, в роковом выборе героя «Песни судьбы»⁵ между Еленой и Фаиной [Зусева-Озкан 2020]. Любовь Максимова к двум женщинам – это стремление к недостижимому идеалу, которое одновременно является способом познания себя. В романе К. Г. Паустовского происходит как бы слияние образов Наташи и Хатидже. Первая как бы «завещает» Максимова второй.

Перелом и трансформация романтической традиции обозначены помещением ситуации любовных переживаний героя в катастрофический исторический контекст. Важнейшими событиями, влияющими на изменение героя, становятся поистине трагические события Первой мировой войны, которые

изображаются в романе отнюдь не как романтические приключения: война – это *тоскливые будни, скрежещущие бои, бесплодные мысли, города, превращенные в отхожие места, промокнувших до портянок солдат, вонючие раны и желтые выпученные глаза трупов* (с. 159). Война является одним из импульсов, заставляющих героя отойти от собственных умозаключений и соединиться с миром и народом, переживающим национальную трагедию. Максимов переживает тяжелейшие моменты войны, в том числе гибель Наташи. Ее прощальное письмо содержит в себе мысли о предназначенности Максимова для сохранения и созидания жизни, озвученные ранее Хатидже, что свидетельствует о полном самоотречении обеих героинь в их любви к художнику. За счет этого достигается слияние двух образов в единый символ Вечной Женственности.

В конечном итоге для постижения жизни и одновременного завершения работы над романом «Жизнь» герою необходимо познать смерть: пережить крушение старого мира, разрушенного мировой войной, потерять возлюбленную. В этом видится отсылка к древнему мифу об Орфее и Эвридике, об актуальности которого в искусстве первой половины XX в. подробно писал А. А. Асоян [Асоян 2004], также содержащему и переплетающему в себе мотивы творчества и любви. Пережив трагическую потерю любимой и не сумев ее спасти, Орфей, по одной из версий, погибает, оставляя память о себе в песнях муз, по другой – находит успокоение в пении собственных песен, посвященных любимой. В любом случае именно потеря любимой сохраняет память о герое в веках, в чем ясно видна победа над смертью.

Заключение

В творчестве К. Г. Паустовского, испытывавшем влияние романтиков, подлинное искусство невозможно без переживания художником состояния любви. Однако автор не останавливается лишь на романтической модели любви: трансформируя ее, он вводит ситуацию любви героя одновременно к двум женщинам. Благодаря этому герой постепенно преодолевает романтическое противопоставление образов ангелической и демонической красавиц через слияние их в единый образ Вечной Женственности. Вместе с тем истинное обретение способности

⁴ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан. In: Пушкин А. С. *Сочинения в 3 томах. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения*. М.: Худ. лит., 1986. С. 82.

⁵ Блок А. А. Песня Судьбы. In: Блок А. А. *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6. Кн. 1. С. 101–159.*

к творчеству дается герою через утрату. Погружаясь в смерть, он преодолевает ее и приходит к полноценному пониманию жизни. Любовь же становится важнейшим импульсом для этого понимания. Именно поэтому рассмотрение темы любви во взаимосвязи с темой творчества в романах К. Г. Паустовского является важнейшим направлением исследования наследия писателя.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор благодарит д-ра филол. наук, доцента, профессора кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций КемГУ Н. В. Налегач за значительную помощь в исследовании.

Acknowledgements: The author expresses gratitude for scientific consultations to Professor Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Department of Journalism, Russian Literature, and Media Communications, Kemerovo State University.

Литература / References

- Алексыан Е. А. Константин Паустовский – новеллист. М.: Наука, 1969. 166 с. [Aleksanyan E. A. *Konstantin Paustovsky is a short story writer*. Moscow: Nauka, 1969, 166. (In Russ.)]
- Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. *Сибирский филологический журнал*. 2004. № 1. С. 4–25. [Asoyan A. A. Semiotics of the myth of Orpheus and Eurydice. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2004, (1): 4–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oxoulr>
- Ачкасова Л. С. Человек как нравственная ценность в эстетике К. Паустовского. Казань: Казан. ун-т, 1977. 95 с. [Achkasova L. S. *Man as a moral value in K. Paustovsky's aesthetics*. Kazan: Kazan University, 1977, 95. (In Russ.)]
- Болдонова И. С., Имихелова С. С. Герменевтическая интерпретация эстетики природы К. Паустовского. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2019. № 3. С. 55–61. [Boldonova I. S., Imikhelova S. S. Hermeneutic interpretation of K. Paustovsky's aesthetics of nature. *Bulletin of the Buryat State University*, 2019, (3): 55–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-3-55-61>
- Борисова Д. М. Мотив грозы в творчестве К. Г. Паустовского. *Вопросы культурологии*. 2022. № 8. С. 655–659. [Borisova D. M. Thunderstorm motif in creativity of Konstantin Paustovsky. *Issues of Cultural Studies*, 2022, (8): 655–659. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33920/nik-01-2208-06>
- Борисова Д. М. Образ Пушкинского Заповедника в прозе К. Г. Паустовского. *Вестник Костромского государственного университета*. 2023. Т. 29. № 3. С. 91–100. [Borisova D. M. The image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, 29(3): 91–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>
- Грешилова И. А. «Золочёные нити» воспитывающего слова К. Г. Паустовского. *Воспитание школьников*. 2023. № 1. С. 22–28. [Greshilova I. A. "Gilded threads" of the educative word of K. G. Paustovsky. *Vospitanie shkolnikov*, 2023, (1): 22–28. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hpvnvd>
- Гримова О. А. Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго». *Новый филологический вестник*. 2013. № 2. С. 7–44. [Grimova O. A. Genre peculiarities of the novel "Doctor Zhivago". *Novyi Filologicheskii Vestnik*, 2013, (2): 7–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdljml>
- Даренский В. Ю. Художественная философия К. Г. Паустовского. *Вестник РХГА*. 2022. Т. 23. № 4. С. 243–255. [Darensky V. Yu. The artistic philosophy of K. G. Paustovsky. *Vestnik RKhGA*, 2022, 23(4): 243–255. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2022.5.4.019>
- Девятярова О. Я. Нравственные искания героев романа К. Г. Паустовского «Дым отечества». *Актуальные вопросы филологических наук: Междунар. науч. конф. (Чита, 20–23 ноября 2011 г.)* Чита: Молодой ученый, 2011. С. 47–49. [Deviatyarova O. Ya. The moral quest of the personages in K. G. Paustovsky's novel *The Smoke of Fatherland*. *Topical issues of philological sciences: Proc. Intern. Sci. Conf., Chita, 20–23 Nov 2011*. Chita: Molodoi uchenyi, 2011, 47–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjymzd>
- Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с. [Zhirmunskiy V. M. *Byron and Pushkin*. Leningrad: Nauka, 1978, 424. (In Russ.)]

- Зусева-Озкан В. Б. «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» М. А. Кузмина как один из источников пьесы А. А. Блока «Песня Судьбы». *Вестник славянских культур*. 2020. № 56. С. 121–130. [Zuseva-Ozkan V. B. "The comedy of Eudoxia of Heliopolis, or the Converted Courtesan" by M. A. Kuzmin as a source of A. Blok's play "The Song of Fate". *Vestnik Slavianskikh Kultur*, 2020, (56): 121–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-121-130>
- Карпеченко Т. В. Писатель и творчество в эстетической концепции К. Г. Паустовского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 242 с. [Karpechenko T. V. *Writer and creativity in K. G. Paustovsky's aesthetics*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdajor>
- Кременцов Л. П. К. Г. Паустовский: жизнь и творчество: книга для учителя. М.: Просвещение, 1982. 96 с. [Krementsov L. P. K. G. *Paustovsky's life and work: Teacher's book*. Moscow: Prosvechshenie, 1982, 96. (In Russ.)]
- Левицкий Л. А. Константин Паустовский: очерк творчества. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1977. 408 с. [Levitskiy L. A. *Konstantin Paustovsky: An essay on creativity*. 2nd ed. Moscow: Sov. pisatel, 1977, 408. (In Russ.)]
- Липовецкий М. Н. Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия. *Филологический класс*. 2018. № 1. С. 13–18. [Lipovetskiy M. N. Neoromanticism in Russian poetry of the XX–XXI centuries: Meaning and scope of the concept. *Philological Class*, 2018, (1): 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytvckg>
- Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект пресс, 1995. 384 с. [Mann Yu. V. *Dynamics of Russian romanticism*. Moscow: Aspekt press, 1995, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scgjvn>
- Мантрова С. А. Сила разума, бросившая вызов природе. Проблема взаимоотношений человека и природы в повести «Кара-Бугаз». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 9. С. 110–117. [Mantrova S. A. The power of mind challenging nature. Problem of relationship between man and nature in novel "Kara-Bugaz" by K. G. Paustovsky. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2010, (9): 110–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvbdqv>
- Милиц З. Г. Футуризм и неоромантизм: К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Елены Гуро. In: Милиц З. Г. *Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн.* СПб.: Искусство-СПб, 2004. Кн. 3. С. 317–326. [Mints Z. G. Futurism and neo-Romanticism: Genesis and structure of A Poor Knight's Story by Elena Guro. In: Mints Z. G. *Blok and Russian Symbolism: Selected works in 3 books*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2004, book 3, 317–326. (In Russ.)]
- Налегач Н. В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928). *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 5. С. 28–35. [Nalegach N. V. The role of the motive of reading in K. Paustovsky's novel "Shining Clouds" (1928). *Humanitarian Vector*, 2020, 15(5): 28–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35>
- Рахимова Р. Д. Художественное своеобразие рассказов Паустовского (50–60-е годы) 20 века. *Русский язык и литература в современных реалиях*: Республ. науч.-практ. конф. (Душанбе, 7 февраля 2023 г.) Душанбе: Таджикский национ. ун-т, 2023. С. 93–96. [Rakhimova R. D. Artistic originality of Paustovsky's stories (50–60s) of the 20th century. *Russian language and literature in modern realities*: Republican Sci.-Prac. Conf., Dushanbe, 7 Feb 2023. Dushanbe: Tajik National University, 2023, 93–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wsygxi>
- Сивова Т. В. Пространство мещерского леса в пространственной концептосфере произведений К. Г. Паустовского. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2023. Т. 11. № 1. С. 207–224. [Sivova T. V. The Meshchersky forest space in the spatial conceptsphere of K. Paustovsky's works. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 2023, 11(1): 207–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spbdcx>
- Скорыходов М. В. К. Г. Паустовский – читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений. *Русская словесность*. 2023. № 3. С. 55–62. [Skorokhodov M. V. Konstantin G. Paustovsky – reader: To the question about the reading circle and the libraries of the writer and the heroes of his works. *Russkaia slovesnost*, 2023, (3): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aefust>
- Соловьев В. С. Смысл любви. *Русский Эрос, или Философия любви в России*, сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 19–77. [Solovyov V. S. The meaning of love. *Russian Eros, or the Philosophy of Love in Russia*, ed. Shestakov V. P. Moscow: Progress, 1991, 19–77. (In Russ.)]
- Хрящева Н. П., Сухорукова Ю. А. Позднее творчество К. Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы. *Урал. филол. вестник. Сер.: Рус. лит-ра XX–XXI веков: направления и течения*. 2012. № 1. С. 71–83. [Khryashcheva N. P., Sukhorukova Yu. A. Late works by K. G. Paustovsky: towards the poetics of metaprose. *Ural. filol. vestnik. Ser.: Rus. lit-ra XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia*, 2012, (1): 71–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phnvsz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wsyjvh>

Призрачный поезд как интегральный образ в романе В. В. Набокова «Машенька» (1926)

Чжу Цзывэй

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, Шэньчжэнь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0009-2810-8877>zhuziweilove@163.com

Аннотация: Проанализирован образ поезда в романе В. В. Набокова «Машенька» (1926) как интегральный образ, соединяющий в себе признаки метафоры, символа, лейтмотива и порождающий / притягивающий многие иные романские образы, прямо или косвенно с ним связанные. Применены метод мотивного анализа и герменевтико-интерпретационный метод. Образ поезда характеризуется состоянием призрачности, расширяющимся на героев романа и на всю художественную реальность в целом. Признаки призрачного поезда обнаруживаются во внешнем виде и убранстве дома, где живут русские эмигранты, в городе, в котором они оказались волею судьбы, в их собственных чертах, именах, словах, поступках. Призрачные персонажи похожи на тени и мертвецов; Берлин скрыт дымом, облаками, водой. При этом в системе набоковского двоемирия «Машеньки» призрачно не только *здесь*, но и *там*, то есть Россия, восстанавливаемая в воспоминании главного героя. Россия и Машенька вначале предстают в светлых воздушных тонах, но постепенно сумрачная призрачная железнодорожная образность проникает и в эти воспоминания. Финал романа неоднозначен: учитывая возможную соотнесенность сюжетов и образной системы этого набоковского произведения и стихотворения Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай», а также склонность писателя к столкновению взаимоисключающих вариантов развития событий, можно предположить, что герой, садясь в поезд, увозящий его из Берлина и от прошедшей любви, как выходит за пределы сновидческой реальности, так и остается в ней.

Ключевые слова: В. В. Набоков, травелог, поезд, интегральный образ, онейрическая поэтика, мотив призрачности, железнодорожный мотив

Цитирование: Чжу Цзывэй. Призрачный поезд как интегральный образ в романе В. В. Набокова «Машенька». *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 637–646. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-637-646>

Поступила в редакцию 18.03.2024. Принята после рецензирования 02.05.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Phantom Train as Integral Image in Vladimir Nabokov's *Mary* (1926)

Ziwei Zhu

Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0009-2810-8877>zhuziweilove@163.com

Abstract: In Vladimir Nabokov's novel *Mary* (1926), the train is an integral image. It is a metaphor, a symbol, and a leitmotif that generates or attracts many other images. The methods of motif and hermeneutic-interpretative analyses revealed that the train is a phantom that extends onto the characters and the entire artistic reality. The phantom train manifests itself in the interior of the houses where Russian emigrants live, in the city where the fate brought them to, in their own appearances, names, words, and actions. The phantom personages are shadows in a postmortem existence while Berlin is wrapped in smoke, clouds, and vapor. In this duality, Russia is as ghostly as Berlin in the main character's memories. Initially, Russia and Mary are light and weightless, but the gloomy phantom train gradually penetrates into these memories. The end of the novel is ambiguous. Probably, it correlates

with Nikolai Gumilev's poem *The Lost Tram*. Besides, Nabokov liked to clash mutually exclusive plot developments. Apparently, the main character both leaves the phantom reality and stays in it as he boards the train that takes him away from Berlin and his past love.

Keywords: Vladimir Nabokov, travelogue, train, integral image, oneiric poetics, phantom motif, railway motif

Citation: Zhu Ziwei. Phantom Train as Integral Image in Vladimir Nabokov's *Mary* (1926). *SibScript*, 2024, 26(4): 637–646. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-637-646>

Received 18 Mar 2024. Accepted after peer review 2 May 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Появление поезда и его широкое распространение в мире не только изменило способ передвижения человека, но и сыграло важную роль в создании современной образности, современного хронотопа в искусстве. О поездах применительно к разным аспектам этого художественного образа в прозе писателей-модернистов русскими филологами написан ряд значимых работ. Среди них можно назвать посвященные творчеству И. А. Бунина статью Е. М. Болдыревой, где упоминается о призрачных блужданиях главных героев бунинской «Жизни Арсеньева» и «Берлинской хроники» В. Бенямина, для которых железнодорожный вокзал есть «генератор мемориальной диаграммы – сетки разбегающихся во все стороны России поездов» [Болдырева 2019: 45], или статью Д. Д. Николаева «Поездка в поезде как сюжетный прием в творчестве Бунина» [Николаев 2020]. Статья В. А. Андреевой посвящена композиции воспоминания в романе Гайто Газданова «Пробуждение», где реальность поезда выступает в качестве средства остранения и воспоминания о прошлом своей семьи [Андреева 2017: 22, 25]; статья О. П. Мурашёвой и Л. Н. Караевой – восприятию поезда как пространственной структуры в газдановском романе «Вечер у Клэр» [Мурашёва, Караева 2011]. Подробный обзор работ, посвященных исследованию образа поезда в поэзии русского модернизма, представлен в статье Н. А. Муратовой и Г. А. Жиличевой: в частности, они отмечают, что «художественные функции железнодорожной топки в мире Б. Пастернака (в его связи с образами поезда и вокзала у В. Я. Брюсова, И. Ф. Анненского, Б. К. Лифшица, Н. С. Гумилева)» [Муратова, Жиличева 2022: 54] рассматриваются в работах [Осипова 1995; Тименчик 1994; Тюленева 1999].

В трелогогах В. В. Набокова часто встречаются поезда, которые становятся для главных героев

одним из основных способов, средств перехода, переезда в другой мир в рамках набоковского двоемирия конкретного произведения. Одна из причин этого заключается в том, что сам писатель всю жизнь по необходимости и исходя из внутренней потребности к перемещениям переезжал с места на место, часто пользуясь поездом, так поступают и отчасти схожие с ним герои его книг. Практически в каждом произведении В. В. Набокова появляется образ поезда, в значительной степени это касается его русскоязычной прозы [Ролен 2001: 72]. При этом поезд у писателя – не эпизодический, не рядовой образ. Напротив, в случае с отдельными произведениями можно даже говорить об интегральном характере образа поезда. О. Г. Карасева использует этот термин, отталкиваясь от художественных открытий замятинской прозы и цитируя его текст «Закулись»: интегральный образ, «Согласно мысли Е. Замятина, это образ глубинного содержания, который, становясь доминирующим, "неминуемо родит целую систему производных образов", "прорастает" сквозь ткань произведения "через абзацы, страницы", "разветвляется", "распространяясь на всю вещь от начала до конца". <...> Он интегрирует в себе и метафору, и символ, и лейтмотив, ни одним из них не исчерпываясь» [Карасева 1998: 37]. В первом романе В. В. Набокова «Машенька» поезд выступает в качестве именно такого интегрального образа, с которым в прямой или ассоциативной связи находится ряд других важных образов книги.

Методы и материалы

В качестве материала исследования выбран первый русскоязычный роман В. В. Набокова «Машенька»¹ (1926) как произведение, в котором писатель заложил основы в том числе своей «железнодорожной поэтики», развивающейся во многих других – прозаических

¹ Набоков В. В. Машенька. In: Набоков В. В. *Русский период. Собрание сочинений в 5 томах*. СПб.: Симпозиум, 2009. Т. 2. С. 42–127. Далее по тексту цитаты из романа приведены с указанием страниц в круглых скобках после цитаты по данному изданию.

и поэтических – текстах русского и американского циклов. Отталкиваясь от концепции интегрального образа, в представленной статье мы используем метод мотивного анализа и герменевтико-интерпретационный метод. Настоящее исследование является частью большой работы, посвященной анализу жанровых компонентов травелога в прозе В. В. Набокова русского периода.

Результаты

А. А. Долинин в «Истинной жизни писателя Сирина» отмечает, что «В системе образов романа эмиграция – это полустанок, где застряли и сбились в кучу выброшенные из экспресса пассажиры; жизнь пронесится мимо и сквозь них, а они – бездомные, потерянные, одинокие – ведут мнимое существование теней» [Долинин 2009: 13], их место обитания – это дом, «где живут неприкаянные беглецы, расположенный рядом с железной дорогой, "на железном сквозняке" истории» [Там же: 12]. Действительно, дом-пансион, в котором живут русские эмигранты, это потусторонний [Александров 1999] дом-призрак, вещественность и неподвижность которого не безусловны. Он подобен в «Машеньке» полустанку, поезду и одновременно призраку, как и сами эти полустанок и поезд²: *Дом был как призрак, сквозь который можно просунуть руку, пошевелить пальцами* (с. 113). Равно как с этим домом, перроном, поездом, схожи и призрачные герои романа.

Дом находится в непосредственной близости от железной дороги: *Ганин никогда не мог отделаться от чувства, что каждый поезд проходит незримо сквозь толщу самого дома: вот он вошел с той стороны, призрачный гул его расшатывает стену, толчками пробирается он по старому ковру, задевает стакан на рукомоynике, уходит наконец с холодным звоном в окно, – и сразу за стеклом вырастает туча дыма, спадает, и виден городской поезд, изверженный домом* (с. 51). Призрачная природа поезда синестетически выявляется здесь через звук и вибрацию (через «сигнально-опознавательные знаки» [Левинг 2004: 160]), меняющиеся в зависимости от характера материальной преграды. Особенность его прохода через дом, по дому демонстрирует олицетворенность этого призрака: как неловкий человек в незнакомом пространстве, поезд не попадает в дверь и шатает стену, спотыкается на ковре, *задевает*

стакан, разбивает окно, снова не найдя двери. За пределами дома поезд обретает свою неоднозначную вещественность, увиденную сквозь окно, так или иначе искажающее оптику видения: *до городского поезда* за окном появляется его дым, который также указывает на призрачный статус поезда. Кроме того, В. В. Набоков использует метафору *туча дыма*, что и дым от паровоза превращает в облако, лишая этот дым безусловной привязки к *городскому поезду*.

Здесь же В. В. Набоков использует анималистическую развернутую имплицитную метафору³: *тускло-оливковые вагоны с темными сучьими сосками вдоль крыши и куцый паровоз, что, не тем концом прицепленный, быстро пятится, оттягивает вагоны в белую даль между слепых стен* (с. 51). Внутри этих сравнений, по всей видимости, скрыт образ собаки: так, вентиляция на вагонах подобна *сучьим соскам*. Причем поезд предстает здесь в виде собаки бездомной: в том же предложении, чуть раньше, поезд, пройдя сквозь дом, оказался в конечном итоге из него извергнутым. С этим извергнутым поездом-собакой схожи и русские эмигранты, оказавшиеся вне родины, будучи в свою очередь извергнуты, отвергнуты ею. Или это можно понять как мучительное, насильственное «рождение» поезда-собаки, выходящего из лона призрачного дома в чужой мир. Ю. Левинг отмечает, что вокзал (или его замещения) у В. В. Набокова отличает «повышенная гравитация» [Левинг 2004: 93], особая сила притяжения. Важно, что в этой имплицитной метафоре все ее составляющие имеют реверсивный, ненормальный характер: соски оказываются сверху, а не снизу, паровоз прикреплен к поезду *не тем концом*, и сам он при этом *куцый* (определение *куцый* прежде всего вызывает ассоциацию с хвостом (стертая метафора *хвост вагона* как хвост собаки)), паровоз движется не вперед, а пятится.

Чуть раньше В. В. Набоков акцентирует внимание на том, что и сам дом как будто бы подобен поезду: *Каждые пять минут сдержанным гулом начинал ходить дом, затем громада дыма вздымалась перед окном* (с. 51). Здесь снова присутствует олицетворение (*дом ходит*) и одновременно происходит перенос действия – с паровоза на дом. Причем этот перенос прямо не проговаривается, а потому возможна и метафора *дом – поезд*. Ганин сидит у Подтягина, когда проходит поезд, и следующее предложение может относиться

² О связи поезда у В. В. Набокова с мифическими существами см. статью [Балашова 2023: 173].

³ См. статью О. А. Титова об имплицитных метафорах поезда в романе «Подвиг» [Титов 2010] и статью М. В. Дайнеко о лексемах *поезд* и *train*, создающих образ эмигрантского пансиона в «Машеньке» [Дайнеко 2022].

как к комнате Подтягина, так и к купе проходящего поезда: *Ночь в незавешенном стекле холодно синела, отражая абажур лампы и край освещенного стола* (с. 76), тем самым обозначая их возможное сходство. На комнатах пансионеров наклеены листы из старого календаря с *крупными, черными цифрами* (с. 48), как в поезде на купе. Герои живут в прошлом времени, в апреле ушедшей весны, которой уже нет. Время их настоящей жизни также призрачно. Ю. И. Левин отмечает, что в «Машеньке» есть внешнее и внутреннее пространство, первое – замкнутое, второе – открытое [Левин 1990], однако при этом о реальности ни второго, ни первого говорить не приходится. Неслучайно и А. Яновский в статье «О романе Набокова "Машенька"» берет в кавычки двоимирное разделение двух хронотопов книги: «реальный» берлинский мир и «воображаемый» мир воспоминаний героя [Яновский 1997].

Ганин, по собственному выражению, продает свою тень⁴ в том смысле, что снимается в эпизодах в кинематографе: после того как он случайно узнал себя в фильме, который смотрел, *Он шел и думал, что вот теперь его тень будет странствовать из города в город, с экрана на экран, что он никогда не узнает, какие люди увидят ее и как долго она будет мыкаться по свету* (с. 61). В этом пассаже можно отдельно обратить внимание на игру слов: потерянная, не находящая себе места, и потерянная, утраченная кем-то (родиной, близкими) тень человека странствует по свету – миру – и по свету киноэкрана. Та же игра смыслов присутствует в предложении *Сделка была совершена, и безмянные тени наши пущены по миру* (с. 51). Образы статистов будут появляться в разных сценариях по всему миру, но они не получат за это почти ничего: пойдут по миру⁵.

Образ тени – не только мотив, «становящийся изотопией романа» [Левин 1985: 22], но и вариант образа призрака. Т. Н. Белова отмечает: «такие ключевые слова, как "тень", "призрак", встречаются во всех романах Набокова, образуя специфический лейтмотив "мнимой" жизни, характерный для его мироощущения» [Белова 2012: 79]. Ганин и другие русские пансионеры, оказавшись в Берлине, стали тенями («обитателями мира теней» [Connolly 1992: 33]), призраками, пассажирами призрачного поезда. А. В. Леденев пишет:

«Само место действия "Машеньки" – скромный берлинский пансион по соседству с городской железной дорогой – напоминало о неустроенности полувокзального быта эмигрантов, о призрачности их "теневого" существования на чужбине» [Леденев 2004: 115]. «Замкнутый мир настоящего» – это «та реальность, в которой живет Ганин, реальность призрачная» [Морозов 2007: 165]. «Набоков целенаправленно множит количество "тневых" объектов в жизни героя» [Белоусова 2017: 91]. Тень Ганина *жила в пансионе госпожи Дорн, – он же сам был в России* (с. 85); *Подтягин показался ему тоже тенью, случайной и ненужной* (с. 84); *большая седая тень* (с. 91) Подтягина сидела в кресле, а Ганин слушал поезда, *насквозь проходившие через этот унылый дом, где жило семь русских потерянных теней* (с. 61). Говоря о «Даре», И. Паперно указывает на следующее: «Вспоминая об обстоятельствах, при которых, в тридцатые годы, писался роман, Набоков описывал эмигрантов как нереальных, "едва осязаемых людей"⁶» [Паперно 1997: 491].

Тень Ганина, проходящая по киноэкранам, вызывает у него мысль о схожести его жизни и жизнью других постояльцев с киносъемкой: *вся жизнь ему представлялась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует* (с. 61), и в этом же предложении Ганин *слушал поезда, насквозь проходившие через этот унылый дом* (с. 61): люди, кинофильмы или отдельные кадры на киноплёнке и поезда оказываются ассоциативно связаны друг с другом. Киноплёнка с тенями персонажей и предметов, состоящая из отдельных черно-белых кадров, схожа с поездом, состоящим из вагонов. Ю. Левинг отмечает, что в «В эпоху раннего кинематографа вагонное окно не могло не повлечь ассоциаций с экраном и параллелей с киноприемами (от рапид-съемки до случайной композиции в квадратной раме)» [Левинг 2004: 183].

Берлин с крыши автобуса также видится Ганину как *чужой город, проходивший перед ним*, и воспринимается как *только движущийся снимок* (с. 83). «По мере того как пространство прошлого оживает в памяти героя, обретает звуки и запахи, берлинский мир теряет живые признаки, превращается в фотографию» [Букс 1998: 18–19]. Внизу возле автобуса *по солнечным зеркалам асфальта разбегались черные*

⁴ О тени и свете в романе см. [Parker 1987: 31].

⁵ Об историко-литературных корнях мотива тени в «Машеньке» см. комментарии О. И. Дарка о связи этого романа с «Удивительной историей Петера Шлемля» Адельберта фон Шамиссо [Дарк 1990: 410–413].

⁶ Nabokov V. Speak, Memory. NY: G. P. Putnam & Sons, 1966. P. 282.

фигурки (с. 83). Берлин для Ганина наполнен не людьми, но призрачными фигурами людей. Сам же автобус, в котором он едет, качался, грохотал – подобно поезду: вагон погрохатывал (с. 100), вагон громыхнул буферами (с. 100), проходил грохот поездов (с. 116), поезд за спанным грохотом (с. 124).

Весь транспорт романа оказывается схож друг с другом и с поездом. Автобус в Берлине, на котором едет Ганин, качается и грохочет подобно поезду, как и лифт. Поезд как означающее внутри метафоры киноплёнки схож с кораблем. Автомобиль промахивал по Берлину, вскрикнув оленьим голосом (с. 64), при этом оленьи черты будут и у велосипеда юного Ганина. В пределах пары страниц от колес берлинских авто Ганин переходит в воспоминаниях к колесам велосипеда, а после – к метафоре дождя как поезда (с. 94–95).

О призрачности героев «Машеньки» говорит мортальный интерьер пансиона [Лебедева 2009] – его мебель, его картины: Столы, стулья, скрипучие шкафы и ухабистые кушетки <...> приняли унылый и нелепый вид, как кости разобранного скелета (с. 48). У Клары в комнате висит копия картины А. Беклина «Остров мертвых», при всей пародийности указывая и на ее призрачную природу. В последний совместный вечер в доме пансионеров был бледноватый, загробный свет (с. 114). И в целом многие пансионеры связаны со смертью. Подтягин очевидно умирает, задыхаясь в эмиграции. Алферов в финале, будучи опоенным Ганиным, засыпает «мертвым сном».

Напротив, в финале романа Ганин видит, как строится новый дом, преодолевая смерть: Он видел желтый, деревянный переплет – скелет крыши, – кое-где уже заполненный черепицей, при этом один из рабочих двигался по самому хребту (с. 126). В этом пассаже не только скелет стропил и обрешетки и хребет конькового бруса являются метафорой, но и черепица вызывает ассоциацию с черепом. Строящийся дом как будто обрастает плотью.

Ганин в пансионе постепенно впадает в состояние рассеяния воли: мутные сумерки, которыми постепенно наливалась комната, заполняют его всего, претворяют самую кровь в туман, что нет у него сил пресечь сумеречное наваждение (с. 58). Образ тумана и облаков, природных явлений, мешающих ясности взгляда и имеющих низкую плотность, – еще один вариант образа призрака. Причем тень, туман, облака оказываются в романе связаны: Ползучая тень ночи с Людмилой, что представлялась Ганину в обольстительном тумане, насытила все углы комнаты, превратила мебель в облака (с. 59).

Помимо теней, тумана, облаков вещественность берлинского призрачного мира и воспоминаний Ганина о России и Машеньке частично отменяет вода. Мотивы влажности, воды появляются в романе с самого начала. Дом с русскими пансионерами как будто наполнен водой. Кларе кажется, что она живет в доме, колеблющемся и плывущем куда-то (с. 72). В этом доме поплыл (с. 71) лифт: поплывшая вверх клетка налилась желтым светом (с. 47). У Алферова водянистые глаза (с. 122), его голос всплывал (с. 61) сквозь другие звуки. Наконец, мотив воды непосредственно связан в романе с образом поезда: вагон громыхнул буферами, поплыл (с. 100). Для Ганина все эти мотивы – тени, воды, поезда, дыма – сливаются воедино: В полутьме все показалось очень странным: и шум первых поездов, и эта большая седая тень в кресле, и блеск пролитой воды на полу (с. 91).

Герои романа становятся органической частью призрачного поезда: Когда прокатывала дрожь поезда, голос Алферова смешивался с гулом, а потом снова всплывал: ту-у-у, ту-ту, ту-у-у (с. 61). С этим же звуком едет к Алферову Машенька. Ритмизованная телеграмма (два амфибрахия и два дактиля с усечением), которую она послала мужу: *Priedu subbotu 8 utra* (с. 93), содержит те же слоги, имитирующие перестук железнодорожных колес и гудение поезда, что слышатся в голосе-бормотанье Алферова: *du – tu – ut*. А. В. Леденев пишет: «Набокову-прозаику вообще свойственно использование маргинальных для русской прозаической традиции анаграмматических, иконико-графических и ритмико-фонетических ресурсов выразительности, благодаря которым отдельное слово или небольшой фрагмент текста может символически конденсировать неочевидную, "мерцающую" семантику, указывать на сферу "подтекстовых" значений» [Леденев 2006: 25]. В трехсловном имени Машенька Ганину слышится гудение телеграфных столбов (с. 81): *ма – шень – ка* (появление этих столбов, связанных с железной дорогой, также влияет на ритмическую организацию текста [Левинг 2004: 183]). Плохо слышимый за стеной голос Алферова превращается в гул поезда, а по телу Ганина прокатывала дрожь поезда, равно как у него в ногах бегали мурашки (с. 61): внешнее и внутреннее сливаются до неразличимости. У Ганина, как у механизма, ослабла какая-то гайка (с. 50) в теле и духе.

Алферов напоминает Ганину шатуна-пьяного в России, который валится посреди дороги. И здесь возможна следующая цепочка ассоциаций. По дороге проплывают зеленые громады возов (с. 123): возы,

идушие по дороге в одном направлении один за другим, можно назвать поездом, а зеленый их цвет заставляет вспомнить о цвете железнодорожных вагонов. Слово *шатун* означает не только беспокойного шатающегося человека, но и подвижную деталь, например, поезда. А. А. Долинин истолковывает фамилию Подтяги́на в том смысле, что тот как поэт вторичен и «подтягивает классикам» [Долинин 2009: 11]. Но в его фамилии можно обнаружить и железнодорожное слово *тяга* в значении самоходной единицы подвижного состава и понять его образ как того человека, кому требуется нахождение *под тягой* – в смысле помощи от других. Фамилия Ганин А. А. Долинину видится анаграммой: «Она анаграммирована в словах "изГНАНИЕ" и "изГНАНИк" и одновременно созвучна английскому "gone" в значении "ушедший" и "то, что ушло"» [Там же: 12]. Вместе с тем не исключено, что в ней могло отозваться и слово *ghan* – так называлась железная дорога Центральной Австралии. Дорога строилась в период 1878–1929 гг., и ее название могло быть освоено В. В. Набоковым. У сына сторожа, что подсматривал за Ганиным и Машенькой, после драки изо рта течет *что-то теплое, железистое* (с. 96). Ганин без страсти прижимается к *пурпурной резине <...> поддающихся губ* (с. 52–53) Людмилы.

Существование Ганина, как и других русских эмигрантов, в Берлине призрачное. Однако призрачный характер имеют и его воспоминания о России – он сам, люди, предметы. Но эта призрачность иная – светлая, а не ущербная призрачность изгнания. Машенька – *трепетный и нежный спутник <...> разлегся у его ног сероватой весенней тенью* (с. 67), *ее образ, ее присутствие, тень ее воспоминания требовали того, чтобы наконец он и ее бы воскресил* (с. 69). Ганин, вспоминая рождение любви к Машеньке, начинает это воспоминание с тифа, которым он болел в детстве. Болезнь ослабляет его телесность, он словно летит: *Лежишь словно на воздухе; похожая на поезд, постель будто <...> тронется, поплывет через всю комнату в окно, в глубокое июльское небо, по которому наискось поднимаются рыхлые, сияющие облака* (с. 68). Ганин, выздоравливающий от тоски в Берлине, освобождается от своей болезненной призрачности, он ходит по городу и смотрится *во все зеркала* (с. 69), вновь наблюдая свой натуральный облик.

Заколоченная усадьба александровских времен (с призраками прошлого и *мертвой мебелью в чехлах* (с. 96)), в которой происходят встречи Ганина и Машеньки, впервые появляется на страницах романа под *тяжелый стук копыт и колес* (с. 87), который

вводит железнодорожный мотив, с ней связанный: позже Ганин и Машенька встречаются на *шестиколонном крытом перроне* (с. 94–95) этой усадьбы, который вызывает ассоциацию с перроном железнодорожным, откуда отправляется поезд их судьбы. Мир Ганина и Машеньки наполнен запахами и вкусами, многоцветен, но в момент последней любовной встречи в него вторгается сын сторожа: Ганин увидел, что *ставня одного из окон, выходящих на перрон, отвернута, что к черному стеклу изнутри прижимается, сплющив белый нос, человеческое лицо* (с. 95). В своем черно-белом облике, а также с деформацией части лица он подобен призраку заколоченной усадьбы и призракам, теням будущего берлинского поезда-дома-города, которые постоянно назойливо прерывают поток счастья Ганина.

Интересно, что в связи с этой усадьбой в романе появляется еще одна имплицитная метафора, связанная с поездом и железной дорогой: *Дождевая сила в липах перед перроном, в черной, клубящейся тьме, прокатывала широким порывом, и скрипели стволы, схваченные железными скрепами для поддержания их дряхлой мощи* (с. 95). Дождь подобен поезду, прибывающему на перрон: его *сила прокатывала*; тьма вокруг клубила (что схоже с клубами дыма от поезда); липы возле перрона и невидимого поезда схвачены железными скрепами, и этот образ вносит в растительный древесный мир элемент железа, в общем контексте вызывающий ассоциацию с железной дорогой.

Колонны этой усадьбы из воспоминания Ганина, которые *в струящейся тьме выступали с тихим вращением <...>, омытые все тем же нежным, белесым светом велосипедного фонарика* (с. 94), рифмуются позже с поездом, что проходит рядом с домом, где живут русские эмигранты: *гулкая черная тень пробуждалась под железным мостом, когда по нему гремел черный поезд, продольно сквозя частоколом света* (с. 113). Образ частоккола света вызывает ассоциацию с деревянными колоннами усадьбы и совпадает с ними через наличие контраста: черный поезд и освещенные окна, сливающиеся на скорости воедино, темная ночь и освещенные фонариком велосипеда колонны.

Пансионеры для Ганина – это *тени его изгнаннического сна* (с. 83). Ганинское пребывание в Берлине рассматривается В. В. Набоковым через онейрическую оптику: отношения с Людмилой Ганин воспринимает как дурной затянувшийся сон; *он вспоминал о бегстве своем из России как бы сквозь сон – подобный морскому, чуть сверкающему туману* (с. 116), в Крыму он попал

поневоле в безумный и сонный поток гражданской эвакуации (с. 116–117). В финале романа, когда Ганин идет на вокзал, он видит, как ночные тени сменяются рассветными, а затем солнце преобразует реальность, и это становится *тайным поворотом, пробуждением его* (с. 126).

А. А. Долинин пишет: «когда в самой последней фразе романа» В. В. Набоков «сажает Ганина в движущийся поезд и снова, в какой уже раз, погружает его в сон, это уже не "гуманная дремота" его бывшего духовного ступора и не сновидческая "жизнь воспоминаний", а то "редчайшее, необычайное" сновиденье, смысл которого он прежде не смог понять, – тот пришедший в движение творческий сон, который "живет самой живой мечты о минувшем"» [Долинин 2009: 16]. Ганин отправляется в новое путешествие, утыкаясь в складки английского макинтоша – символа «нерусскости, личины, под которой приходится скрываться эмигранту» [Каракуц-Бородин 2022: 368], купленного им в Константинополе и связанного для него с мечтой о дороге, о пассажирском лайнере «Мавритания» (который, по мнению Ю. Левинга, замещает поезд [Левинг 2004: 75]). С другой стороны, можно предположить, что в этом последнем абзаце книги, когда Ганин – на фоне сбоя привычной жизни («сломанная багажная тачка» [Там же: 93]) – отказывается от возможности встречи с Машенькой, считая, что он исчерпал ее образ, и садится в другой поезд, вновь актуализируются онейрические и мортальные мотивы «Машеньки»: *И когда поезд тронулся, он задремал, уткнувшись лицом в складки макинтоша, висевшего с крюка над деревянной лавкой* (с. 127). Ганин снова уходит в сон, а из слов финального предложения ассоциативно складываются образы крюка, на котором можно повеситься (на крюке висит ганинская одежда как призрачное замещение его самого), и деревянного макинтоша. Ганин отказывается от повторения, но отказывается и от возможной любви, он отвергает повторение Берлина, но все равно остается изгнанником, пробуждается и тем не менее снова уходит в сон призрачного железнодорожного бытия. Как пишет Ю. Левинг, такой «Коллапс двух подходов, наличие заложенных в текст различных возможных объяснений миропорядка – типично набоковский прием двойственности» [Там же: 117].

Отдельно нужно отметить, помня и другие полигенетические [Тамми 1997], культурные связи романа «Машенька», что в связи с сюжетом и мотивной структурой «Машеньки» очевидно можно вспомнить стихотворение Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай»

[Долинин 2009: 10], которое в сжатом виде содержит в себе все ключевые мотивы набоковского текста – включая заглавный образ, образ трамвая, который, как и поезд, перемещается по железным рельсам и по рельсам человеческой жизни и судьбы. Также герой «Заблудившегося трамвая» прозревает земной мир полным людей и теней, тенями наполнена российская и берлинская реальность для Ганина. Наконец, герой В. В. Набокова, как и герой Н. С. Гумилева, так и не встречается с Машенькой, хотя вспоминает ее и обращается к ней в своих творческих воспоминаниях [Foster 1993: 56]: они разошлись во времени и не могут встретиться в пространстве. В целом это соотнесение (в «Заблудившемся трамвае» «лирический герой воспринимается в самых разных ипостасях: как мертвый, живой, воскресающий, умирающий, перерождающийся. А время и пространство при этом видятся как реальные, ирреальные и разворачивающиеся в различных направлениях» [Шунейко, Чибисова 2021: 304]) и контекст тотальной призрачной реальности набоковского романа заставляют задуматься о том, является ли вообще Ганин живым, и не является ли художественная реальность романа сновидением главного героя.

Заключение

Роман «Машенька» В. В. Набокова посвящен судьбе русских эмигрантов, навсегда оставшихся вне родины и без родины. Их состояние – онейрическое путешествие по призрачному пространству и замкнутому времени, их состояние – состояние призраков, существующих в призрачной реальности. Интегральным образом, который притягивает к себе многие иные образы романа, оказывается образ поезда. Герои книги приехали в Берлин на поезде, к Алферову, и, как долгое время кажется Ганину, к нему на экспрессе с севера едет Машенька, на поезде в Париж собирается уехать Подтягин, в финале Ганин на поезде отправляется на юго-запад Германии. Русские эмигранты живут возле железной дороги. Железная дорога – это метафора их бесприютной, жестокой по отношению к ним, нестабильной жизни, жизни в движении.

Поезд в «Машеньке» является поездом-призраком, и эта его призрачность и его «железнодорожная телесность» распространяется на героев романа и всю их реальность в целом. Призрачен и снаружи, и внутри и похож на поезд дом, в котором они живут. Призрачны и отчасти схожи с поездом сами герои книги: они подобны теням, и в их именах, телах и поступках проявляется поездная механистичность. Они похожи

на спящих, на живых мертвецов, что направляются к смерти. Призрачен и их Берлин, скрытый дымом, облаками, водой.

И Россия, которую вспоминает Ганин, также схожа с призраком. В отличие от берлинской реальности русская ганинская реальность исполнена света и счастья, но между ними постепенно проявляется множество печальных, в том числе железнодорожных, параллелей. Призраком оказывается и Машенька, на шее которой Ганин замечает *лиловые кровоподтеки, теневое ожерелье* (с. 100).

Кажется, что в конце романа главный герой выходит из состояния призрачного сна, но этот его выход не безусловен: поезд увозит его из мертвой реальности, из мортального хронотопа настоящего и прошлого, но его дорога (имея в виду, что Ганин – не однозначный двойник писателя) может быть дорогой в никуда [Стрельникова 2016], в другой призрачный

сон. Особенно учитывая, что его онтологический статус не безусловно ясен. Набоковский герой бежит от нищезанского вечного возвращения и одновременно стремится к нему – как в его «Парижской поэме»:

*В этой жизни, богатой узорами <...>
я почел бы за лучшее счастье
так сложить ее дивный ковер,
чтоб пришелся узор настоящего
на былое – на прежний узор⁷.*

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алетеия, 1999. 320 с. [Aleksandrov V. E. *Nabokov and otherworldliness: Metaphysics, ethics, and aesthetics*. St. Petersburg: Aleteia, 1999, 320. (In Russ.)]
- Андреева В. А. Композиция воспоминания в романе Гайто Газданова «Пробуждение». *Верхневолжский филологический вестник*. 2017. № 2. С. 21–26. [Andreeva V. A. Composition of memory in Gaito Gazdanov's novel "Awakening". *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2017, (2): 21–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yyuyqvp>
- Балашова Е. А. «Крушение» В. Набокова: внутри контекста. *Вестник славянских культур*. 2023. № 69. С. 168–175. [Balashova E. A. "The Wreck" by V. Nabokov: Inside the context. *Vestnik Slavianskikh Kultur*, 2023, (69): 168–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-168-175>
- Белова Т. Н. Художественное и документальное в мемуарных романах В. Набокова «Другие берега» и «Память, говори». *Филология и культура*. 2012. № 4. С. 77–81. [Belova T. N. Fiction and non-fiction in V. Nabokov's memoir novels "Speak, Memory" and "The Other Shores". *Philology and Culture*, 2012, (4): 77–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pyuyirl>
- Белюсова Е. Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька». *Вестник ТГУ. Филология*. 2017. № 47. С. 88–99. [Belousova E. G. On the film looking nature of the novel Mary by Vladimir Nabokov. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2017, (47): 88–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/47/6>
- Болдырева Е. М. Топология памяти в автобиографическом тексте: роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева» в контексте западноевропейского модернизма (В. Бенджамин «Берлинская хроника»). *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 2. С. 42–48. [Boldyreva E. M. Memory topology in the autobiographical text: The novel by I. Bunin "Arsenyev's Life" in the context of the Western European modernism (V. Benjamin "The Berlin Chronicle"). *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, (2): 42–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10384>
- Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М.: НЛО, 1998. 208 с. [Buks N. *The scaffold in the crystal palace. On the Russian novels by Vladimir Nabokov*. Moscow: NLO, 1998, 208. (In Russ.)]
- Дайнеко М. В. Контексты лексем поезд и train, создающих образ эмигрантского пансиона в романе В. Набокова «Машенька» и его англоязычной версии. *Вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы в свете современных исследований: XXXIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 20–21 октября 2022 г.)

⁷ Набоков В. В. Парижская поэма. In: Набоков В. В. *Русский период. Собрание сочинений в 5 томах*. СПб.: Симпозиум, 2008. Т. 5. С. 425.

- Чебоксары: ЧГПУ, 2022. С. 83–97. [Dayneko M. V. Contexts of the train and train lexemes that create the image of an emigrant boarding house in V. Nabokov's novel *Mary* and its English-language version. *Issues of intercultural communication and foreign literature in the light of modern research: Proc. XXXIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 20–21 Oct 2022. Cheboksary: CSPU, 2022, 83–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aeprrwt>
- Дарк О. И. Комментарии. In: Набоков В. В. *Собрание сочинений*. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 410–415. [Dark O. I. Comments. In: Nabokov V. V. *Collected Works*. Moscow: Pravda, 1990, vol. 1, 410–415. (In Russ.)]
- Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. In: Набоков В. В. *Русский период. Собрание сочинений в 5 томах*. СПб.: Симпозиум, 2009. Т. 2. С. 9–41. [Dolinin A. A. The true life of Sirin the writer. In: Nabokov V. V. *Russian period. Collected Works in five volumes*. St. Petersburg: Simposium, 2009, vol. 2, 9–41. (In Russ.)]
- Каракуц-Бородина Л. А. «Под тошный шумок макинтоша»: об одном слове в русской прозе Владимира Набокова. *Российский гуманитарный журнал*. 2022. Т. 11. № 5. С. 364–372. [Karakuts-Borodina L. A. "Pod toshnyii shumok makintosh": On the one word in Vladimir Nabokov's Russian prose. *Liberal Arts in Russia*, 2022, (5): 364–372. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.5.5>
- Карасева О. Г. Синтетизм: Е. Замятин, эпоха, новая проза. *Информационный бюллетень № 9 Двенадцатого методического совета Института по обобщению передового опыта учебно-методической работы на кафедрах и в подразделениях в Голицыне*. Голицыно: ГВИ ФПС РФ, 1998. С. 35–53. [Karaseva O. G. Synthetism: E. Zamyatin, epoch, and new prose. *Newsletter no. 9 of the 12th Methodological Council of the Institute on the best practices of academic and methodological work in departments in Golitsyno*. Golitsyno: GVI FPS RF, 1998, 35–53. (In Russ.)]
- Лебедева В. Ю. Мотив некропространства в романе В. Набокова «Машенька». *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2009. № 3-2. С. 79–81. [Lebedeva V. Yu. Motive of necrospace in the novel *Mary* by V. Nabokov. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2009, (3-2): 79–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ktuvbn>
- Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова. *Russian Literature*. 1990. Т. 28. № 1. С. 45–123. [Levin Yu. I. Bispatiality as an invariant of Nabokov's poetic world. *Russian Literature*, 1990, 28(1): 45–123. (In Russ.)] [https://doi.org/10.1016/0304-3479\(90\)90045-1](https://doi.org/10.1016/0304-3479(90)90045-1)
- Левин Ю. И. Заметки о Машеньке В. Набокова. *Russian Literature*. 1985. Т. 18. № 1. С. 21–30. [Levin Yu. I. Notes on *Mary* by V. Nabokov. *Russian Literature*, 1985, 18(1): 21–30. (In Russ.)] [https://doi.org/10.1016/0304-3479\(85\)90013-4](https://doi.org/10.1016/0304-3479(85)90013-4)
- Левинг Ю. Вокзал-Гараж-Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 400 с. [Leving Yu. *Station, Garage, and Hangar: Vladimir Nabokov and the Poetics of Russian Urbanism*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakh, 2004, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrcxjh>
- Леденев А. В. Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. М.-Ярославль, 2004. 253 с. [Ledenev A. V. *Nabokov et al. Poetics and stylistics of Vladimir Nabokov in the context of artistic quests of the first half of the XX century*. Moscow-Yaroslavl, 2004, 253. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qriygd>
- Леденев А. В. Северо-запад в «метагеографии» В. Набокова. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2006. № 8. С. 23–29. [Ledenev A. V. Northwest in Nabokov's "meta-geography". *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2006, (8): 23–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hvsaxz>
- Морозов Д. В. Художественное пространство-время в романе Набокова «Машенька». *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2007. Т. 13. № 1. С. 165–169. [Morozov D. V. Artistic space and time in Nabokov's novel *Mary*. *Vestnik of Kostroma State University*, 2007, 13(1): 165–169. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtbxgx>
- Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедиаальный и метапоэтический аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 50–59. [Muratova N. A., Zhilicheva G. A. Semiotics of the train in Russian literature: Intermedial and metapoetical aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 50–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-50-59>
- Мурашьева О. П., Караева Л. Н. Бронепоезд «Дым» как сквозная пространственная структура в романе Г. Газданова «Вечер у Клэр». *Ярославский педагогический вестник*. 2011. Т. 1. № 4. С. 177–180. [Murashiova O. P., Karaeva L. N. Armored train "Smoke" as a through spatial structure in G. Gazdanov's novel "Evening at Claire". *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2011, 1(4): 177–180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/piwutp>

- Николаев Д. Д. Поездка в поезде как сюжетный прием в творчестве Бунина. Статья первая: Запад и Восток. *Сюжетология и сюжетология*. 2020. № 2. С. 355–370. [Nikolaev D. D. Train travel as the basis of the plot in Bunin's works. Part one: East and West. *Plot Description and Analysis*, 2020, (2): 355–370. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-355-370>
- Осипова Н. О. Семантика вокзала в русской поэзии первой трети XX века. *Русская классика XX века: пределы интерпретации*, отв. ред. Л. П. Егорова. Ставрополь: СППУ, 1995. С. 89–93. [Osipova N. O. Semantics of a railway station in Russian poetry of the first third of the XX century. *Russian classics of the XXth century: Limits of interpretation*, ed. Egorova L. P. Stavropol: SSPU, 1995, 89–93. (In Russ.)]
- Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова. *В. В. Набоков: pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*, отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 491–513. [Paperno I. How Nabokov's *The Gift* is made. *V. V. Nabokov. Pro et contra: The personality and work of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign philosophers and researchers*, ed. Burlaka D. K. St. Petersburg, RGSИ, 1997, vol. 1, 491–513. (In Russ.)]
- Ролэн О. Пейзажи детства. Эссе. М.: Независимая Газета, 2001. 208 с. [Rolin O. *Landscapes of childhood. Essays*. Moscow: Nezavisimaia Gazeta, 2001, 208. (In Russ.)]
- Стрельникова Л. Ю. Идея «Вечного возвращения» как игра с ценностями жизни в романе В. Набокова «Машенька». *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 2. С. 113–120. [Strelnikova L. Yu. The idea of "Eternal Return" as a game with the values of life in the novel "Mary". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, 15(2): 113–120. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wantkf>
- Тамми П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова. *В. В. Набоков: pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*, отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 514–528. [Tammi P. Notes on the polygenetivity in Nabokov's prose. *V. V. Nabokov. Pro et contra: The personality and work of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign philosophers and researchers*, ed. Burlaka D. K. St. Petersburg, RGSИ, 1997, vol. 1, 514–528. (In Russ.)]
- Тименчик Р. Д. Расписание и Писанье. *Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*, eds. K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford: Stanford UP, 1994. P. 70. [Timenchik R. D. Timetable and Scripture. *Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*, eds. Polivanov K., Shevelenko I., Ustinov A. Stanford: Stanford UP, 1994, 70. (In Russ.)]
- Титов О. А. Имплицитные метафоры поезда в романе В. Набокова «Подвиг». *Язык русской литературы XX века*, общ. ред. О. П. Мурашова, Н. А. Николина. Ярославль: ЯГПУ, 2010. Т. 4. С. 102–115. [Titov O. A. Implicit metaphors of the train in V. Nabokov's novel «Glory». *The Language of Russian Literature of the XX century*, eds. Murashiova O. P., Nikolina N. A. Yaroslavl: YSPU, 2010, vol. 4, 102–115. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uwvbrn>
- Тюленева Е. М. Мифологема «вокзала» в поэтическом пространстве Б. Пастернака 1910–1920-х годов. *Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс*, отв. ред. В. П. Раков. Иваново: ИВГУ, 1999. С. 97–108. [Tyuleneva E. M. The myth of the railway station in B. Pasternak's poetry of the 1910–1920s. *Author's work and the literary process. Word in fiction, style, discourse*, ed. Rakov V. P. Ivanovo: IvSU, 1999, 97–108. (In Russ.)]
- Шунейко А. А., Чибисова О. В. Сто лет «Заблудившегося трамвая» Н. С. Гумилева в отражении отечественной аналитики. *Вестник ТГУ. Филология*. 2021. № 71. С. 294–309. [Shuneyko A. A., Chibisova O. V. One hundred years of Nikolay Gumilyov's "The Lost Tram" in the reflection of Russian analytics. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2021, (71): 294–309. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/71/18>
- Яновский А. О романе Набокова «Машенька». *В. В. Набоков: pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*, отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 842–850. [Yanovsky A. Mary by Nabokov. *V. V. Nabokov. Pro et contra: The personality and work of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign philosophers and researchers*, ed. Burlaka D. K. St. Petersburg: RGSИ, 1997, vol. 1, 842–850. (In Russ.)]
- Connolly J. W. *Nabokov's early fiction: Patterns of Self and Other*. Cambridge-NY: Cambridge University Press, 1992, 279.
- Foster B. J. *Nabokov's art of memory and European modernism*. Princeton: Princeton University Press, 1993, 284.
- Parker St. J. *Understanding Vladimir Nabokov*. Columbia: Univ of South Carolina Pr, 1987, 160.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zadwgp>

Художественная модель мира как предмет научного исследования

Шестакова Елена Юрьевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Архангельск

eLibrary Author SPIN: 7288-8173

<https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Scopus Author ID: 58031371300

shestakova.lena2013@yandex.ru

Аннотация: Необходимость исследования обусловлена обращением к обобщающим категориям, встречающимся в междисциплинарных науках. Цель – аналитический обзор проблемного вопроса современного литературоведения о смысловом и содержательном определении понятия *художественная модель мира* и его базовых параметров. Реализация цели потребовала выявления сущностного содержания термина *модель* в разных областях научного знания, рассмотрения исследовательских точек зрения на соотношение понятий *картина мира* и *модель мира*, художественной и научной картин мира, изучения роли личности автора в построении художественной миромодели, принципов миромоделирования. В настоящее время наблюдается активный интерес исследователей к проблемам миромоделирования, что обуславливает актуальность работы. Новизна заключается в попытке систематизации новейших трудов по указанному вопросу. Методология исследования включает структурно-описательный и описательно-функциональный подходы. Материалом послужили научные работы, связанные с проблематикой миромоделирования. Результаты показали, что в понятие *модель мира* включается представление о процессе воспроизведения внешней действительности субъектом, выстраивающим *модель* в соответствии с собственными ценностными установками, культурно-исторической эпохой. Ориентированность на образно-эмоциональное воздействие отличает художественную картину (модель) мира от точной, выверенной, фактической научной картины мира. Художественная модель мира включает оригинальный авторский взгляд, имеет особую хронологическую структуру и ориентирована на глубокое эмоциональное воздействие на читателя. Жанр оказывает большое влияние на своеобразие художественной миромодели. Метафора и ассоциации лежат в основе принципов миромоделирования.

Ключевые слова: художественная модель мира, картина мира, языковая картина мира, автор, национальные образы мира, принципы миромоделирования

Цитирование: Шестакова Е. Ю. Художественная модель мира как предмет научного исследования. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 647–658. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-647-658>

Поступила в редакцию 22.01.2024. Принята после рецензирования 04.03.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Artistic World Model as a Subject of Scientific Research

Elena Yu. Shestakova

Northern (Arctic) Lomonosov Federal University, Russia, Arkhangelsk

eLibrary Author SPIN: 7288-8173

<https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Scopus Author ID: 58031371300

shestakova.lena2013@yandex.ru

Abstract: Interdisciplinary studies often refer to such general categories as world model. This article is an analytical review of the artistic world model as a problematic issue of modern literary criticism. The author studied the essential content of the term *model* in different areas of scientific knowledge, as well as the relationship between the concepts

of *worldview* and *world model*, *artistic worldview* and *scientific worldview*, etc., as well as the role of the author's personality in their artistic world model and principles of world modeling, the latter being a popular scientific subject. The article is an attempt to systematize the latest publications on these issues. The methodology included structural-descriptive and descriptive-functional approaches. The analysis shows that the concept of *world model* is a process of reproducing external reality by a subject who builds its model in line with their own value systems, cultural background, and historical environment. An artistic worldview (model) focuses on all things figurative and emotional while scientific worldview is accurate, verified, and factual. The artistic world model broadcasts the author's view. It has a special chronotope and a deep emotional impact on its reader. The uniqueness of the artistic world model largely depends on the genre. The principles of world modeling rely on metaphor and associations.

Keywords: artistic world model, worldview, linguistic worldview, author, national world images, principles of world modeling

Citation: Shestakova E. Yu. Artistic World Model as a Subject of Scientific Research. *SibScript*, 2024, 26(4): 647–658. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-647-658>

Received 22 Jan 2024. Accepted after peer review 4 Mar 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

Настоящее исследование посвящено теме, вызывающей повышенный интерес в современном литературоведении, что определяет его актуальность, которая определяется и обзором большого количества теоретических работ по рассматриваемой проблеме. Необходимость исследования обусловлена обращением к обобщающим категориям, встречающимся в междисциплинарных науках. Новизна работы состоит в систематизации подходов к изучению категории миромоделирования. Цель – аналитический обзор научных исследований, посвященных понятию *художественная модель мира*. Задачи:

- 1) выявить сущностное содержание понятия *модель* в гуманитарном знании, его междисциплинарный характер;
- 2) соотнести понятия *картина мира* и *модель мира*;
- 3) определить смысловое наполнение понятия *художественная модель мира*, роль авторского сознания в структурировании художественной миромодели;
- 4) представить результаты предшествующих исследований о своеобразии национальной картины мира, соотнесении художественной и научной картин мира;
- 5) изучить принципы миромоделирования, обозначенные в научных трудах.

Вопросы о модели мира, картине мира, художественной модели мира, национальных образах мира, художественном мире писателя, языковой модели мира поднимались в трудах [Астрахан 2014; Бахтин 1986; Бочаров 1985; Вартофский 1988; Гарипова 2020; Гачев 1999; Дмитриева 2016; Дулова, Николаев 2019; Дуреева

2011; Ибатуллина 2013; Кравцова 2014; Левина 2022; Лихачев 1979; Лотман 1970; Мицкевич, Бричковский 2008; Пардаева 2019; Пивторак 2019; Пищальникова 2019; Рабош, Солдатов 2014; Садыкова 2007; Стрелец 2008; Темиршина 2012; Топоров 1982; Федоров 2004; Хольтхузен 1992; Цивьян 2006; Шмелев 2002; Яковлева 1994; Laskava et al. 2021] и др.

Методы и материалы

Структурно-описательный метод, направленный на выявление структуры понятия *художественная модель мира*, и описательно-функциональный подход, предполагающий рассмотрение роли, функций понятия, легли в основу методологии исследования. Материалом стали научные труды, связанные с проблематикой толкования понятий *модель*, *художественная модель*, *картина мира* и т. д.

Результаты

Модель и модель мира как междисциплинарные понятия

Понятие *модель мира* в настоящий момент является предметом широких изысканий в разных областях научного знания. С точки зрения философии это понятие связано с представлением об истине как объекте познания, воспроизведением внешней действительности [Вартофский 1988: 14, 22]. Назначением модели является моделирование окружающего мира, человеческого общества, отдельного человека, отношений в области математики, логики. В модели непременно находит выражение *отношение к миру*, к воссоздаваемому объекту творца / пользователя, т. е.

обязательно наличествует субъект моделирования – индивид, находящийся «с миром или с другими людьми в том отношении, которое выражено в данной модели» [Там же: 22]. Исследователи предлагают типологии моделей, среди которых выделяются вычислительные модели, механические, гипотетические, аппроксимативные и др. [Там же: 28].

Целостное представление о *модели мира* дано в работе Н. С. Дуреевой. Под моделью мира исследователь понимает особое «методологическое средство», которое позволяет выстроить особую «направленность в изучении объектов или явлений» и «общую стратегию исследования» [Дуреева 2011: 55]. Для ученых разных областей знаний понятие *модель мира* связывается с возможностью выстраивания новой реальности или воссоздания внешней действительности. Модель мира является сложным понятием, в основе которого – отображение фундаментальных признаков окружающего мира, характерных для научных представлений конкретной эпохи [Там же: 57–58]. В области психологического знания под моделью мира понимают единое, цельное изображение внешней по отношению к человеку среды [Грановская 2010: 24]. В области программирования и информатизации в значение модели мира (картины мира) вкладывается понимание «установившегося научного представления» [Мицкевич, Бричковский 2008: 34].

Т. В. Добровольская размышляет о том, как непосредственно происходит процесс миромоделирования, и выделяет определенные принципы, лежащие в основе структурирования модели мира. Первый принцип – *лингвистический* – является основополагающим, т. к. модель реализуется прежде всего через языковой код. Второй обозначен как *принцип границы*, поскольку пространственные ограничения должны отделить модель от иной, другой структуры. Третий принцип связан с самим субъектом миромоделирования, который определяет смысловое, ценностное, содержательное наполнение модели, а также очерчивает ее границы и описывает с помощью языковых средств [Добровольская 2006: 48]. Большую роль в построении миромодели, на взгляд Т. В. Добровольской, играет абстрактно-логическое мышление. Модель, являясь концептуально-когнитивным образованием, претерпевает процесс этапизации. Субъект сначала описывает модель, потом выдвигает определенные допущения, затем осуществляет проверку на правильность, разумность, согласованность. По мнению ученого, модель, без сомнения, помогает человеку познавать окружающую действительность, внешнюю реальность [Там же].

Понятие *модель мира* является междисциплинарным. На наш взгляд, важным представляется то, что для каждой области научного знания при построении миромодели важны языковые средства выражения, понимание границ, очерчивающих пределы модели, а также степень аксиологической значимости для того, кто является ее автором, создателем.

С помощью модели человек обретает возможность воссоединения с окружающим миром действительности, освоения его. Миромодель всегда отражает современные для ее творца (и общества) ценностные категории, специфику мироощущения и мирочувствования индивида. По сути, можно говорить о том, что в модели заключено информативное, познавательное, бытийственное значение. Миромодель является особой формой осмысления и отражения действительности, важным инструментом, методом ее познания.

Модель мира отличается наглядностью, пристальным вниманием к конкретным деталям воссоздаваемого объекта, связанным с «размером, формой, цветом, объемом» [Дмитриева 2016: 195]. Всегда при структурировании модели выделяются так называемые доминантные признаки объекта познания, которые служат в дальнейшем базой, фундаментом для того, чтобы «выделять данный объект из числа других, либо отождествлять его с подобными» [Там же]. Ведущими характеристиками модели мира являются «первичность, простота, наглядность, схематичность» [Там же]. Не менее важным параметром миромодели является «ориентирование предмета в пространстве» [Там же]. Миромоделирование дает человеку возможность получения представлений о цельности, единстве бытия. Упрощение, вне всякого сомнения, помогает в этом процессе. Процесс моделирования мира помогает в «изучении и объяснении явлений различного порядка сквозь призму уже воспринятых и осмысленных объектов действительности» [Там же: 196].

Модель, на взгляд Е. В. Михайловой, связана с представлением о мире, сопряженном с определенной культурной, национальной традицией [Михайлова 2008: 38]. Такое определение дается и в работах В. Н. Топорова [Топоров 1982], А. Ф. Косарева [Косарев 2000].

Итак, понятие *модель мира* включает в себя представление об истине и процесс воспроизведения внешней действительности (окружающего мира, человеческого общества, отдельного индивида). Субъект моделирования выстраивает модель в зависимости от собственных взглядов, ценностных установок, представлений. Важное значение в структурировании

модели отводится культурно-историческому контексту. При построении модели творец не только отражает внешнюю реальность, но и способен сконструировать новый мир. Миромодель становится определяющим направлением исследовательской деятельности.

Соотнесение понятий *картина мира* и *модель мира*

Для современного научного знания характерна широта мнений, точек зрения на толкование и осмысление понятий *картина мира*, *модель мира*. В некоторых работах наблюдается стремление отграничить обозначенные понятия от категории *образ мира*. Размышление об этом осуществляется в рамках культурологического знания, искусствоведения, языкознания, литературоведения.

Е. В. Пивторак, анализируя различные исследования, приходит к выводу, что понятие *картина мира* используется прежде всего в лингвистике, а *модель мира* (наряду с картиной мира) чаще встречается в работах по философии, культурологии [Пивторак 2019].

Понятия *картина мира* / *модель мира* / *образ мира*, согласно В. А. Пищальниковой, в настоящее время применяются «для обозначения ментального содержания, отражающего содержание и структуру действительности» [Пищальникова 2019: 13]. В семантике этих понятий усматривается такая важная составляющая, как «деятельностная природа картины мира», появляющаяся «в результате активной познающей деятельности человека» [Там же: 14]. В модели, как и картине мира, в полной мере проявляется полнота видения, понимания мира, связанного со спецификой мышления человека. Исследователь настаивает на том, что картина мира является «индивидуальным построением модели мира» [Там же: 16].

Размышляя о содержательном наполнении понятий *картина мира* / *модель мира* / *образ мира* в лингвистике, Ю. Л. Дмитриева делает вывод, что картина мира выражается через образ мира, являющийся основой жизнедеятельности личности и появляющийся в процессе «взаимодействия человека с окружающим миром» [Дмитриева 2016: 192]. В языкознании понятие (или, по формулировке автора, термин) *модель* тесно связывается с *методом моделирования*, заключающимся в «изучении свойств и / или структуры языкового факта на основании рассмотренных существенных характеристик их модели» [Там же: 195–196]. В свою очередь, *модель* можно интерпретировать «как алгоритм описания анализируемых феноменов согласно определённому регистру параметров такого описания» [Там же: 196].

Соотношение понятий *образ мира* / *модель мира*, по мнению Ю. Л. Дмитриевой, строится на основе существенных различий. Модель «воспроизводит познаваемый объект с целью его дальнейшего изучения» [Там же: 197], а образ предоставляет индивиду возможность целостного представления об объекте «в многообразии его актуальных для человека характеристик и порождаемых им впечатлений» [Там же]. В результате можно сделать вывод о том, что модель мира в первую очередь «выполняет объяснительную функцию, а образ мира – описательную» [Там же].

В современном литературоведении также ставится вопрос о соотнесении понятий *модель мира* / *картина мира*. О. Р. Темиршина настаивает на принципиальном разделении указанных терминов. Исследователь утверждает, что модель мира не стоит воспринимать только как «конкретную философскую систему» [Темиршина 2012: 19]. В большей степени это свойственно для понятия *картина мира*. Для модели мира характерно представление об определенной системе правил, сопряженной со смыслами. Модель мира является «базовой системой-интерпретатором», которая позволяет, в соответствии с определенными правилами, «комбинировать образы в рамках того или иного поэтического типа» [Там же]. В этой логике миромодель осмысливается набором самых общих, абстрактных представлений о мире, тесно связанных с определенными художественными направлениями, течениями, с существующими культурно-философскими концепциями. В таком случае *тип поэтики* определяет своеобразие *модели мира*, а *индивидуально-авторская поэтика* – *картину мира* [Там же: 25–26].

Понятия *модель мира* / *образ мира* / *картина мира* содержат «интегральные семы в дефиниционных моделях описания», однако они «различаются выполняемыми функциями и объемом содержания» [Дмитриева 2016: 200].

Н. А. Ларина настаивает на разграничении понятий *картина мира* и *модель мира*. Картина мира, с ее точки зрения, предстает «формой плана выражения для модели мира» [Ларина 2017: 40].

В работах А. Д. Шмелева идет речь о специфике языковой картины мира. Его интересуют ее национальные особенности, в связи с чем он вводит понятие *русская языковая картина мира* [Шмелев 2002: 294]. При этом исследователь одновременно имеет в виду *русскую языковую модель мира*. В рамках одной языковой модели (или картины мира) могут существовать принципиальные различия, в особенности если речь идет о своеобразии фольклорных текстов, функционировании

диалектов, специфике христианского миропонимания. Исследователь определяет, что в основании русской языковой картины мира лежат сквозные мотивы. Фундаментом национальной картины мира русского народа являются антиномичные представления, связанные с идеей об идеальном / материальном, интеллектуальном / эмоциональном [Там же: 299, 301].

О синонимичности понятий *модель мира / художественный мир / картина мира* пишет Ф. П. Федоров, утверждая, что художественный мир, собственно, и является моделью мира [Федоров 2004]. Неразделенность картины мира и модели мира подчеркивает Ю. В. Кравцова [Кравцова 2014: 11].

По мнению С. А. Дуловой и Н. И. Николаева, художественная модель мира предстает эквивалентом художественной картины мира. Исследователи отмечают важность «печати эпохального и культурно-национального масштаба», лежащей в основе художественной картины / модели мира [Дулова, Николаев 2019: 131].

Понятие *модель мира* (речь идет о мифопоэтической модели мира) рассматривалось В. Н. Топоровым. Исследователь имеет в виду «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте» [Топоров 1982: 161]. В представлении В. Н. Топорова, модель мира не связывается с понятиями эмпирического уровня. Для наиболее полного описания мифопоэтической модели мира исследователь предложил ряд признаков. Первый из них связан с пространственными категориями, находящимися в амбивалентных отношениях друг с другом: верх / низ, небо / земля и т. д. Временные оппозиции определяют еще одно направление ведущих параметров мифопоэтической модели мира: день / ночь, весна / зима. К ведущим признакам относятся и цветовые оппозиции (белый / черный), а также признаки чуждости и близости (свой / чужой) и т. д. [Там же].

О своеобразии мифопоэтического миромоделирования размышляла Г. М. Ибатуллина. Она определила, что мифопоэтическая модель была «первичной формой образного моделирования реальности» [Ибатуллина 2013: 92]. В границах этой модели «возможности человека и внутренние возможности действительности не противоречили друг другу, а жили в абсолютном взаимосоответствии и внутренней цельности» [Там же]. Для мифопоэтической модели мира характера целостная замкнутость, подвергающаяся деструкции «с рождением процессов рефлексийного растождествления человека с самим собой и миром» [Там же]. Рефлексия, пробужденное сознание рождает дистанцию

по отношению к мифу. Результатом этого становится появление жанров или «"пост-мифологических" жанрово-родовых эйдосов миромоделирования» [Там же]. Жанры эпоса, мистерии, трагедии являются «первичными пост-мифологическими эйдосами» [Там же]. Примечательно, что рефлексийная дистанция нашла выражение через *пространственные* образы и определила «мистериальные формы моделирования реальности» [Там же: 93]. В рамках каждого жанра, по мысли Г. М. Ибатуллиной, воссоздается «модель реальности как адекватная самой реальности» [Там же].

Т. В. Цивьян, определяя сущность модели мира, идет вслед за В. Н. Топоровым. Как отмечает исследователь, миромодель не находит выражение в «систематизации эмпирической информации» [Цивьян 2006: 5]. Она представляет собой «сочетание разных семиотических воплощений», которые «скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему» [Там же]. Модель мира в полной мере поддается языковому описанию, в связи с чем «уподоблена универсальной грамматике» [Там же: 9]. По сути, она сама является своеобразным языком, содержащим словарь определенных элементов и грамматику. Картина мира осмысливается текстом, созданным при помощи такого языка.

О пространственной модели мира – как бы микромире, который выстраивается средневековым человеком, стремящимся «как можно полнее, шире охватить мир, сокращая его в своем восприятии», – писал Д. С. Лихачев [Лихачев 1979: 343].

Картина (модель) мира является основополагающим понятием, отражающим специфику человеческого бытия. Она возникает из потребности осмысления реальной жизни, действительности, представляя собой «структурирование знаний об этой реальности» [Кравцова 2014: 11].

В литературе «мироздание моделируется в форме художественной картины мира», которая непременно связана «с объективной реальностью, лежащей за пределами их произведений» [Рабош, Солдатов 2014: 30]. Такая связь становится очевидной через восприятие зрителя или слушателя. Вместе с тем можно говорить о том, что художник в миромодели выражает собственное отношение к более обширной картине мира, размещенной в художественном подтексте [Там же].

На наш взгляд, точка зрения на объединение понятий *картина мира* и *модель мира* является наиболее продуктивной. Представляется важным подчеркнуть, что, размышляя о модели мира, необходимо употреблять это понятие как родственное, близкое, синонимичное картине мира.

Своеобразие национальной модели мира

В советском литературоведении сформулирована и изучена специфика национальной модели мира. Крупным специалистом в этом направлении стал Г. Д. Гачев. Предметом основного изучения исследователя явился национальный космос, представляющий собой строй мира, или миропорядок, где складываются представления о том, «как каждый народ из единого мирового бытия, которое выступает вначале как хаос, творит по-своему особый космос» [Гачев 1999: 10]. Для национальной модели мира характерен «особый **логос** – национальное миропонимание, логика» [Там же]. Пространственно-временные параметры определяют ее специфику: нижние этажи – природа, быт, дом, одежда, пища, в обустройстве жилища виден «отпечаток, отражение космоса» [Там же: 10–12]. В локусе дома каждая вещь, предмет, деталь, действие, еда предстают особым микрокосмосом. Печка, пища становятся ведущими образами в этом пространстве. Еда осмысливается «посредником между макро- и микрокосмосом», а ее поглощение сопрягается с процессом «освоения бытия, как и мышление» [Там же: 29]. Сакральные сооружения (русская церковь и мечеть) являются «натуральным космосом, открытым пространством, не заставленным человеческими предметами» [Там же: 64]. Поэтому верхом становится небосвод и округлый купол [Там же]. Национальная модель мира является неотъемлемой частью общего представления о мире, отраженного в художественном сознании.

Художественная модель мира как результат авторского мировидения

В художественной модели мира большое значение имеет личность автора. М. М. Бахтин наделял автора ролью «носителя напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгredientного каждому отдельному моменту его» [Бахтин 1986: 16]. Определяющим здесь представляется то, что сознание автора «есть объемлющее сознание героя и его мир сознание, объемлющее и завершающее это сознание героя моментами, принципиально трансгredientными ему самому, которые, будучи имманентными, сделали бы фальшивым это сознание» [Там же]. У автора есть возможность «видеть и знать все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно» [Там же]. В этом «избытке видения и знания автора по отношению к каждому

герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения» [Там же].

Основное внимание С. Г. Бочарова сосредоточено на осмыслении авторских миров художников. Исследователь размышляет о сообщающихся мирах художественных произведений, о самобытном мире писателя [Бочаров 1985: 64].

О специфике художественного мира, где наиболее всего важен уровень авторского текста, писал Ю. М. Лотман, оперируя понятием *модель мира* и выделяя его компоненты: персонаж, пространство [Лотман 1970: 296, 303].

Художественная модель мира определяется своеобразием авторского миромоделирования, которое представляет собой «разнообразные формы и средства репрезентации творческого мышления» [Левина 2022: 453]. Авторское мировидение отражается на проблемном и тематическом уровнях, формирует образно-мотивные блоки, своеобразие сюжетного развития, движение лирической ситуации, комплекс изобразительно-выразительных средств [Там же]. З. Ж. Пардаева, рассматривая цветовую образность, утверждает, что каждый автор создает свою концепцию света и отображает ее в художественной модели [Пардаева 2019]. Ю. В. Кравцова рассматривает «индивидуальные метафорические картины мира русских поэтов-прозаиков первой половины XX в.» [Кравцова 2014: 9].

В. А. Рабош и А. В. Солдатов отмечают важность авторской точки зрения в процессе миромоделирования, т. к. художественная модель «синтезирует в себе все знания художника о мире», показанные «под определенным углом зрения» [Рабош, Солдатов 2014: 30]. Вместе с тем исследователи предлагают различать *индивидуальную художественную картину мира* и *общую художественную картину человеческого мира*. Первая воссоздается в сознании конкретного художника, вторая является продуктом творчества нескольких поколений человеческого сообщества, которые связаны с разными областями культурного процесса. В результате достигается «интегральный результат целостного отражения мира в сознании творящего человечества» [Там же: 31]. Подчеркивается, что в основе художественной модели мира заложено «авторское истолкование отношения человека к окружающему его миру (его Космосу)» [Там же: 40].

Иллюстрацией того, что автор моделирует художественный мир по собственным законам, могут

служить произведения О. И. Сенковского (псевдоним – Барон Брамбеус). Изучение его текстов привело исследователя Е. А. Тозьякову к выводам о том, что он использует приемы площадного искусства, в котором границами мира выступают кулисы и ширмы. В художественных произведениях О. И. Сенковского воссоздаются миромоделирующие системы, восходящие к пониманию мира как театра, в свою очередь, опирающиеся на шекспировскую формулу [Тозьякова 2008].

В целом особенности авторского миромоделирования встречаются в каждом произведении того или иного писателя, поэта, драматурга. Можно говорить о художественных мирах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и т. д. Подчеркнем, что несомненным предстает тот факт, что в художественной модели мира большую роль играет личность автора, его ценностные взгляды, установки, особенности мировосприятия и миропостижения.

Характерные особенности художественной модели мира

В. Н. Топоров отдельное внимание уделяет характерным особенностям мифопоэтической модели мира: пространство, время, антропоцентризм, близость природы и человека, этические нормы поведения и др. Исследователь оперирует понятием *антропоморфное моделирование*, при котором «на языковом и надязыковом уровнях» «части космического пространства и земли в целом», образы бытового порядка (дом, утварь, посуда, одежда) «соотносимы с названиями человеческого тела» [Топоров 1982: 162]. Для мифопоэтической модели мира свойственны особые параметры пространства и времени, проявляющиеся в «указании наиболее сакральных и, следовательно, наиболее мифологизированных точек» [Там же]. Речь идет об образах центра мира, раскрытых как абстрактных и одновременно конкретных, а также образах начала во времени (имеется в виду времени творения). Такое понимание времени в наибольшей степени отображалось в «главном родовом ритуале» [Там же].

Ф. П. Федоров писал о доминантных категориях модели мира, называя их универсалиями, или трансцензусами. Универсалии создают особую *сетку сознания*. Исследователь представил модель в виде матрицы, таблицы, «на которую "насажена" картина мира в ее целостности» [Федоров 2004: 14]. По сути, категория целостности придает картине мира

единство. Важной парадигмой картины мира / модели мира являются пространственно-временной язык и человек [Там же].

Категория художественного пространства, по мнению О. Р. Темиршиной, является «семиотической основой модели мира» [Темиршина 2012: 20]. О времени и пространстве, являющихся основными составляющими художественного произведения, писал М. М. Бахтин. Исследователь ввел понятие *литературно-художественный хронотоп*, представляющее собой «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин 1975: 235]. В художественном тексте, как отмечает автор, время «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым» [Там же]. В отношении пространства происходит его «интенсификация, втягивание в движение времени, сюжета, истории» [Там же]. В литературном произведении «приметы времени раскрываются в пространстве», в свою очередь, «пространство осмысливается и измеряется временем» [Там же]. Хронотоп тесно связан с жанром, он «определяет <...> образ человека в литературе» [Там же].

В настоящее время отдельное внимание исследователи уделяют понятию *пространственная модель мира*. Среди современных литературоведческих работ наиболее полное изучение художественной модели в ее пространственном отношении встречается у Ю. Г. Пыхтиной. В ее совместной статье с П. А. Якимовым предложена универсальная модель пространственного анализа текста, поскольку пространство предстает ведущей характеристикой художественного мира произведения. Авторы выделяют базовые модели, или пространственные архетипы, являющиеся основой мировосприятия (матрицей), содержащей «устойчивые представления об окружающей действительности» и «исконные ценностные ориентации человека» [Пыхтина, Якимов 2017: 60]. Эти пространственные модели реализуются через разнообразные оппозиции: Космос / Хаос, дом / лес, дом / анти-дом, дом / дорога. Такое понимание базируется на работах В. Н. Топорова. Ю. Г. Пыхтина и П. А. Якимов выделяют миромоделирующие пространственные константы, связанные с вертикальными и горизонтальными направлениями, наличием границы, разделяющей свой и чужой локусы, образом дома как «сакрального», «небесного архетипа» [Там же: 61]. Для авторов важным представляется выделение функции пространства, сопряженной с родовыми и жанровыми особенностями произведения [Там же: 62].

Как отмечает Ю. Г. Пыхтина, в художественном тексте пространственная модель может реализовываться в конкретных образах, таких как город, дом, сад. Одновременно с этим средством миромоделирования могут выступать и абстрактные художественные образы – космос / хаос / пустота [Пыхтина 2013]. Автор также разработала и обосновала типологию пространственных моделей. Первым из них является реальное пространство, далее выделяются психологическое, мифологическое, космическое, фантастическое [Пыхтина 2007].

Пространство и время, по замечанию Е. В. Меркель, предстают важными категориями или «базовыми параметрами модели мира» [Меркель 2013: 57].

Для художественной модели мира важными являются такие элементы, как художественный образ мироздания, а также «каноны, которым должны соответствовать произведения, соотносящиеся с данным художественным подходом к воссозданию мироздания в его человеческом измерении» [Рабош, Солдатов 2014: 36]. Говоря о канонах, исследователи имеют в виду литературные направления, течения (романтизм, реализм, авангард, неонатурализм и др.).

Отсюда следует, что к характерным особенностям (базовым компонентам, универсалиям) художественной модели мира относятся пространство, время, человек (герой, персонаж). Среди важных элементов выделяются этико-нравственные ценности, система смыслов, бытийное начало и одновременно отражение вещественного, материального мира, связь с литературным течением, направлением. Эволюция, изменение, историческая динамика являются значимыми компонентами художественной модели мира.

Принципы миромоделирования в художественном тексте

В исследовательской литературе выделяются принципы / способы миромоделирования. В статье Л. И. Стрелец указываются и обосновываются метонимический, метафорический (синонимичное название – символический) и ассоциативный миромоделирующие принципы. Для первого способа характерным является изображение какого-либо случая или существенного аспекта жизни, который помогает «составить представление о всеобщем смысле бытия», «о мире в целом» [Стрелец 2008: 140]. Название ассоциативного принципа говорит само за себя, он основывается на выстраивании читателем широкого ряда литературных интерпретаций. Еще один способ

миромоделирования выделен Т. Г. Гариповой – интерферированный [Гарипова 2020: 401].

Поскольку художественная модель базируется на основе тропеического осмысления действительности, то вполне закономерным представляется выделение символики и метафоричности в качестве ее основополагающих принципов.

Художественная и научная модели (картины) мира

Художественная модель мира находит свое выражение в «образном эмоциональном виде, предполагающем сопереживание» [Рабош, Солдатов 2014: 31]. Производство искусства, осуществляя процесс моделирования действительности, ориентируется на метафорическую, символическую формы образной системы, требующие трактовки, интерпретации. В этом состоит так называемый условный характер художественной миромодели, проявляющийся в том, что она не обладает «точностью в смысле адекватного отражения реальности» [Там же]. Такое свойство существенно отличает ее от научной теории. Для художественной миромодели важен факт «силы воздействия на общество», который «определяется наличием в их структуре многозначных символов, придающих произведениям искусства общечеловеческий характер» [Там же: 32]. Литературный текст всегда наделен возможностью «сохранения сопереживательной силы на протяжении многих веков» [Там же]. Напротив, в научной картине мира «образная (иконическая) модель обязательно сопряжена со знаковой (математической) моделью» [Там же: 31].

В основе противопоставленности научной и художественной моделей мира заключен монологический / диалогический характер. Научная модель ориентирована на монолог «познающего и высказывающего субъекта» [Там же: 32–33]. Напротив, для художественной модели мира в большей степени характерна диалоговая структура. Кроме того, важным параметром в художественной модели мира является временной, который определяется спецификой «ритма повествования», где с особенной силой выражена «связь онтологии и эстетики» [Там же: 34, 37]. Не менее важной категорией является пространственная структура, сопряженная с определенным мировоззрением литературного героя. Персонаж в художественном тексте ориентирован на саморефлексию, анализ своего положения в мире. Одновременно с этим он рассуждает о судьбе другого персонажа. Непременным условиям существования героя является склонность к «собственному аспекту видения мира» [Там же: 34]. Для воссоздания

художественной миромодели большое значение имеет научное знание, исторический контекст, общественные события, философские взгляды эпохи, своеобразие культурного развития.

В работах Г. Т. Гариповой разрабатывается представление о модели «книги бытия», начало которой было положено Д. С. Мережковским [Garipova 2012: 48]. Частный характер обретает рассмотрение исследователем такой характеристики обозначенной модели, как бытийственное начало, сопряженное с представлением о вечном Божественном Слове.

Художественная модель мира отличается от научной образной составляющей, направленностью на эмоциональное воздействие, ориентацией на символическое отражение действительности, предполагающей множество интерпретаций.

Заключение

Понятие *модель* широко используется в гуманитарном знании и имеет междисциплинарный характер. Общим для всех гуманитарных наук является ориентированность модели мира на выявление представлений об истине, процесс воспроизведения внешней действительности. Субъект моделирования структурирует модель в соответствии со своими взглядами, ценностными установками. Модель строится в неразрывной связи с историческим контекстом. Субъект способен и отразить внешнюю реальность, и смоделировать новую. Миромодель тесно связана с методической составляющей.

Среди исследователей наблюдаются разные точки зрения на сущность понятий *картина мира* и *модель мира*. Часть ученых считают эти понятия синонимами, что в большей степени соответствует их содержанию. Для других в этих понятиях заключена принципиальная разница, картина мира находит воплощение в модели мира. На наш взгляд, картина и модель мира содержательно одинаковы, их разведение представляется излишним.

Литература / References

- Астрахан Н. И. Художественное моделирование: теоретико-литературный аспект. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. № 11. С. 16–21. [Astrahan N. I. Art modeling: Aspects of the theory of literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, (11): 16–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tavbfn>
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с. [Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of various years*. Moscow: Khud. lit., 1975, 504. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtjaln>

Для художественной модели мира характерен особый культурно-исторический фон, связь с эпохой, неповторимый авторский взгляд. Автор, его мировоззрение, личный опыт, ценностные установки определяют специфику художественной модели мира. Художественная модель мира имеет определенную хронологическую структуру, систему образов, мотивов. Жанр оказывает большое влияние на своеобразие художественной миромодели.

В исследовательских работах выделяются и подробно изучаются понятия *языковая картина мира* (или *языковая модель мира*), *мифопоэтическая модель мира*, *национальная модель мира*, *художественная модель мира*, *научная картина мира*. Своеобразие национальной картины мира заключается в национальном понимании быта и бытия, устройства космоса и каждой части эмпирического существования. Ориентированность на образно-эмоциональное воздействие отличает художественную картину (модель) мира от точной, выверенной, фактической научной картины мира.

В качестве основных принципов миромоделирования исследователи выделяют метафорический и ассоциативный. На наш взгляд, сегодня возникает необходимость в выделении общих содержательных и структурных компонентов, которые позволили бы определить общую основу понятий *художественная модель мира* и *картина мира* с тем, чтобы можно было осуществить продуктивный анализ своеобразия воссоздания художественной модели мира разными авторами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986, 445. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmumn>
- Бочаров С. Г. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с. [Bocharov S. G. *Artistic worlds: Cervantes, Pushkin, Baratynsky, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, and Platonov*. Moscow: Sov. Rossiia, 1985, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trjcar>
- Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 508 с. [Wartofsky M. *Models. Representation and scientific understanding*. Moscow: Progress, 1988, 508. (In Russ.)]
- Гарипова Г. Т. Специфика художественного миромоделирования в прозе русского символизма: теория, тенденции, трансперсональные модели. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020. Т. 25. № 3. С. 399–423. [Garipova G. T. Specific of artistic world modeling in the Russian symbolism fiction: Theory, trends, transpersonal models. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2020, 25(3): 399–423. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-399-423>
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1999. 368 с. [Gachev G. D. *National world images. Eurasia as the cosmos of nomads, farmers, and highlanders*. Moscow: In-t DI-DIC, 1999, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbxdgx>
- Грановская Р. М. Психология веры. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010. 480 с. [Granovskaya R. M. *Psychology of Faith*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2010, 480. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qilpuf>
- Дмитриева Ю. Л. Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира». *Восточнославянская филология. Языкознание*. 2016. № 3. С. 192–202. [Dmitrieva Ju. L. Notions of "picture of the world", "image of the world" and "model of the world" in their correlation. *Vostochnoslavianskaia filologiya. Iazykoznanie*, 2016, (3): 192–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hbdfnf>
- Добровольская Т. В. Модельное постижение Мира. *Омский научный вестник*. 2006. № 4. С. 48–50. [Dobrovolskaya T. V. Model conception of the world. *Omsk Scientific Bulletin*, 2006, (4): 48–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvxxap>
- Дулова С. А., Николаев Н. И. Проза Гайто Газданова в контексте меняющейся художественной картины мира. *Litera*. 2019. № 4. С. 128–134. [Dulova S. A., Nikolaev N. I. Gaito Gazdanov's prose in terms of changing worldview in literature. *Litera*, 2019, (4): 128–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.4.30501>
- Дуреева Н. С. Понятие модель мира в науке. *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 353. С. 55–58. [Dureeva N. S. Concept of the model of the world in science. *Tomsk State University Journal*, 2011, (353): 55–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onzreb>
- Ибатуллина Г. М. Рефлексия и принципы жанрового миромоделирования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-1. С. 92–94. [Ibatullina G. M. Reflection and principles of genre world-modeling. *Philology. Theory & Practice*, 2013, (12-1): 92–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkqjlb>
- Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.: Per Se; СПб.: Унив. кн., 2000. 302 с. [Kosarev A. F. *Philosophy of myth: Mythology and its heuristic significance*. Moscow: Per Se; St. Petersburg: Univ. kn., 2000, 302. (In Russ.)]
- Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира в художественном тексте: семантико-когнитивный анализ. Киев: НПУ им. М. П. Драгоманова, 2014. 320 с. [Kravtsova Yu. V. *Metaphorical modeling of the world in a literary text: A semantic-cognitive analysis*. Kyiv: NPU named after M. P. Drahomanov, 2014, 320. (In Russ.)]
- Ларина Н. А. Модель мира в свете глоссематики: кинематический и плерематический анализ. *Казанская наука*. 2017. № 9. С. 39–41. [Larina N. A. The world modelling in the point of view of glossematics: Kinematic and plerematic analysis. *Kazan Science*, 2017, (9): 39–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpdevb>
- Левина Н. Н. Специфика художественного миромоделирования в поэзии Н. Циликина. *Вестник угроведения*. 2022. Т. 12. № 3. С. 453–462. [Levina N. N. Specifics of artistic world modeling in N. Tsilikin's poetry. *Bulletin of Ugric Studies*, 2022, 12(3): 453–462. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462>
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 360 с. [Likhachev D. S. *Poetics of Old Russian literature*. 3rd ed. Moscow: Nauka, 1979, 360. (In Russ.)]
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с. [Lotman Yu. M. *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo, 1970, 384. (In Russ.)]

- Меркель Е. В. К вопросу об онтопоэтических координатах в акмеистической модели мира. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2013. № 4. С. 57–66. [Merkel E. V. To the question of the onto-poetical features in the akmeistic's world model. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2013, (4): 57–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rejolt>
- Михайлова Е. В. Семантика символов «вертикали» и «горизонтали» модели мира в прозаических жанрах русского фольклора. *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 310. С. 38–41. [Mikhailova E. V. The semantics of symbols of vertical and horizontal models of the world in prosaic genres of the Russian folklore. *Tomsk State University Journal*, 2008, (310): 38–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jscqkj>
- Мицкевич В. В., Бричковский В. И. Модель мира: статика и динамика. Использование статической части модели при создании систем искусственного интеллекта. *Открытое образование*. 2008. № 1. С. 34–53. [Mickiewicz V. V., Brichkovsky V. I. Model of the world: A statics and dynamics. Use of a static part of model at creation of systems of an artificial intellect. *Open education*, 2008, (1): 34–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuunlf>
- Пардаева З. Ж. Свет и цвет как миромоделирование в поэтическом тексте. *Иностранная филология: язык, литература, образование*. 2019. № 4. С. 18–23. [Pardaeva Z. Zh. The light and color as the world model in a poetic text. *Foreign philology: language, literature, education*, 2019, (4): 18–23. (In Russ.)]
- Пивторак Е. В. Символика и семантика компонентов модели мира в русской традиционной культуре. М.: Ridero, 2019. 132 с. [Pivtorak E. V. *Symbolism and semantics of the components of the world model in Russian traditional culture*. Moscow: Ridero, 2019. 132. (In Russ.)]
- Пищальникова В. А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 1. С. 13–19. [Pishchalnikova V. A. Worldview as an interdisciplinary notion and procedures of its modelling. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, (1): 13–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpzza>
- Пыхтина Ю. Г. К проблеме классификации пространственных образов и моделей в художественной литературе. *Language means of preservation and development of cultural values: Proc. LXX Intern. Sci.-Prac. Conf. and III stage of the Championship in Philological Sciences, London, 14–20 Nov 2013*. L.: IASHE, 2013. P. 42–44. [Pykhtina Yu. G. Classification of spatial images and models in fiction. *Language means of preservation and development of cultural values: Proc. LXX Intern. Sci.-Prac. Conf. and III stage of the Championship in Philological Sciences, London, 14–20 Nov 2013*. L.: IASHE, 2013, 42–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spltfv>
- Пыхтина Ю. Г. Теория и методика анализа художественного текста: пространственный аспект. Оренбург: ОГУ, 2007. 113 с. [Pykhtina Yu. G. *Theory and methodology of literary text analysis: Spatial aspect*. Orenburg: OSU, 2007, 113. (In Russ.)]
- Пыхтина Ю. Г., Якимов П. А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. № 11. С. 59–66. [Pykhtina Yu. G., Yakimov P. A. Level analysis of spatial images and models in the literature. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (11): 59–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtabjz>
- Рабош В. А., Солдатов А. В. Структура мироздания в художественной и научной картинах мира. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2014. № 171. С. 30–41. [Rabosh V. A., Soldatov A. V. The structure of the universe in the artistic and scientific picture of the world. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2014, (171): 30–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rccbgd>
- Садыкова М. А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип – миф – религия – наука. *Современные проблемы науки и образования*. 2007. № 3. [Sadykova M. A. Comparison of the terms the world pattern and the world model: Archetype – myth – religion – science. *Modern problems of science and education*, 2007, (3). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=397> (accessed 15 Dec 2023). <https://elibrary.ru/ijfdqn>
- Стрелец Л. И. Способы миромоделирования в рассказе Л. Андреева «Большой шлем»: жанровый аспект. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 9. С. 139–143. [Strelets L. I. Methods of world modeling in L. Andreev's story Grand Slam: Genre aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, (9): 139–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msvqv>

- Темиршина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М.: ИМПЭ имени А. С. Грибоедова, 2012. 290 с. [Temirshina O. R. *Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry*. Moscow: IILE named after A. S. Griboyedov, 2012, 290. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwsakd>
- Тозыякова Е. А. Традиции народной городской зрелищной культуры в «Фантастических путешествиях барона Брамбеуса» О. И. Сенковского. *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 306. С. 21–22. [Tozyiakova E. A. Traditions of folk theatrical culture in "Fantasy adventures of Baron Brambeus" by O. I. Senkovski. *Tomsk State University Journal*, 2008, (306): 21–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijbncb>
- Топоров В. Н. Мифопоэтическая модель мира. *Мифы народов мира. Т. 2. К–Я*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1982. С. 161–166. [Toporov V. N. Mythopoetic model of the world. *Myths of different peoples. Vol. 2. K–Ja*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsikl., 1982, 161–166. (In Russ.)]
- Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с. [Fedorov F. P. *The artistic world of German romanticism: Structure and semantics*. Moscow: MIK, 2004, 368. (In Russ.)]
- Хольтхузен И. Модели мира в литературе русского авангарда. *Вопросы литературы*. 1992. № 3. С. 150–160. [Holthauzen I. Models of the world in the literature of the Russian avant-garde. *Voprosy Literatury*, 1992, (3): 150–160. (In Russ.)]
- Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 280 с. [Tsivyan T. V. *Model of the world and its linguistic foundations*. 3rd ed. Moscow: KomKniga, 2006, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qskaqj>
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК, 2002. 492 с. [Shmelev A. D. *Russian language and extra-linguistic reality*. Moscow: IaSK, 2002, 492. (In Russ.)]
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с. [Yakovleva E. S. *Fragments of the Russian linguistic worldview: Space, time, and perception*. Moscow: Gnozis, 1994, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumifl>
- Garipova G. T. World book as artistic-ontological concept of existence in world literary process of the XXth century. *Philology. Theory & Practice*, 2012, (2): 48–51. <https://elibrary.ru/ouxdvx>
- Laskava Y., Bondarenko V., Shulga O., Stasyk M., Stadnichenko O. Artistic modeling of history in literature and non-fiction of a post-totalitarian society. *Postmodern Openings*, 2021, 12(1Sup1): 228–237.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 29.07.2024.

Дата выхода в свет 19.08.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 18,83. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

